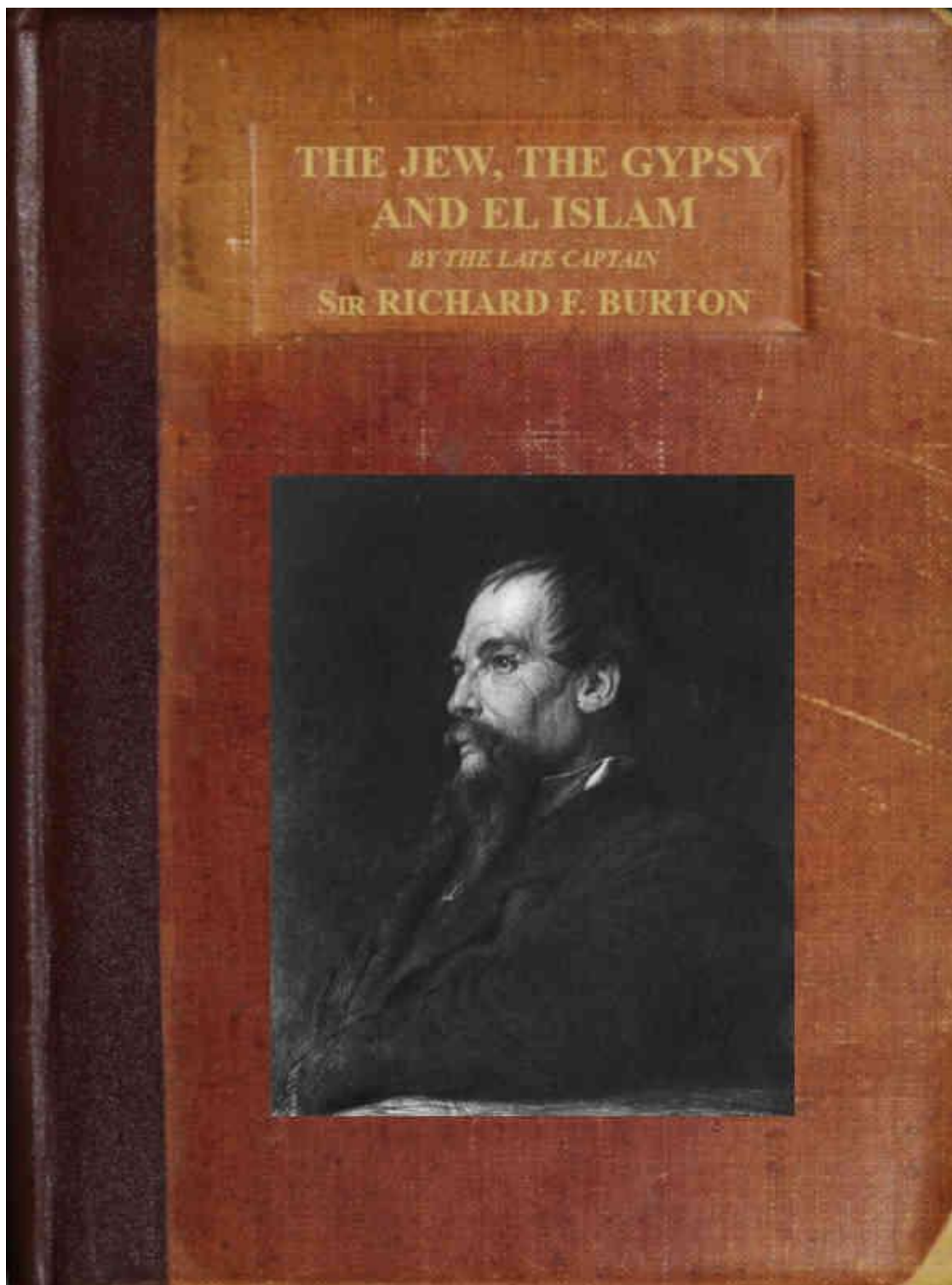

Еврей, цыган и Эль-Ислам

Сэр Ричард Фрэнсис Бертон

Электронная книга проекта "Гутенберг" о евреях, цыгане и исламе

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Еврей, цыган и Эль-Ислам

Автор: Сэр Ричард Фрэнсис Бертон

Редактор: У. Х. Уилкинс

Дата выхода: 24 мая 2018 [Электронная книга №57208]

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Фриц Ореншалл, Эммануэль Аккерман и команда онлайн-редакторов, распространяющая корректуру на <http://www.pgdp.net> (Эта книга была подготовлена на основе отсканированных изображений материалов, находящихся в общественном доступе, из проекта Google Books project.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЕВРЕЙ, ЦЫГАН И ЭЛЬ-ИСЛАМ" ***

ЕВРЕЙ, ЦЫГАН и ЭЛЬ-ИСЛАМ

С портрета кисти лорда Лейтона Ф. Дженкинс, имп. Пэрис
Ричард Ф. Бертон
[Арабский: الحاج عبد الله: Аль-Хадж 'абд Аллах]

Еврей, цыган и Эль-Ислам

Покойным капитаном **СЭРОМ РИЧАРДОМ Ф. БЕРТОНОМ**

К.К.М.Г. Ф. Р.Г.С. и др.

Переводчиком “Тысячи и одной ночи” и автором “Книги меча”, “Моего паломничества в Мекку” и др.

Под редакцией с предисловием и краткими примечаниями У. Х. УИЛКИНСА

Лондон
Hutchinson & Co
Патерностер -Роу

1898

Напечатано издательством Hazell, Watson & Viney, Ltd., Лондон и Эйлсбери.

ПРЕДИСЛОВИЕ

“Хорошему вину не нужен куст”, а хорошая книга не нуждается в предисловии, и меньше всего - к кому бы то ни было, кроме пера автора. Нарушение этого правила более почитаемо, чем соблюдение в наши дни, когда многие классические произведения кажутся отягощенными и затемненными ненужными замечаниями и громоздкими комментариями какого-нибудь неважного редактора. Со своей стороны, будет достаточно как можно более кратко изложить историю рукописи. в настоящем томе публикуется впервые.

Сэр Ричард Бертон был обширным писателем. В дополнение к сорока восьми работам, опубликованным при его жизни, после его смерти осталось двадцать рукописей, несколько длинных и несколько коротких, находящихся на разных стадиях завершения. Некоторые из них были готовы к печати; другие были полностью закончены и требовали лишь окончательной доработки или нескольких дополнений; некоторые находились только в стадии подготовки и по этой причине, возможно, никогда не увидят свет. Те, что приведены в этом томе, относятся ко второй категории. То, что так много рукописей Бертона не были опубликованы на момент его смерти, проистекало из его привычки работать над несколькими книгами одновременно. В его спальне, которая также служила ему кабинетом, в Триесте стояло около десяти или двенадцати грубо сколоченных столов, и на каждом столе были сложены материалы и заметки к другой книге, находившейся на более или менее продвинутой стадии завершения. Когда он уставал от одного или заходил в тупик из-за нехватки материала, он оставлял это на время и работал над другим. В течение последних нескольких лет его жизни большой успех, сопутствовавший его

"Арабским ночам", побудил его обратить больше внимания на этот этап своей работы, за исключением книг, подготовка к которым велась годами. Так получилось, что очень многие из них остались неопубликованными, когда он умер.

Как хорошо известно, он завещал свои труды, опубликованные и неопубликованные, своей вдове, леди Бертон, чтобы она поступала с ними так, как сочтет нужным. Леди Бертон умолчала о том, что сочла целесообразным; остальное она привезла с собой в Англию. Она опубликовала свою "*Жизнь сэра Ричарда Бертона*", новое издание его "*Тысячи и одной ночи*", также "*Катулла*" и "*Пентамерона*"; и готовила к публикации другие книги, когда умерла (март 1896 г.).

Ее сестра и душеприказчик, миссис Фитцджеральд (которой я хотел бы выразить свою благодарность за многие услуги, которые она мне оказала), сочла нужным доверить мне работу по редактированию и подготовке к публикации оставшихся рукописей. Пользуясь благоразумием, которое она любезно предоставила мне, я решил сначала изложить три рукописи, составляющие эту книгу.

Первая часть — *Еврей* — имеет несколько любопытную историю. Бертон собирал большую часть материалов для его написания с 1869 по 1871 год, когда он был консулом в Дамаске. Его глубокое знание восточных рас и языков, а также симпатия к восточным привычкам и образу мыслей предоставили ему исключительные возможности для этнологических исследований такого рода. Переодетый местным жителем и неизвестный ни одной живой душе, кроме своей жены, британский консул свободно общался с разношерстным населением Дамаска и осмотрел каждый квартал города — мусульманский, христианский и еврейский. Его расспросы принесли плоды в виде материала не только для этого общего очерка о евреях, но и для Приложения, посвященного предполагаемому обряду человеческих жертвоприношений у сефардов или восточных евреев, и особенно таинственному убийству падре Томазо в Дамаске в 1840 году. Нет никаких сомнений в том, что его исследование этих тем было одной из причин, вызвавших враждебность евреев Дамаска по отношению к нему; и эта враждебность была мощным фактором, хотя и ни в коем случае не единственным, при отзыве его лордом Грэнвиллом в 1871 году.

Однако перед отъездом из Дамаска Бертон собрал массу материалов, и в 1873 году, через год после того, как его назначили консулом в Триесте, он начал подготавливать их к публикации. У него была привычка в течение многих лет собирать материал для работы, отмечать, изучать и внутренне переваривать его, а затем писать за несколько месяцев. Этот план он реализовал в "*Еврее*", который, вместе с упомянутым выше Приложением, был закончен и готов к публикации к концу 1874 года.

В 1875 году он приехал домой из Триеста в отпуск и привез с собой книгу, намереваясь немедленно опубликовать ее. Но сначала он попросил влиятельного друга, занимавшего высокое положение в официальном мире, прочитать рукопись и высказать ему свое мнение относительно целесообразности ее публикации. Это мнение было неблагоприятным из-за антисемитской направленности книги. Другие друзья также указывали Бертому, что до тех пор, пока он остается на службе у правительства страны, где евреи пользуются беспрецедентной властью и положением, с его стороны было бы, мягко говоря, неразумно делать из них врагов. Эти аргументы имели вес для Бертона, на которого, как правило, ничто не влияло, кроме его собственной воли, и на этот раз он счел благоразумие лучшим качеством и вернулся со своей рукописью в Триест. Были и другие соображения. Его жена только что рассказала о своей

внутренней жизни Сирии, которая была частично посвящена защите его действий в Дамаске в отношении евреев. Оно встретило очень благосклонный прием. Его друзья также пытались получить для него степень К.К.Б. и должность в Танжере, Марокко — единственное, на что он надеялся, оставаясь на консульской службе. Таким образом, время (1875 год) считалось неподходящим для того, чтобы наживать врагов.

Бертон положил свою рукопись на полку и стал ждать повышения, которого так и не последовало. Он оставался там до 1886 года, когда Танжер, который был так хорош, как и было обещано Бертону, был передан лордом Роузбери сэру Уильяму Кирби-Грину. Затем Бертон снова снял рукопись, посвященную *еврею*, и велел переписать ее. Но его жена, которая пыталась добиться для него разрешения уйти на полную пенсию, указала ему, что, поскольку они так долго ждали, с таким же успехом можно подождать до марта 1891 года, когда по окончании срока его службы они отойдут от официальной жизни и смогут свободно публиковать то, что им нравится. Более того, у них было много друзей среди богатых евреев Триеста, и они не хотели ранить их восприимчивость. Бертон неохотно согласился на это, но заявил о своей решимости опубликовать книгу, как только он уйдет в отставку с консульской службы. За пять месяцев до даты своей отставки он умер.

На момент смерти у леди Бертон следующим в списке для публикации был "*Еврей*". Таким образом, публикуя его сейчас, человек всего лишь исполняет свои желания и желания своего мужа. Но, пользуясь предоставленной мне свободой действий, я счел за лучшее пока придержать Приложение о предполагаемом обряде человеческих жертвоприношений у сефардов и убийстве падре Томазо. Единственной альтернативой было опубликовать его в искаженном виде; и поскольку я твердо убежден, что никто не имеет права калечить творчество другого писателя, тем более того, кто умер, я предпочитаю придержать его до более удобного времени года. Я могу сделать это с более чистой совестью, потому что Приложение не имеет прямого отношения к другой части книги, и потому что главы о *еврее*, которые сохранены, намного важнее. Тон даже этой части антисемитский; но я не чувствую себя вправе идти наперекор желаниям автора и замалчивать интересное этнологическое исследование только для того, чтобы избежать возможности задеть восприимчивость еврейской общины. Верно сказано: "Каждая нация получает того еврея, которого она заслуживает", и вполне возможно, что суеверия и жестокость восточных евреев были порождены в них долгими веками угнетения и несправедливости. От этих суеверий и жестокости просвещенные и пользующиеся большим уважением евреи в Англии, естественно, испытывают отвращение и отречение; но из этого не следует, что они не существуют среди своих менее удачливых восточных собратьев.

"*Цыган*" имеет гораздо менее богатую событиями историю, хотя материалы для его создания собирались в течение более чем тридцати лет и были собраны по большей части путем личных исследований, в основном в Азии, а также в Африке, Южной Америке и Европе. Интерес Бертона к цыганам был пожизненным; и когда он был лейтенантом Бомбейской армии и расквартирован в Синде, он начал свои исследования, касающиеся родства между джатами и цыганами. Во время своих многочисленных путешествий по разным уголкам мира, всякий раз, когда у него была возможность, он собирал свежие материалы с целью когда-нибудь собрать их воедино. В 1875 году его полемика с Батайяром побудила его написать свою давно задуманную работу о цыганах. К сожалению, вмешались другие интересы, и работа так и не была завершена. Это было одно из многих незаконченных дел, которые Бертон намеревался завершить, когда ему следовало уйти с Консульской службы. Он надеялся, например, навести более полные

справки о цыганах во Франции, Германии и других странах Европы, и особенно он намеревался по возвращении домой написать главу о цыганах в Англии. Однако даже в нынешнем виде *цыган* является ценным дополнением к этнологии; поскольку, помимо редких знаний Бертона о незнакомых народах и языках, его связь с цыганами придает предмету уникальный интерес. Нет никаких сомнений в том, что он был связан с этим странным народом по природе, если не по происхождению. Цитата из *журнала цыганских преданий*^[1]:

“Вопрос о том, нет ли в расе Бертона примеси арабской или, возможно, цыганской крови, возможно, остается открытым для обсуждения. Для последнего подозрения оправдание можно найти в неизлечимом беспокойстве, которое преследовало его с младенчества, беспокойстве, которое фактически мешало ему когда-либо надолго задерживаться на каком-либо одном месте, и в странной особенности, которую часто отмечали его друзья, — своеобразии его глаз. ‘Когда он (глаз) смотрит на тебя, - сказал один из тех, кто хорошо его знает, ‘ он смотрит сквозь тебя, а затем, остекленев, кажется, что видит что-то позади тебя. Ричард Бертон - единственный мужчина (не цыган), обладающий этой особенностью, и он разделяет с ними тот же ужас перед трупом, сценами на смертном одре и кладбищами, хотя и мало заботится о своей собственной жизни.’ Если к этому замечательному факту добавить едва ли не менее интересную деталь, что “Бертон” является одним из полудюжины явно цыганских имен, становится очевидным, что подозрение в том, что сэр Ричард Бертон имеет в своем происхождении каплю цыганской крови, хотя и смешанной с английской, шотландской, французской и ирландской родословными, не совсем необоснованно”.

По этому поводу леди Бертон также писала:

“В январском номере *журнала "Цыганские предания"* цитируется отрывок из “краткого очерка карьеры” моего мужа (маленькая черная брошюрка), который наполовину предполагает наличие в нем отдаленной капли цыганской крови. Нет никаких доказательств того, что это когда-либо было так; но нет никаких сомнений в том, что он проявил многие из их особенностей во внешности, нраве и речи — говорил на цыганах, как и они сами. И мы никогда не входили в цыганский табор без того, чтобы они не потребовали его: “Что ты делаешь в черном пальто?” - говорили они; “Почему бы тебе не присоединиться к нам и не стать нашим королем?””^[2]

Не имеет большого значения, было ли это родство кровным или природным; в любом случае это придает особый интерес изучению Бертоном цыган.

Об *исламе, или ранге мусульманства среди религий мира*, сказать особо нечего. Это одна из старейших рукописей Бертона; и хотя на ней нет даты, по внутренним свидетельствам я сужу, что она была написана вскоре после его знаменитого паломничества в Мекку в 1853 году. Фактически, оно совпадает с его стихотворением “*Касида*”, хотя я не знаю, почему стихотворение было опубликовано, а эссе не опубликовано. Вероятно, Бертон намеревался написать более подробно на эту тему. Мусульманство в его высшем аспекте всегда привлекало его. Так давно, в 1848 году, мы находим его готовящимся к паломничеству в Мекку, не только изучающим Коран и практикующим обряды и церемонии, но и “благожелательно изучающим суфизм, гностицизм Эль-ислама, который поднял бы меня высоко над званием простого мусульманина”.^[3] Леди Бертон пишет: “Это прилипло к его время от времени на всю его жизнь”; и, можно добавить, придавал колорит его произведениям. С тех пор как Бертон написал это эссе (ныне публикуемое впервые), среди мыслящих людей произошли изменения в оценке Эль-ислама среди религий мира. Такие писатели, как Лейн Пул, Айзек Тейлор и Босворт Смит,

не говоря уже о других, развеяли многие ошибочные представления о “Спасительной вере” и обсудили ее достоинства как гуманизирующего вероучения. Но свидетельство такого человека, как Бертон, который путем личного наблюдения тщательно изучил “внутреннюю жизнь мусульманина”, который жил жизнью арабского паломника и проникал в Свята Святых, по необходимости имеет особый вес.

Я хотел бы сказать несколько слов относительно рукописи автора. Появилось так много противоречивых слухов относительно рукописей покойного сэра Ричарда Бертон, что уместно заявить, что здесь они воспроизводятся практически в том виде, в каком вышли из рук автора.^[4] Я старался избегать чрезмерного редактирования и как можно меньше вмешиваться в исходный текст. Поэтому редакторские примечания, всегда заключенные в квадратные скобки, приводятся скупко. Не было сочтено необходимым вносить какие-либо важные словесные изменения. Но иначе обстоит дело с написанием имен собственных, которые были оставлены в таком хаотичном состоянии, что был признан необходимым пересмотр, с тем чтобы привести их к некоторой степени единообразия. Вариантов было так много, а рукопись так трудно расшифровать, что я вынужден просить снисхождения за выполнение этой несколько хлопотной задачи.

В заключение я только добавлю, что я стремился дать полное и точное изложение этих до сих пор неопубликованных рукописей. За ними последуют другие; но они представляют собой хороший образец работы знаменитого восточного путешественника в областях, которые он сделал своими собственными. Они в высшей степени характерны для этого человека. Они еще раз дают представление о нем как о смелом и оригинальном мыслителе, глубоком исследователе людей и вещей, как о редком гении, хотя и своенравном, и как об одной из самых замечательных личностей нашего времени и поколения.

У. Х. УИЛКИНС.

СНОСКИ:

[1] Январь 1891 г.

[2] "Жизнь леди Бертон и ее мужа", том I., стр. 252.

[3] Burton's *Reminiscences*, написанные для мистера Хитчмена в 1888 году.

[4] В случае Приложения о человеческих жертвоприношениях у сефардов или восточных евреев и убийстве падре Томазо я (как уже говорилось) предпочел не публиковать его в искаженном виде.

Содержание

ГЛАВА.

СТРАНИЦА

ПРЕДИСЛОВИЯ	v
СОДЕРЖАНИЯ	XVII
I. ЕВРЕЙ	
I. ОБЩЕЕ МНЕНИЕ ЕВРЕЯ	3
II. МНЕНИЕ ЕВРЕЯ В АНГЛИИ	20
III. ЕВРЕЙ СВЯТОЙ ЗЕМЛИ И ЕГО СУДЬБА	46
IV. ЕВРЕЙ И ТАЛМУД	72
Ст. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИИ На ВОСТОКЕ	115
II. ЦЫГАНКА	
Часть I. ЗАМЕТКИ О СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ “ЧИНГАНОЛОГИИ”	
I. ИНДИЙСКОЕ РОДСТВО ЦЫГАН	136
II. ТРЕБОВАНИЯ И ПРИТЯЗАНИЯ месье ПОЛЯ БАТАЙЯРА	144
III. ОБЗОР РЕЦЕНЗИЙ М. ПОЛЯ БАТАЙЯРА	157
§ 1. Предварительные замечания	157
§ 2. “Первоначальные работы и т. Д.”	172
§ 3. “Происхождение и т. Д.”	183
§ 4. “Заметки и вопросы и т. Д.”, “Из истории заговора и т. Д.”.	197
Часть II. ТОПОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ЦЫГАНАХ И ДЖАТАХ	
IV. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЦЫГАН В ЕВРОПЕ	202
V . ЦЫГАНЕ В АЗИИ	211
§ 1. Панджабские джаты	211
§ 2. Джаты Белочистана	215
§ 3. Персидские цыгане	217
§ 4. Сирийские цыгане	219
§ 5. Цыгане Хаурана, Юго-Восточная Сирия	228
§ 6. Цыгане Дамаска	231
VI. ЦЫГАНЕ В АФРИКЕ	233
§ 1. Египетский Гаджар или Ghagar	233
§ 2. Гзана Алжира и Марокко	258
§ 3. Цыгане во Внутренней Африке	261
VII. ЦЫГАНЕ В ЕВРОПЕ	263
§ 1. Цыганка в Венгрии	263
§ 2. Цыгане Испании	269
VIII. ЦЫГАН В АМЕРИКЕ	282
Цыгане Бразилии	282
III. ЭЛЬ-ИСЛАМ	
ИЛИ РАНГ МУСУЛЬМАНСТВА	

Я. ЕВРЕЙ

ГЛАВА I

ОБЩЕЕ МНЕНИЕ О ЕВРЕЯХ

История еврея, а также его физиологический аспект - это темы, которые еще предстоит рассмотреть и тщательно проработать с арийской точки зрения. В последние годы мы видели множество книг, посвященных деталям: давайте конкретизируем *Физическую историю еврейской расы*, доктора Джосайи Кларка Нотта^[5] (Чарльстон, 1850); *Le Juif*, par le Chevalier Geargenot des Monceseaux (Париж: Анри Плон, 1871); и *Заметки о евреях и их стране классических писателей Древности: сборник высказываний и мнений, переведенных с произведений греческих и латинских языческих авторов до 500 г.н.э.*, Джоном Гиллом (Лондон: Longmans, 1872). Но в этих, как и в других работах, мы обнаруживаем недостаток практического и личного знакомства с предметом, и нас не может удивлять его отсутствие. Обычно предполагается, что в настоящее время по лицу земли рассеяно шесть миллионов евреев. Некоторые преувеличивают общее число до девяти с половиной миллионов; но даже первая цифра, по словам г-на Кремье, больше, чем нация могла похвастаться в любой другой период своей истории, древней или современной.^[6] Также во всем мире раса размножается с такой поразительной быстротой, как правило, допускающей несколько исключений, что исследователи философии начинают задаваться вопросом, не указывает ли эта огромная плодовитость, взятая в связи с исключительно здоровым и энергичным телосложением расы, ее повсеместностью и космополитизмом, на выдающуюся карьеру в грядущие времена.

Этнологам и студентам, изучающим всеобщую историю, настоятельно предлагается ознакомиться с летописями, а также с физическими и интеллектуальными аспектами детей Израиля - возможно, с самым интересным предметом, который может занять их внимание. Еврей, как и цыган, стоит особняком, изолированный по характеру, если не по благословию. Традиционно, или, скорее, в соответствии со своей собственной традицией, старейшая семья на земле, в то же время обладает наибольшей жизненной силой. Его несокрушимая и неудержимая жизненная сила позволяет этой нации, не имеющей родины, сохранять бессмертную национальность и питать кастовое чувство с силой и упорством, не имеющими

аналогов в анналах патриотизма. Народ, изгнавший евреев из Иудеи, империи, стершие царства Израиля и Иудеи с карты мира, полностью погибли. Потомки римлян-завоевателей ничем не отличаются от остального человечества. Но через восемнадцать столетий после падения Иерусалима рассеянный еврейский народ ведет самостоятельное существование, является силой в каждой европейской столице, управляет финансовыми операциями наций и правительств, и его можно найти везде, где распространилась цивилизация и проникла торговля; фактически, он сделал весь мир своим домом.

Одним из препятствий для зрелого и детального этнологического изучения евреев является трудность знакомства с народом, разбросанным по двум полушариям. Хотя раса едина, два великих фактора - кровь и климат - показали, что она отнюдь не неизменна ни по телосложению, ни по характеру. Сравните, например, две крайности — караимы с татарским лицом из Крыма и семитскими чертами лица из Марокко, белокурые локоны из Адена и огненные локоны из Германии с жирными черными волосами Хаундсдича. И поскольку телесные формы сильно различаются, возможно, существует еще большее различие в психических характеристиках: мы с трудом можем поверить, что мирный и трудолюбивый голландский еврей является братом фанатичного и свирепого еврея, обитающего в суровых горных районах Цфата в Святой Земле. И все же, хотя эти различия составляют почти серию подрас, есть одно по сути великое качество, которое цементирует и объединяет весь дом Израиля.

Обнаруживается, что энергичность, жизненная сила и умственные способности других народов улучшаются при смешении; чем сложнее их характер, тем больше их сила и энергичность. Но из поколения в поколение евреи сохраняли, по крайней мере в браке, чистоту своей крови. В странах, где они составляют лишь небольшой процент населения, диапазон выбора неизбежно должен быть очень ограничен, и с самого начала своей истории еврей, как и его сводный брат араб, всегда женился или должен был жениться на своей двоюродной сестре. Известный путешественник наших дней доказал, что безнаказанно это могут делать только несмешанные расы людей, и что чем больше количество примеси в крови, тем большего уродства в физическом и моральном состоянии следует ожидать от потомства. Кровнородственные браки опасны в Англии, и гораздо более опасны, как доказал Де Хон, в Массачусетсе. Однако персидские цари вступали в браки со своими сестрами, а самаритянская ветвь евреев настолько тесно связана, что двоюродные сестры - почти сестры.

Физически и умственно еврейские мужчина и женщина во всех отношениях равны своим соседям-язычникам, а в некоторых деталях и превосходят их. Женщины высшего сословия имеют крепкие и симметричные формы; и хотя красота их черт не вызывает восхищения у христиан, слабость и уродство встречаются исключительно редко. По изяществу форм и очарованию манер они намного превосходят своих мужей и братьев, и действительно, это повсеместно представляется субхарактерной расовой чертой. Они нигде особенно не отличаются целомудрием, а в некоторых местах, например, в Марокко, их безнравственность вошла в поговорку. Их великолепное телосложение не стареет, как у уроженцев стран, которые они колонизируют и где европейцы легко вырождаются, они сохраняют молодость на десять лет дольше, чем их соперницы, они становятся матерями сразу после достижения половой зрелости и вынашивают детей в гораздо более позднем возрасте. Их обычаи позволяют им ограничивать семью не вредными лекарствами и опасными операциями, а простым процессом продления периода лактации, и бесплодие среди них встречается редко, как в те дни, когда на

него смотрели как на проклятие. Едва ли найдется какая-либо часть земного шара, пригодная для обитания, от высокогорий Абиссинии до низменностей Ямайки, в которой еврейский народ не мог бы акклиматизироваться легче и быстрее, чем другие расы Европы, что также является результатом крови, сравнительно свободной от того смешения, которое выявляет врожденные дефекты обоих родителей.

Евреи также обладают сравнительным иммунитетом к различным формам болезней, которые являются бичом других рас. Легочные и золотушные заболевания среди них редки; проказа и слоановость почти исчезли; и, несмотря на нечистоплотность их личности и исключительную грязь их жилищ, они менее подвержены холере и чуме, чем уроженцы стран, которые обычно опустошаются этими эпидемиями. Они редко страдают от обычных инфекционных последствий, даже если женщины настолько нецеломудренны, что честь кажется им такой же неведомой, как честность мужчинам.

Физиологи спрашивали, как объяснить это явление? Почему продолжительность жизни евреев больше, чем у других рас Европы? Является ли это результатом превосходной организации или подчинения церемониальному закону? Исследования тех, кто посвятил эти вопросы своему специальному изучению, дают только один удовлетворительный или достаточный ответ, и его можно резюмировать в шести словах — поразительное превосходство жизненной силы. И все законы, приписываемые теистическому секуляризму Моисея, были изданы с одной целью, а именно — закалить расу до такой степени, которую игнорировала даже Спарта. Древний еврей был более чем наполовину бедавином, и, поскольку он не участвовал в конных скачках, его ежегодные поездки в Иерусалим и обратно в основном совершались пешком. Его рацион был тщательно регламентирован, и его год представлял собой череду постов и застолий, как, впрочем, и сейчас, но не в такой степени, как раньше. Результатом было просто уничтожение всех слабаков и выживание наиболее приспособленных.

Трижды в течение года, согласно предписанию Торы (Втор. xvi. 16), а именно (1) в Пасху, или праздник опресноков в течение первого церковного и седьмого гражданского месяца; (2) в Пятидесятницу, или Шебаоф (недели), праздник жатвы пшеницы в третьем или девятом месяце; и (3) в Праздник Кущей, или сбор урожая в седьмом или первом месяце, евреям древности религиозно предписывалось появляться перед господь. Он был вынужден покинуть свой дом, который мог находиться на расстоянии ста пятидесяти миль, и отправиться в Иерусалим, где вел походную жизнь, как и его сводные братья в пустыне. Эта полукочевая жизнь сочеталась с квази-аскетическим состоянием, вызванным частотой и строгостью его постов и аскетизмом, сопровождавшим подготовку к субботе, то есть приготовлениями к вечеру пятницы - некоторые религиозные люди даже в наше время не допускают, чтобы что-либо слетало с их губ в течение семи дней и ночей подряд.^[7] Это "страдание души", как его называют, послужило выведению расы, столь же жесткой и выносливой в строении духа. В нем в совершенстве воплотилась идея принесения в жертву личной воли. Добавьте к этому варварский и свирепый характер их наказаний, среди которых побивание камнями прихожан, пожалуй, самое классическое, и постоянное кровопролитие в Храме, которое, должно быть, наводило на мысль о мясницкой лавке.

Опять же, история и традиции, вера и обычаи еврея всегда ставили перед его глазами абсолютное и неизмеримое превосходство его собственной касты, "Особого народа, Царства

Священников, Святой Нации”. Эта экзальтация оправдывала отношение еврея к своим братьям-людям как к язычникам, едва достойным звания людей. “Вот, народ будет жить отдельно и не будет причислен к народам” — недружелюбное разделение и отчуждение между человеком и нечеловеком, одинаково пагубное для благополучия еврея и язычника. Это привело к обильному урожаю отвратительных преступлений, совершенных во имя религии — какой народ, кроме евреев, мог ликовать по поводу Иеффая, который “поступил со своей дочерью по-своему”, то есть сжег ее до смерти перед Господом? В то же время оно привило своим членам редкую человечность, неизвестную всем другим народам древности: например, оно позволяло трусу удалиться с поля боя перед битвой, и, как ни странно, оно насаждало самые высокие моральные догмы. В 250 году до н.э. Сохей, а после него и фарисеи, согласно Иосифу Флавию, учили, что Богу следует служить не ради наживы, а из любви и благодарности: поэтому его последователь Садик запрещал заглядывать в будущее, даже если Моисей пренебрегал этим учением сусердием. Даже в нынешнюю эпоху мира такое отрицание эгоизма было бы высшим законом.

Все эти особенности в сочетании побуждали евреев осмеливаться и делать все против всех, кто не был их кровным родственником. Неизбежным следствием такой политики было то, что в конце концов они пришли к столкновению со всем, что их окружало; что они потерпели поражение в неравной борьбе с языческим Римом и ранним христианством; что они потеряли родину своей национальности и были рассеяны повсюду по поверхности земли. И то, что случилось однажды, может случиться снова.

Древние греки, у которых, как и у евреев, были только одна вера и один язык, также периодически собирались единой семьей в Дельфах, центре их расовой территории. Таким образом, одаренные люди без всякого вдохновения эффективно сочетали с величием в поклонении богам закон гармонии, который должен царить в человеческом обществе. Но греки были чувственной и радостной расой, гулявшей под свободными небесами в великолепном свете поэзии, искусства и красоты, и не могли не понимать истины о том, что общество, основанное на взаимной доброжелательности, означает цивилизацию и высшую стадию человеческого общества — общение с миром.

Доктор Буден, выдающийся физиолог и медицинский писатель, отмечает, что евреем управляют статистические законы рождения, болезней и смертности, совершенно отличные от тех, которые управляют народами, среди которых он живет. Это утверждение подтверждается свидетельствами истории. В средние века, когда нечистые столицы Европы и Азии периодически опустошала чума, ангел смерти проходил мимо домов угнетенных и презираемых евреев, хотя по местным правилам они были обречены занимать самые худшие кварталы городов. Говоря о эпидемии 1345 года н.э., Чуди говорит, что она нигде не нападала на евреев. Фраскатор упоминает, что они полностью избежали эпидемии тифа в 1505 году н.э.; их не коснулись перемежающиеся лихорадки, царившие в Риме в 1691 году н.э.; они не были подвержены дизентерии, которая была столь смертельной в Нимегене в 1736 году н.э.; и как в 1832, так и в 1849 году авторитетно утверждается, что они пользовались сравнительным избавлением от холеры в Лондоне, хотя в течение последнего названного года в городе насчитывалось почти тринадцать тысяч жертв.^[8]

Не менее любопытны статистические данные, показывающие естественную склонность еврейского народа, одновременно столь национального по своим чувствам и столь космополитичного по своим тенденциям, ко всеобщей акклиматизации. Еврей и христианин эмигрируют в британскую или французскую колонию из одного и того же места рождения; и в то время как из-за неблагоприятного климата христианский поселенец со своей семьей в конечном итоге вымирает, еврейский поселенец увеличивается и размножается. В Алжире, например, французские колонии вымерли бы за очень короткое время, если бы не постоянный приток иммигрантов, в то время как еврей пускает глубокие корни и пускает мощные ветви.

Что касается большей продолжительности жизни евреев, немецкие источники сообщают некоторые интересные подробности. Доктор В. К. де Нефвиль,^[9] из Франкфурта, собрав и сопоставив огромную массу статистических данных, продемонстрировал следующие факты:

1. Четверть христианского населения умирает в среднем в возрасте 6 лет 11 месяцев.
2. Четверть еврейского населения умирает в среднем в возрасте 28 лет 3 месяцев.
3. Половина христианского населения умирает в среднем в возрасте 36 лет 6 месяцев.
4. Половина еврейского населения умирает в среднем в возрасте 53 лет 1 месяц.
5. Три четверти христианского населения умирают в среднем в возрасте 59 лет 10 месяцев.
6. Три четверти еврейского населения умирают в среднем в возрасте 71 года.

Установлено, что в Пруссии годовая смертность среди евреев составляет 1,61% по сравнению с 2,00% среди остального населения. Ежегодный темп прироста в первом случае составляет 1,73%; во последнем - только 1,36.^[10] Во Франкфурте средняя продолжительность человеческой жизни составляет 36 лет 11 месяцев среди христианского населения и 46 лет 9 месяцев среди еврейского.

Теперь я полностью процитирую благоприятный вердикт, обычно выносимый европейскими писателями по делу евреев:

“Если мы проследим историю израильской расы от разрушения Иерусалима до того времени, когда преобладание более просвещенного общественного мнения привело к стиранию из Сводов законов европейских наций варварских и жестоких постановлений против евреев, принятых в эпоху, когда фанатизм, жестокость и преследования были необузданными, мы будем вынуждены признать, что в сохранении этого народа от полного истребления было нечто немногим меньшее, чем чудо. Basnage^[11] (*Histoire des Juifs*) подсчитывает, что 1 338 460 евреев погибли от огня и меча, голода и болезней во время и после осады Святого Города. Впоследствии множество несчастных изгнанников стали объектами ожесточенных и безжалостных преследований, фанатизма и тирании во всех странах христианского мира. В течение двух лет, предшествовавших их окончательному изгнанию из Иудеи, римлянами было убито 580 000 евреев; а постепенное рассеяние остальных по лицу Европы было прелюдией к совершению над ними "христианами" серии зверств, почти не имеющих себе равных по беспощадной дикости. Функции, которые они выполняли в средневековом обществе, на самом деле были наиболее ценными; но невежество того времени было столь густым, а предрассудки столь закоренелыми, что к концу XIII века свыше 13 000 израильтян были изгнаны из Англии за один день; точно так же двести лет спустя 500 000 были изгнаны из Испании, 150 000 - из Португалии и неопределенное количество - из Франции. В течение трех столетий сменявшие

друг друга монархи отказывались разрешать евреям поклоняться Всемогущему Богу в пределах английского королевства; и только при протекторате Кромвеля было разрешено построить синагогу в Лондоне.

“В художественных произведениях, в драматургии и в повседневной жизни имя еврея стало притчей во языцех и поношением, и объяснение этому следует искать скорее в пагубности религиозных предрассудков, чем в реальном поведении людей, на которых обрушилось столько поношений. Их добродетели принадлежат им самим, но их недостатки - плод восемнадцати веков беззакония и угнетения. При таком обращении архангелы стали бы развращенными. В истории всего мира нет ничего, что хоть в какой-то степени напоминало бы систематические преследования, варварскую жестокость, трусливые оскорбления, унижительную тиранию, которой подвергалась еврейская раса. То, что она не деградировала до уровня африканских негров и не была полностью стерта с лица земли, является лишь еще одним доказательством ее удивительной жизнеспособности и несокрушимой эластичности национального характера.^[12] Несмотря на все эти столетия угнетения и репрессий, его представители все еще встречаются не только среди финансовых монархов, но и среди членов королевской семьи и гениальной аристократии. Каждый должен помнить отрывок из *"Конингсби"*, в котором мистер Дизраэли перечисляет выдающихся евреев, которые занимают или занимали ведущие позиции в искусстве, литературе, государственной деятельности и военной науке: граф Кантемир в России, сеньор Мендизелаль в Испании и граф Арним в Пруссии; маршалы Сульт и Массена, профессора Неандер, Региус, Беарнари и Воль; композиторы Россини, Мендельсон и Мейербер (не говоря уже об Оффенбахе); актриса Рахель ; Вокалисты Паста, Гризи и Брэм, философ Спиноза и поэт Гейне; к этому списку он мог бы добавить имена некоторых наиболее выдающихся из ныне живущих французских и английских знаменитостей.^[13] И хотя мы забыли о Ксаполе и Гондомаре, Яхуде Халеви и Авиаброне, он же Соломон бен Габриэль, мало кто из нас может игнорировать Ротшильдов и Голдсмидов, Рикардо, Рухеров и Торлониас, которые теперь стали нарицательными в Европе.

С другой стороны, следует признать, что во всех странах евреи отдают предпочтение низменным занятиям и следуют им с рвением и упорством, достойными более благородных и возвышенных занятий. Уильям Эбботт в своей откровенной и серьезной, но узколобой манере однажды выдвинул это требование в Палате общин в знак сопротивления предложению освободить всех лиц, исповедующих еврейскую религию в Англии, от гражданских ограничений, в условиях которых они тогда трудились. Маколей ответил ему речью, столь же красноречивой по выражениям, сколь и неотразимой по логике.

“Таковы, сэр, - сказал он, - во все века были рассуждения фанатиков. Они никогда не упускают случая сослаться в оправдание преследований на пороки, которые породили преследования. Англия была для евреев менее чем половиной страны, и мы поносим их за то, что они не испытывают к Англии и половины патриотизма. Мы относимся к ним как к рабам и удивляемся, что они не считают нас братьями. Мы принуждаем их к низменным занятиям, а затем упрекаем их в том, что они не избрали почетных профессий. Мы долго запрещали им владеть землей и жалуемся, что они занимаются главным образом торговлей. Мы закрываем им все пути честолубия, а затем презираем их за то, что они находят прибежище в алчности. На протяжении многих веков мы во всех наших отношениях с ними злоупотребляли нашим огромным превосходством в силе, а затем испытываем отвращение, потому что они прибегают к той хитрости, которая является естественной и

универсальной защитой слабых от насилия сильных. Но всегда ли они были просто гонкой по обмену, добыванию денег, накоплению денег? Никто не знает лучше, чем мой достопочтенный друг, член Оксфордского университета, что в их национальном характере нет ничего такого, что не подходило бы им для исполнения высших гражданских обязанностей. Он знает, что на заре цивилизации, когда наш остров был таким же диким, как Новая Гвинея, когда Афины еще не знали литературы и искусств, когда на месте Рима едва ли стояла крытая соломой хижина, у этого презираемого народа были свои огороженные города и дворцы из кедра, свои великолепные храмы, свои флотилии торговых судов, свои школы священного учения, свои великие государственные деятели и солдаты, свои натурфилософы, свои историки и поэты. Какая нация когда-либо более мужественно боролась с превосходящими силами противника за свою независимость и религию? И если в течение многих веков угнетенные потомки воинов и мудрецов утратили качества своих отцов, если, будучи лишены благословений закона и скованные ярмом рабства, они заразились некоторыми пороками преступников и рабов, должны ли мы считать это поводом для упрека в их адрес? Не лучше ли нам считать это вопросом стыда и раскаяния перед самими собой? Давайте воздадим им должное. Давайте откроем для них любую карьеру, в которой могут проявиться способности и энергия. Пока мы этого не сделаем, давайте не будем осмеливаться утверждать, что среди соотечественников Исайи нет гения, а среди потомков Маккавеев - героизма”.

Мы “сделали это”, и результаты свели на нет всю эту прекрасно сбалансированную риторику. И на следующих страницах можно предположить, что у наших европейских предков были другие причины для изгнания евреев, помимо простого “фанатизма” и “жестокости”, столь нефилософски приписываемых им лордом Маколеем.

СНОСКИ:

[5] [Доктор Дж. К. Нотт, известный этнолог.]

[6] Двумя крупными центрами еврейского населения являются, во-первых, северная часть Африки между Марокко и Египтом, особенно Берберийские штаты, где они составляют основную часть городского населения и где перепись населения в настоящее время является лишь предположением; они постепенно распространились на юг, и с 1858 года торговая колония оккупировала Тимбукту на Нигере. Другие семьи в Африке - это фалаши, или черные евреи Абиссинии, простые прозелиты, подобные малабарским, и несколько европейцев с мыса Доброй Надежды. Второй крупный центр - это тот регион Европы, который простирается от Нижнего течения Дуная до Балтийского моря; и здесь насчитывается около четырех миллионов представителей среднего класса славянских национальностей, в то время как во всей Западной Европе их насчитывается не более ста двадцати тысяч. Их потомки последовали по пути европейских миграций в Америку, на Север и Юг, а также в Австралию, где крупные торговые города позволяют им размножаться так же, как в Старом Свете, и гораздо быстрее, чем христианскому населению. Другие отдаленные колонии находятся в Турции, как европейской, так и азиатской, хотя в Святой Земле сейчас проживает лишь небольшая часть их прежней

численности; в Йемене, особенно в Санае и Адене, в Неджеране и других частях Аравии; вдоль всего течения Евфрата, в Курдистане, Персии и Индии, особенно в Малабаре, где есть белые и черные евреи; в Китае и в Кочинхине, где также находятся обе колонии; и в туркменских странах. Здесь они населяют четыре крепости Шахри-сабз, Куляб, Шаматан и Урта-Курган, а также около тридцати небольших деревень; они живут в своих собственных кварталах, и, за исключением необходимости платить более высокие налоги, с ними обращаются наравне с другими жителями.

[7] Этот ужасный пост называется Ха-фрака. В Сирии и Палестине было известно, что старики переносят это дважды в год, летом и зимой. Они ужинают в субботу вечером и до захода солнца следующей субботы не позволяют себе проглотить ни капли воды или прикоснуться к щепотке нюхательного табака. Состояние протрации к концу семестра становится крайним, и первое, что нужно сделать по истечении времени, - это поместить пациента в теплую ванну. Это, вероятно, самый суровый пост, известный в мире, если только с ним не могут соперничать некоторые индуистские аскеты: греческим и коптским христианам и мусульманам не с чем сравнивать.

[8] Это мы почерпнули из отчетов Главного управления здравоохранения об эпидемии холеры. В 1832 году было зарегистрировано только 4 смерти из 3000 португальских евреев, а в 1849 году среди 20 000 человек, населявших тогда Лондон, было не более 13, хотя потери от холеры составили 12 837 человек. Это дает пропорцию 0 · 6 на 1000, в то время как главный регистратор распределяет 1: 1000 для Хэмпстеда, 6: 1000 для Уайтчепела, 7: 1000 для Лондонского сити, 19: 1000 для Шордича и 29: 1000 для Роттерхита. [Эти цифры относятся к особому 1832 году, когда была холера. С тех пор посещения были гораздо менее суровыми.]

[9] [Работа, на которую ссылаются, является *Lebensdauer und Todesursachen 22 verschiedener Stände*. Франкфурт, 1855.]

[10] [Эти цифры относятся к средним годам и, следовательно, актуальны как сейчас, так и тогда.]

[11] [Автор большой истории евреев в 5 томах. Роттердам, 1707.]

[12] Существует другая паразитическая раса, также чистокровная, но индоевропейская, а не семитская, сохранение которой представляется почти таким же “провиденциальным”, как у евреев, и чей союз еще более исключителен, потому что он не связан ни откровением, ни какой-либо формой веры — цыгане.

[13] Не говоря уже о Вольфе и Пэлгрейве, путешественниках, и монсеньоре Бауэре, отце Германе и отце Марии де Ратисбон, новообращенных.

ГЛАВА II

МНЕНИЕ ЕВРЕЯ В АНГЛИИ

Из всех европейцев англичанин, который хвастается тем, что он верный друг народа, “рассеянного и ободранного”, и чье уверенное невежество и неразборчивая филантропия присущи им наравне с африканским негром, меньше всего знает обычаи и повадки своих *протеже*, и особенно евреев в зарубежных странах. Пренебрежение к близким нам вещам, должно быть, является причиной того, что мы так мало знаем о внутренней жизни еврейства: однако есть и другие сопутствующие причины.

На нашей родной земле еврей живет под защитой и почитанием, фактически, как один из нас. Мы навещаем его, мы обедаем с ним и видим его в любое время и в любом месте, за исключением, возможно, воскресной службы. Мы могли бы наслаждаться его обществом, если бы не некоторая грубость манер и особенно оскорбительная фамильярность, которая кажется ему почти свойственной. Мы восхищаемся его талантами и поражены приспособляемостью и универсальностью его гения. Мы восхищаемся его терпением, его стойкостью, и его мужеством, его военной доблестью и его успешной карьерой на любом посту и в любой профессии — государственного деятеля и выдающегося философа, Поэта и Литератора, юриста, хирурга и Врачевателя, капиталиста, финансиста и коммерсанта, философа и инженера, фактически во всем, чем может быть человек. Когда мы сравниваем семитского премьера с его англосаксонским соперником, это во многом в пользу первого: шутя об “азиатской загадке”, мы не можем не чувствовать, что в азиатском есть что-то, чего мы не ожидаем, что ускользает от нашего понимания, что выходит за пределы нас.

Те, кто знаком с анналами старинных семей Англии, знают о степени смешения в них еврейской крови даже с тех времен, когда религиозные предрассудки ошибочно представлялись наиболее пагубными. Действительно, в последние столетия наша нация никогда не гордилась, подобно португальцам и иберийцам в целом, сохранением своей крови “чистой и свободной от примеси евреев и неверных”. Крест постоянно появляется как во внешней форме, так и в душевных качествах. То тут, то там в старом загородном доме рождается отпрыск, который, по всей видимости, больше еврей, чем сами евреи. Своеобразной характеристикой крови является крайняя любовь к зрелищу, к цвету, к великолепию и пышности в целом. Богатый еврей должен демонстрировать свое богатство; подобно парсу, он зарабатывает и тратит, в то время как его соперники грек и армянин создают и копят. В некоторых континентальных городах, где он сейчас безраздельно правит, он делает общество невозможным для христианина. Г. Мьюир

Маккензи и О. П. Ирби — *Турки, греки и славяне* (Лондон: Bell & Daldy, 1867) — покажут, как в Салониках[14] Французский консул маркиз де... не смог присоединиться ни к одному из празднеств. Обеденный стол не пользовался уважением, если только он не сверкал золотой и серебряной посудой, одолженной специально для этого случая. Его жена не могла появиться без нового платья по любому поводу и поэтому оставалась дома. Туалет из Парижа дважды в неделю не только доставляет женское удовольствие той, кто его носит, и чувственные удовольствия тем, кто его видит, но и показывает, что дом богат и что у фирмы есть свободные деньги, которые можно выбросить на ветер. По сути, это реклама самого изысканного описания. Дамы, собирающиеся группами по трое-четверо за тем, что наши бабушки называли “чашечкой чая”, должны быть с *декольте* и в бриллиантах. *Ривьера* должна уродовать прекрасную шею и грудь невесты. В театре больше всего ценятся те ложи, где свет сильнее всего падает на драгоценные камни и где наиболее выгодно выделяются дорогие текстуры и кружева. И за этим великолепием шоу скрывается хитрость высочайшего порядка. Парадные ливреи надеваются раз в неделю в “день рождения” мадам; в остальное время лакеи в *декольте*. Дорогостоящие каретные лошади работают до полудня в повозках и телегах, перевозящих *irritamenta malorum*, которые обеспечивают экипаж во второй половине дня. И так во всем. Еврейская раса настолько примечательна по своим характеристикам, что она всегда была предметом чрезмерных похвал или неоправданного порицания, подобно тем личностям, по отношению к которым общество не может быть нейтральным; и в последние годы изменения общественного мнения, которое обычно движется медленно, были комично резкими.

Еврей из популярной английской литературы - это больше не *Мошеш*, негодяй, верящий в единого Бога и в то, что его прибыль - Шент за Шент, чьи глаза, в отличие от глаз Банко, до краев полны “спекуляций”. Феджин молодого Диккенса, всего четверть века назад, теперь превратился в “кроткого еврея Райя” старого Диккенса, существо, отличающееся смирением и спокойным достоинством, живой укор христианскому язычеству, которое окружает его. Очаровательная писательница говорит нам, что все великие женские актрисы мира - еврейки. “*Танкред*”, или “*Новый крестовый поход*”, не говоря уже о чем-то более низменном, учит нас восхищаться и любить современные “Розы Сарона”, эти изысканные видения, которые читают перед сном служители с серебряными лампами и рассуждающие об истории, философии и теологии с теплотой женского энтузиазма, смягчаемого чистой верой епископа Англиканской церкви, ученостью немецкого профессора и изяществом мадам Рекамье. Мириам фактически стала любимой героиней авторов и читателей романов, и трижды счастлив очаровательный молодой христианин, который, подобно “тому мальчику Норкотта”, несмотря на свои многочисленные христианские недостатки, может завоевать ее руку и сердце.

О евреях среднего и низшего классов англичанин слышит только то, что они трудолюбивы, воздержанны и сравнительно чистоплотны лично; порядочны, гостеприимны и настолько строги в соблюдении субботы, насколько могли бы пожелать самые строгие приверженцы субботнего дня — возможно, если бы он знал все, он не желал бы так сильно. Ему говорят, что они удивительно милосердны в своих отношениях с единоверцами, всегда при условии, что какая-то крупница религиозной разницы не вырастет до размеров горы. Газеты сообщают ему, насколько щедро и разумно они раздают милостыню, насколько превосходно они помогают своим беднякам, которые никогда не подвергаются ужасам прихода и богадельни и которых содержат их единоверцы, хотя в Лондоне их по меньшей мере 16·50 процентов. из общего числа, превышающего тридцать тысяч душ.[15] И он повсюду читает о благотворительных организациях, государственных, частных и конгрегационных; о больницах и богадельнях; о

приютах для сирот, филантропических учреждениях; о Домах престарелых и вдов; Дружеских обществах; о запасах хлеба, угля и одежды; о родильных домах и приютах для младенцев; о похоронных обществах, мужских и женских; о механизмах снабжения крестными отцами и крестными матерями управляют Благотворительные общества, Правления, Учреждения, Комитеты и Консистории. Как и их благотворительные организации, систему образования можно разделить на три части: Школы, государственные и частные; Раввинские и теологические учреждения; и Литературные и научные ассоциации.

Он — обычный англичанин — может смутно осознавать, что еврей является единственным великим исключением из общего проклятия, нависшего над сынами Адама, и что он один ест хлеб, не в поте лица своего, а в поте лица своего соседа - подобно немецкой кукушке, которая не колонизирует, а обосновывается в колониях других туземцев. Возможно, ему говорили, что во всем мире еврей с презрением относится к честному труду крестьянина и поденщика ; что в новом еврействе Хаундсдитч и Петтикоут—лейн, в Марэ, в гетто, на Юденштрассе и в Харат эль Яхуд (еврейских кварталах) мусульманских городов его единственным занятием является *quosumque modo rem*— *грязная нажива*- особенно путем ссуды денег и ростовщичества, которые, возможно, не являются обычными. быть примененным к собрату-еврею, но которое с чистой совестью применяется к гибели нееврея. Он слышал, что там, где саксы и кельты торгуют, еврейские брокеры и коробейники скупают их прибыль и богатеют, там, где рабочие голодают среди золота. Он видит, что “Избранный народ” будет кишеть по всему миру от Калифорнии до Австралии, куда бы их ни побудила отправиться жажда наживы. “На мой взгляд, ” говорит популярный писатель, “ мало что в этой жизни вызывает такое восхищение и чудесно, как "преуспевание", как это вульгарно называется, еврейской расы. Для одного из нас, который посредством бесконечных извиваний, пыhtения, труда, борьбы и, так сказать, цепляясь бровями за возможность, стремится выйти из неизвестности и подняться на самую верхнюю ступень лестницы, кажется, есть по меньшей мере пятьсот арабов кавказского происхождения, которые достигают желаемой высоты; да, и которым удастся избежать головокружения и падения. Большинство евреев, похоже, поднимаются, и случаи, когда некоторые из них впадают "в крайнее негодование", как гласит эта фраза, кажутся столь же редкими. Как часто ваш успешный назарянин терпит неудачу! В тот момент, когда вы считаете его Господином Всего, он не является Господином ни над чем.... Евреи, по-видимому, сохраняют то, что они получили; и, что еще лучше, получают больше и *это* тоже сохраняют. Мне кажется, им не слишком свойственно испытывать муки раскаяния; и я не могу представить себе сумасшедшего еврея. Это, должно быть, что-то ужасное. В целом, глядя на огромное количество христиан, которых я знал, которые из—за блеска опустились до нищенства, и на огромное количество евреев, которых я наблюдал, продвигающихся не из—за бедности — еврей никогда не просит милостыню, кроме как у кого—то из своего племени, и тогда я полагаю, что сделка больше похожа на дружескую ссуду, которая будет возвращена с процентами, когда наступят более светлые дни - но от крайней бедности к богатству и положению я склоняюсь к мнению, что язычникам свойственна естественная склонность к падению - посмотрите, каким тяжелым я могу быть, - но что язычники не склонны падать духом. Избранные люди обладают столь же естественной склонностью к жизнерадостности. Тот молодой человек со знаменем в балладе мистера Лонгфелло был, можете не сомневаться, израильянином из израильян; только я думаю, что поэт ошибся, как это обычно бывает с поэтами, в своей кульминации. Молодой человек не замерз насмерть. Он сколотил огромное состояние на вершине Монблана, продавая дешевое мороженое "Эксельсиор".

Секрет такого “приживания” известен каждому специалисту. Еврейский мальчик начинает со своих самых ранних дней с того, что меняет несколько совершенов, и он следует путем наживы, пока гробница не откроется, чтобы принять его. Он совершенно целеустремлен в этом вопросе; у него есть только одна идея, и поэтому он должен добиться успеха. Кто не помнит отповедь еврейского капиталиста христианскому государственному деятелю, который достаточно дерзко посоветовал ему научить своих детей чему-то, помимо простого ремесла? “Мое первое желание, — ответил еврей, - увидеть, как мои мальчики станут хорошими дельцами; кроме этого - ничего!”

Средний англичанин не может не заметить вместе с Коббетом и вопреки лорду Маколею, что занятия, которые особенно предпочитают низшие слои евреев, - это те, которые другие люди считают низкими или бесчестными, такие как деморализующее ростовщичество, получение краденого, скупка старой одежды, содержание игорных домов и букмекерских контор, торговля литературой, рассчитанной на извращение ума молодежи; совмещение, как недавно сделала одна особа, впоследствии отправленная в Ньюгейт, профессии косметолога с профессией сводни и снабжение агапемонов мира,[16] время от времени производя на свет острого жокея или сильнейшего боксера-призера. Он не безразличен к их чудовищному обману, к их огромной и ненормальной способности лгать — “пустяковому языку”, как они живописно называют это, — и к их тонкому искусству завоевывать свою цель окольными путями. Он не может ошибиться в их физической трусости, но он помнит, что еврейские офицеры, когда-то столь многочисленные во французской армии, были такими же храбрыми, как и их братья-христиане; и снова он признает тот факт, что ложь и трусость долгое время остаются последствиями угнетения. Он улыбается их сильной любви к общественным развлечениям и чрезмерному пристрастию к показухе, проявляющемуся в безвкусных нарядах и золотой мозаике.

Однако, зная это, он полагает, что ему известно худшее. Он мало слышал о чрезмерном оптимизме евреев, [греч. παντα καλα λιαν: панта кала лиан], столь решительно настроенных против христианства, “религии скорби”. Он ничего не знает о безмерных страстях и драчливости, рвении и упорстве лютеранской злобы, проявляемых против всех, кто не соблюдает некоторые мелочи устного закона. Он игнорирует чрезмерную, узколобую кастовую гордость, которая делает евреев “предназначенными Богом быть царством священников и святой нацией” - как один из представителей их собственной расы, даже сейчас повторяет раввин Ашер (инициатор молодежи).[17] Он не может осознать тот факт, что свирепость и ужасающая разрушительность, которые характеризуют еврея и его литературу, от дней Пророков до талмудистов, присутствуют в его цивилизованном соседе, которого он считает одним из лучших людей — правда, спящий лев, но готовый проснуться при первом удобном случае. И он ничего не знает о любви восточных евреев к мистицизму и символизму, об их различных ужасных суевериях и их преданности магическим чарам и оккультным искусствам, которые приводят к множеству мерзостей.

Это невежество вызывает слабые вспышки сетований на то, что евреи “все еще с упрямой настойчивостью цепляются за безнадежную надежду”, поэтому мы читаем на страницах современного путешественника — *“Роб Рой на Иордане”*, стр. 274, Дж. Макгрегора, магистра медицины (Лондон: Murray, 1869): “Здесь, как и около двадцати лет назад, я слышал, как люди в Палестине называли своих собратьев “евреями” как самое низкое из всех возможных оскорблений. Когда мы вспоминаем, что евреи на своей собственной земле когда-то были

избранным народом мира; что теперь по всей земле евреи являются одними из самых богатых, храбрых, умных, справедливых, лучшими в музыке и пении, в поэзии и живописи, в искусстве, науке и литературе, в образовании, филантропии, государственном управлении, войне, торговле и финансах, во всех сферах жизни - мы можем хорошо вспомнить слово пророчества, которое давным-давно сказало нам, что имя еврей станет "притчей во языцех". "даже на собственной земле евреев". Это правда, что даже в португальских колониях, где еврей сравнительно неизвестен, его имя хуже, чем в Иерусалиме, Багдаде и Дамаске; в то время как "Иудеар" — изображать еврея - означает существо, способное на любое злодейство. Но как долго пророчество будет сбываться? В прибрежных городах Марокко нескольких лет хватило, чтобы поднять еврея с низшего положения до равенства со своим двоюродным братом-мусульманином и даже превосходства над ним. Еврей может вскоре сделать нееврея "притчей во языцех и поношением".

Но английский мир никогда не слышит о том факте, что еврей Африки, Аравии, Курдистана, Персии и Западной Азии в целом по-прежнему является евреем "хитрым и свирепым" тринадцатого и четырнадцатого веков в Европе; что он еврей Талмуда, Шаммая и рабби Шаломона Джарчи, а не Пятикнижия, Гиллеля и Гамалиила; что он сочувствует, а не тем стойким старым консерваторам и рационалистам, саддукеям, ныне исчезнувшим навсегда, ни с Ездрой и священниками, левитами и нефинимами — людьми Великой Синагоги, - ни с ессеями-аскетами, прототипами христианского монашества; но с фарисеями, сепаратистами и пуританами его веры, с Военачальниками, фанатиками, зелотами, Сикариями, Фехтовальщиками и Разбойниками Иоанна Гискальского, Елеазара, сына Анании, и с теми, кто творил все гражданские ужасы нашего первого столетия. Какое-нибудь далекое или полное приключений путешествие сэра Мозеса Монтефиоре[18], должным образом опубликованное с подробными и пристрастными комментариями в европейских газетах, открывает ленивому пониманию утонченного человека, что иврит во многих частях полуцивилизованного мира по-прежнему является объектом подозрений, страха и отвращения. Он приписывает преследования, *алчность* или массовые убийства удовольствиям грабежа, варварскому фанатизму и безжалостному фанатизму кровожадных и безжалостных рас, которые все еще смотрят на настоящее глазами прошлого и которые воспользовались возможностью утолить свою жажду добычи или осуществить устаревшую месть, потому что около восемнадцати веков и трех четвертей назад "аристократический и непопулярный первосвященник, на которого народ впоследствии восстал и убил, по политическим причинам распял нашего Господа", или потому что в а. д. 729[19] героическая еврейка из Хайбара отравила баранью лопатку с целью решающего испытания, был ли Мухаммед Пророком Аллаха или просто шейхом арабских мародеров, достойным *собратом* Мусайламы Лжеца.

Мы не тратим время на размышления или выяснение того, не могут ли преследования, *алчность* или массовые убийства быть прямым результатом какого-то невыносимого зла, какого-то ужасного подозрения, которое постепенно приняло форму уверенности и которое требует высшего суда меча; мы не рассуждаем о том, что причина, которая с древних времен приковывала евреев к гетто и определенным кварталам во всех крупных городах континента, проистекала не только из того, что он от природы предпочитал общество своих единоверцев, но также и из того факта, что его соседи-христиане сочли целесообразным проконсультироваться с это означает их собственную безопасность и безопасность их семей. Об исчезновении детей говорили в Риме и во всех столицах Италии даже в начале нынешнего столетия, когда

конституционное правление и новая полиция были неизвестны, так же свободно и часто, как в Салониках, Смирне и во всех городах Леванта в 1873 году от рождества Христова.

Опять же, мы вряд ли задумываемся о том, что, поскольку нетерпимость порождает нетерпимость, а обида порождает обиды, растоптанная и деградировавшая раса всегда, когда сможет, обратится против угнетателя, и что месть слабых, раболепствующих и трусливых будет более определенной, безжалостной и ужасной, потому что ей предстоит подсчитать длинный список оскорблений и обид. В сельских городах современной Персии, как и в Турции, широко распространено мнение, что еврей убивает детей. Юноша-мусульманин, встретив на улице еврея, будет дергать его за седую бороду, насмехаться над *Бу-э-Шимитом* — отвратительным запахом, который повсюду считается характерным для этой расы, — наступать ему на пятки и плевать на его еврейский габардин. В Турции все еще есть места, где его изгнали бы с базара палками и камнями; другие, где против него были бы направлены все оскорбительные высказывания, включая Аль Яхуда Мусайраджа[20] — еврей пахнет лампой — намекает на его бесплатное использование кунжутного масла в кулинарии. Еврей, проходящий через площадь Гроба Господня в Иерусалиме, неизбежно подвергался бы нападкам толпы при любых обстоятельствах, а на определенных праздниках был бы разорван на куски; и список опасностей и оскорблений, которым он подвергается как от мусульман, так и от христиан, можно было бы продолжать бесконечно.

Можем ли мы тогда задаться вопросом, исчезнет ли преследователь, мужчина или мальчик, должна ли возможность предложить такое заманчивое наказание за их варварский фанатизм? И разве это предположение не объясняет арабскую пословицу “Ужинай с евреями и спи у христиан” и тот факт, что каждая мать с самого раннего детства учит своего мальчика избегать еврейского квартала, связывая его всевозможными клятвами? Наконец, стоит ли удивляться, что среди невежественной и суеверной расы отверженных такие случайные акты и вспышки мести, чистые и незамысловатые, по вине человеческой извращенности с течением веков превратились в полурелигиозный ритуал и оправдываются людьми, чьи преследования привели их в бешенство, как протест и мемориал перед престолом Всевышнего против оскорблений и обид, нанесенных язычниками детям Авраама?

Шекспир, возможно, и не рисовал Шейлока с реального персонажа, но его гений воплотил в наиболее реалистичной форме еврейскую мстительность и причины, ее питавшие. Сколько есть городов мира, где он мог бы услышать эти слова: “Разве у еврея нет глаз? разве у еврея нет рук, органов, размеров, чувств, привязанностей, страстей? накормленный той же пищей, раненный тем же оружием, подверженный тем же болезням, исцеляемый теми же средствами, согреваемый и охлаждаемый теми же зимой и летом, как христианин? Если вы уколете нас, разве у нас не пойдет кровь? если вы пощекочете нас, разве мы не рассмеемся? если вы отравите нас, разве мы не умрем? а если ты причинишь нам зло, разве мы не отомстим?”

Более того, в ходе нашего чтения мы, англичане, не встречаем ничего, что указывало бы на существование жестоких убийств и подобных ужасов в какой-либо ветви еврейской расы. Популярные книги, такие как *“Британский еврей”* (преподобный Джон Миллс. Лондон: Hurlston & Stoneman, 1854), например, в основном написаны в апологетическом тоне; они являются защитниками и миссионерами, а не описателями. Они перечисляют обязанности и церемонии “строгих, просвещенных израильтян” — подавляющего большинства среди тридцати пяти-сорока тысяч, колонизировавших Британские острова, — измененных и преобразованных

окружающей цивилизацией. Они старательно избегают той части предмета, которая была бы наиболее интересна этнологу, - различных неправильных обычаев народа, потому что они не стали бы "заполнять свои страницы суевериями невежд"; и они, вероятно, не определили для себя те темные оттенки, которые религиозное учение более поздних веков распространило в еврейском сознании и которые сохраняются даже среди самых передовых современных сообществ. Хорошо известная книга доктора Александра Маккола *"Старые пути, или сравнение принципов и доктрин современного иудаизма с религией Моисея и пророков"* (Лондон: Хаббард и Сын, 1854), переведенная почти на все европейские языки, раскрывает лишь немного, хотя претендует на раскрытие многого. Она написана в чисто апологетическом духе; и поскольку она атаковала Талмуд, но пощадила еврея, который, однако, систематически уничтожает все экземпляры, она потеряла для широкого читателя все свое значение. Знаменитая статья о Талмуде, впервые опубликованная в *Quarterly Review* (октябрь 1867 г.), а впоследствии принадлежавшая покойному М. Эммануэлю Дойчу, который начал с отрицания авторства, сильно удивила *поко-куранти* Великобритании. Это был триумф особой мольбы. В нем старательно игнорировался тот факт, что талмудические писатели, процветавшие в третьем и шестом веках нашей эры, очевидно, обращались к трудам "Галилейской школы",^[21] особенно к Новому Завету, как апокрифическому, так и каноническому. Она искусно открыла восхищенному взору невежества благородный сад освященного веками опыта, прекрасный партерный сад расового и социального благочестия и благотворительности, рай религиозной мудрости, из которого нескольких пересаженных побегов было бы достаточно, чтобы обогатить и украсить дикие, неухоженные поля. Он с таким же мастерством скрывал раковины и водостоки, отмели и трясины, которые повсюду скрывают прекрасную цветущую поверхность; и он отвлекал внимание от темных углов, заросших ядовитыми сорняками и заросших деревьями, приносящими смертоносные плоды. Такое искусство манипуляции легко сорвало бы Нагорную проповедь со страниц эротических поэтов "Востока", возможно, самого материалистичного и развращенного из всех, что когда-либо создавала мировая литература.

Что же тогда средний англичанин, получивший такое образование, может знать об иврите у себя дома? сколько иврита распространено за границей, особенно в Азии, Африке и даже в Европе? Как ему в полной мере осознать причину, по которой имя еврей до сих пор является притчей во языцех и поношением? или почему скрупулезный британский чиновник — покойный консул Брант, К.Б., исторический консул Эрзерума, возродивший торговлю древнего Трапезунда, — который никогда не позволял себе употреблять ненормативную лексику, применил к христианам и мусульманам слово "еврей" как самое оскорбительное слово, которое только может быть применено к человеку?

Следующая статья появилась в *Saturday Review*^[22] в качестве комментария к "недавней вспышке румынского фанатизма против евреев в Измаиле" и сразу объясняет изоляцию и огромный материальный успех детей Израиля по всему миру. Я цитирую это *in extenso*, поскольку это показывает общее мнение образованных англичан и нереальность и поверхностность отношения, которое смотрит на мир через очки британского домашнего производства:

"Нет реальной разницы между румынскими евреями и евреями Галиции или Богемии; и они, в свою очередь, не могут быть отделены от евреев Германии, Франции или Англии. Грязные,

сальные ростовщики Румынии - смиренные братья финансистов Лондона и Франкфурта, и то, что евреи являются великой силой в Европе, неоспоримо. Можно спросить, в чем секреты их силы? Это религия, способность делать деньги и внутренний союз. Церемониальная и, следовательно, исключительная религия, религия, которая объединяет своих членов с помощью обрядов, которые кажутся странными для остального мира, имеет сильную власть над теми, кто находится в ее пастве. Они подобны обитателям осажденного форта, отрезанным от остального человечества и обязанным защищать себя и помогать друг другу. Но религии недостаточно, чтобы возвысить расу. Евреи и парсы знамениты не только потому, что они делают обрезание своим сыновьям или зажигают костры на крышах своих домов, но и потому, что они зарабатывают деньги. Деньги, которые у них есть, придают им значимость; но это делают не только сами деньги; их возвышают качества, необходимые для зарабатывания денег, — терпение, здравый смысл, способность держаться, когда другие напуганы, смелость нанести удар, когда риск настолько велик, что приводит в ужас. И евреи не только религиозны и богаты; они связаны между собой тесными узами. Внутренний мир иудаизма - это мир демократии. Миллионеру и в голову не придет презирать или отказываться помочь своему беднейшему и наиболее деградировавшему брату. Доброта евреев по отношению к евреям неизменна, спонтанна и неподдельна. Самый захудалый покупатель шляп или продавец апельсинов в Хаундсдиче так же уверен в наличии средств для соблюдения священного праздника Пасхи, как если бы он жил в особняке на Пиккадилли. В глазах евреев даже самые деградировавшие из евреев не кажутся такими деградированными, какими они кажутся в глазах внешнего мира. У самых бедных, возможно, есть имущество, которое искупает их в глазах их братьев; и многие из самых низких, засаленных и непривлекательных евреев, которые ходят по улицам в поисках старой одежды или кожи, известны своим единоверцам тем, что способны часами наизусть повторять отрывки из священных книг. Ко всем этим постоянным причинам еврейского возвышения следует, однако, добавить одну, которая успела развиться только с тех пор, как угас крайний фанатизм и с тех пор, как в Западной Европе к евреям стали относиться сначала с презрительной терпимостью, затем с холодным уважением и, наконец, когда они стали очень, очень богаты, с раболепным обожанием.

“Эти люди — такие исключительные, такие глубоко национальные, так тесно связанные друг с другом — продемонстрировали поразительную способность отождествлять себя с несколькими странами, в которых они связали свою судьбу. Английский еврей - это англичанин, он восхищается английскими привычками и английским образованием, из него получается превосходный судья, он в совершенстве играет роль сквайра и даже незаметно пользуется властью, которую с ее неисчерпаемой причудливостью дает ему английский закон, в то время как он отказывает в ней членам крупнейшей христианской секты и предоставляет должностным лицам средства к существованию в угоду самым привередливым епископам. Французские евреи были верными друзьями Франции во время войны — служили добровольцами при защите Парижа и открывали свои кошельки для нужд нации, а свои дома - для страдающих французов. Немецкие евреи, в свою очередь, были такими же стойкими немцами; и на войне, как и в мирное время, они всегда готовы показать себя как немцами, так и евреями. Именно сочетание качеств обеих наций сейчас поднимает выдающихся немецких евреев на их высокий уровень в мире богатства. В этом мире быть немцем - значит быть торговцем, с которым очень трудно соперничать, быть евреем - значит быть оператором, которого невозможно победить; но быть немецким евреем - значит быть принцем и капитаном среди народа.

“Таким образом, евреям удалось преодолеть большую часть антипатии, которую они, естественно, испытывали к людям чуждой расы и чуждой религии. Английский еврей не считается стоящим в стороне от Англии и англичан. Но невозможно, чтобы между евреем и христианином не было какого-то социального барьера. Они не могут вступать в браки друг с другом, за исключением особых политических или других веских причин, и это неизбежно подрывает доброту и интимность семейных отношений, когда все молодые люди знают, что дружба никогда не сможет перерасти ни во что другое. Чтобы преодолеть это препятствие, многие богатые евреи решили отречься от своей религии и приобщить свои семьи к христианскому общению. Но наиболее возвышенные и энергичные из них уклоняются от этого и принимают положение, в котором они родились, и даже гордятся им. К счастью для него самого и для Англии, добрый друг определил религию мистера Дизраэли до того, как он стал достаточно взрослым, чтобы судить самостоятельно, и в более зрелые годы он смог добросовестно принять то, что он называет доктринами Галилейской школы. Если их не заманить в христианство своими социальными устремлениями, евреи по большей части неуязвимы ни силой преследования, ни аргументами; и хотя есть некоторые обращения, которые можно приписать христианским доводам или христианскому золоту, они, вероятно, уравниваются принятием иудаизма христианками, которые выходят замуж за мужей-евреев. Таким образом, евреи ведут и должны вести в целом семейную жизнь, отмеченную некоторой сдержанностью и изоляцией. Но неудобства, с которыми им приходится таким образом мириться, не лишены компенсирующих преимуществ. Их семейная жизнь, ставшая уединенной, приобрела теплоту и достоинство.^[23] В очень немногих семьях так много вдумчивости, внимания, родительской и братской привязанности, уважения к возрасту и заботы о молодежи, как в еврейских семьях. Женщины тоже были облагорожены, а не деградировали, будучи брошенными на самих себя и на свои семьи из-за сферы их мыслей и действий. Они почти всегда досконально обучены бизнесу и способны принимать участие в крупных делах, поскольку у их расы было принято считать жену помощницей — участницей в каждой сделке, которая укрепляет положение или повышает комфорт семьи. Досуг, активность ума и желание передать эстафету обучения от женщин одного поколения женщинам другого вдохновляют еврейок на рвение к образованию, любовь к утонченности и симпатию к искусству. Дома наилучшего типа, конечно, должны приниматься за стандарт, когда спрашивается, каковы характеристики расы в ее лучшем проявлении; и в европейской семейной жизни мало что может сравниться с семейной жизнью евреев высшего типа. Их изоляция, опять же, делает большинство людей либеральными и свободными от классовых предрассудков, точно так же, как их связь со своими рассеянными братьями освобождает их от давления замкнутости. Но, как замечает мистер Брайт, религиозный фанатизм медленно угасает полностью; и даже в образованном английском обществе мало найдется христиан, которые не считают себя вправе подходить к еврею с чувством тайного превосходства. Если еврей напыщен или выставляет напоказ свое богатство, если его женщины увешаны драгоценностями, если он говорит на сленге спортивного мира, чтобы показать, какое он прекрасное создание, общество имеет такое же право унижать его, как и любого христианина, подобного ему. Но филантропам, пригласившим мистера Брайта посетить их встречу, может быть полезно заглянуть в свои сердца и спросить себя, вполне ли они свободны от чувства, что лучший еврей никогда не равен худшему христианину, которое лежит в основе румынских беспорядков,^[24] и которое, безусловно, полностью противоречит принципам и учению Галилейской школы.

СНОСКИ:

[14] Здесь из шестидесяти тысяч душ евреев насчитывается сорок тысяч, но во избежание налогообложения они договорились с турецкими властями, что их количество никогда не превысит одиннадцати тысяч пятисот. [С тех пор как это было написано (1873 г.), все население Салоник быстро увеличилось и сейчас (1897 г.) насчитывает 150 000 человек, из которых около 60 000 евреев, 30 000 турок, 30 000 сербов, 15 000 греков и 4000 цинцев.]

[15] В последнее время в Англии и Уэльсе не проводилось переписи населения по религиозным вопросам; следовательно, вышесказанное является лишь предположением. В 1853 году численность евреев Великобритании составляла 30 000 человек; из них 25 000 проживали в Лондоне и 5000 - в других местах. Ежегодно умирало 560 человек, что при среднем уровне смертности составило бы максимум 25 000. Из этого общего числа 5000 человек принадлежали к высшему или образованному классу, 8000 - к среднему сословию и 12 000 представляли низшие чины. [В 1890 году численность евреев Великобритании и Ирландии оценивалась более чем в 93 000 человек, из которых 67 500 проживали в Лондоне. Возможно, будет интересно добавить, что в 1896 году все еврейское население составляло 6 505 000 человек, таким образом распределенное по земному шару: Европа - 5 500 000; Азия - 260 000; Африка - 430 000; Америка - 300 000; Австралия - 15 000. См. Книгу А. Х. Кина *"Население, расы и языки мира"* в *Атласе церковных миссионеров*, Новое (восьмое) издание. Лондон, 1896.]

[16] На данный момент существует движение, гораздо более грязное и ужасное, чем любая охота на кули при экспорте африканских рабов, простирающееся от Лемберга до Индии и Китая.

[17] Существенное превосходство еврея над нахримом, или чужеземцами, тщательно поддерживается гавнимом, или свечами еврейского закона. Во время подготовки к субботе одна из молитв звучит так: "Благословен Ты, Господи, который провел различие между священным и мирским, между светом и тьмой, между Израилем и другими народами". В День Нового года (Рош ха-Шана) домоправитель говорит за ужином: "Благословен Ты, о Господь, который избрал нас из всех других людей, и возвысил нас над всеми другими народами, и освятил нас Своими заповедями, ... ибо Ты избрал нас и освятил нас из всех других людей.... Благословен Ты, Господи, Освящающий Израиль" и т.д. На Пасху они повторяют то же самое, добавляя: "Благословен Ты, Господи, Освящающий Израиль и времена". Во время праздника Пятидесятницы они молятся: "Благословен Ты, Господи, который избрал нас превыше всех других людей, и возвысил нас над всеми другими народами, и освятил нас заповедями Твоими.... Наш Господь превознесен — Он первый и последний, Он пожелал и избрал нас, и передал нам Закон".

Таковы некоторые из отрывков, которые до сих пор одобряются учеными и преподобными евреями, "звездами вечерних сумерек их расы". Эти претензии, очевидно, неуместны в конце девятнадцатого века. Их воздействие поразительно на слабые умы некоторых христиан, которые в вопросах общения и миссионерства сильно пострадали в еврейском обществе и в конце концов полностью поверили всем этим абсурдным заявлениям. Язычник пишет о них: "Обращаясь к потомству Патриархов на подобную тему [неверия], я вполне могу воспользоваться словами, которые считаются священными для их сограждан, а не для представителей их расы, в то время как я повторяю утверждение, что иудейский неверующий - неверующий среди "израильян, которым принадлежали усыновление, слава и заветы", и которому были вверены Божьи оракулы" — единственное открытое око мира, в то время как все

остальное человечество имело долю тьмы или света грез". — это действительно ужасное, злое явление!" Тем не менее, такими, какие они есть, их насчитываются сотни тысяч, и распространение абсолютной неверности чрезвычайно увеличивается.

[18] Путешествие этого выдающегося филантропа в Александрию в 1840 году было очень примечательным, учитывая все обстоятельства. В 1855 году он снова посетил "Восток" с особой целью улучшить положение своих единоверцев в Святой Земле; и это любимая тема для размышлений о том, как много или как мало ему было позволено знать об истинном положении вещей. Он, конечно, ничему не научился у своего хозяина в Дамаске, покойного Исхака Хаима Фархи, еврея, находящегося под защитой Франции. Также не считается, что он получил много сведений об истинном положении дел в Иерусалиме. Например, богадельни, построенные за пределами города под его опекой, заняты друзьями Книжников и теми, кто ухаживает за ними, а не обездоленными, для которых они были предназначены. Когда почтенный филантроп нанес свой последний визит, там в спешном порядке собрали самых бедных и несчастных членов общины, а после его ухода их так же быстро изгнали. Общественность не забыла его поездку в Марокко, о которой, однако, если дела пойдут так, как идут сейчас, его *протеже могут в конечном итоге пожалеть*.

[19] [Я сохранил 729 год, дату, указанную Бертоном, хотя Мухаммед умер в 732 году от последствий эксперимента.]

[20] О *кроважано-маслянистом выражении* лица евреев и, как следствие, отвисании надгортанника см. "Причина снижения продолжительности жизни среди евреев" сэра Дункана Гибба, доктора философии, магистра права, статья 10, *Журнал антропологии*, № 1, июль 1870 г., стр. 94-97. Это точное описание многих евреев Сирии и Палестины.

[21] Это совершенно неправильное название, применяемое к христианству, которое оно путает с раввинскими школами Тверии и Цфата.

[22] [Год будет 1873-й.]

[23] Еврейская семья по-прежнему в Англии, как и на всем Востоке, - главная защита личности от общества. Отсюда сильная привязанность между родственниками. И по той же причине евреи — отличные родители - вряд ли может быть иначе, когда от сына ожидают, что он освободит своих отца и мать из Преисподней.

[24] Это очень маленькое волокно очень красивого корня.

ГЛАВА III

ЕВРЕЙ СВЯТОЙ ЗЕМЛИ И ЕГО СУДЬБА

Имея дело с евреями Святой Земли, хорошо помнить, что две великие ветви еврейской расы - это сефарды и ашкенази. Они обе одинаково ортодоксальны и могут вступать в смешанные

браки, когда им заблагорассудится. Желательно сначала сказать несколько слов об этих великих ветвях.

“Сефарад”, произносимое по всему “Востоку” *Сафард*, слово, встречающееся в Ветхом Завете только один раз (“и пленение Иерусалима, которое в Сефараде”, Авд. ст. 20), подвергалось различным толкованиям. Достаточно сказать, что большинство евреев, следующих таргумскому Ионафану и пешито, или сирийской версии, отождествляют его с Иберией, современной Испанией и Португалией. Сефарды утверждают, что происходят от царственного колена Иудина, которое, как и дети Вениамина, рассеялось последними. В нем содержатся обычные три категории: (1) Коэны (по-арабски Кахин), священники или левиты дома Аарона - многочисленного сообщества, как показывают коэны Англии. Хотя он родился священнослужителем, теперь, когда обряд рукоположения исчез, он может заниматься чисто мирским ремеслом. Всякий раз, когда еврей забивает животное, коэн претендует на язык, одну сторону лица и одно плечо.^[25] Итак, во времена Иосифа Флавия (*Иудейские древности*, IV. iv. 4) священник брал живот, щеку (или грудь) и правое плечо жертвы, которую тайно убивали на праздник. (2) Левит или потомок Левия, но не по линии дома Аарона; подобно Коэну, которому он должен платить десятину от своей десятины, он должен доказать свою генеалогию, которая часто сомнительна, и он известен тем, что взял имя Леви в честь своего собственного и до имени места своего рождения —*например*, Симеон Леви Салоникли. (3) “Обрезанный” или Аммон израильтянин.

Со времени окончательного разрушения Храма не осталось язычников-прозелитов Завета, то есть обрезанных пришельцев, допущенных ко всем привилегиям детей Авраама; нет также прозелитов Врат, необрезанных почитателей Иеговы, соблюдающих нравственный закон. Немец, или незнакомец, может быть принят в Церковь при определенных обстоятельствах путем очищения и обрезания, которое последнее, в отличие от закона Мухаммеда, абсолютно необходимо. Иудаизм, однако, как и индуизм и гебризм, по сути, является одним из старых врожденных вероучений; он никогда не был, нет и никогда не будет системой обращения в свою веру. Что касается колен, то повсюду известны Иуда и Левий. Упоминаются Вениамин, Ефрем и Наполовину Манассия, и традиция утверждает, что Ашер существует в Абиссинии с караимскими особенностями. Наконец, многие евреи не верят, что Десять Колен когда-либо были потеряны. Они говорят, что во время Великого пленения, когда вера почти угасла, они смешались до такой степени, что впоследствии их было невозможно разделить.

Сефарды, или южные евреи, в основном являются потомками испанских и португальских предков, и по всему Леванту и побережью Северной Африки они говорят по-испански, читают и пишут на нем своим собственным шрифтом. В оформлении марокканского интерьера используется арабский язык. Одежда восточная, и в Святой Земле они до сих пор носят черные тюрбаны, предписанные роскошными законами Эль-Хакима (около 1000 г. н.э.). Внешне они несколько более привлекательны, чем ашкенази, которые численно превосходят их в Сирии и Палестине и постепенно вытесняют. Официально они сохраняют свою должность; Хахам Баши, или главный врач, является единственным еврейским должностным лицом, признанным турецким правительством и представляющим общину в Меджлисе, или городском совете. Во всех вопросах, которые рассматриваются судами, ашкеназим должен пользоваться поддержкой Хахам Баши, в то время как врачи заслушивают и выносят решения по всем делам, касающимся внутренних дел общины. Многие сефарды - владельцы магазинов, торгующие в основном продуктами питания и скобяными изделиями. Между ними и ашкеназами есть много

незначительных различий, таких как содержание и организация их ритуала, организация их собраний, способ чтения богослужения, их музыка и даже форма написания квадратными буквами на иврите. Маграби, или западные евреи, в основном проживающие в Северо-Западной Африке, в других местах причисляются к сефардам; однако в Иерусалиме они считаются отдельной сектой и имеют своего собственного главного врача.

Таким образом, сефарды - это южане, в противоположность северным евреям, или ашкеназам. Они получили свое название от ашкеназа, сына Гомера и внука Иафета (Быт. х. 3), который, как предполагается, населил в этнологической последовательности Армению (Иер. li. 27), Польшу, Германию и Скандинавию — последняя, по некоторым данным, получила от него свое название. Ашкенази утверждают, что происходят от Вениамина, и обычно предполагается, что они не присутствовали при втором строительстве Храма Зоровавелем (520 г. до н.э.), как описано в Книге Ездры.

Ашкенази Святой Земли - это в основном немцы, поляки, москвичи и другие северяне. 26 января 1849 года приказ Генерального консульства России в Бейруте обязал их либо возвращаться домой раз в два года для продления своих паспортов, либо отказаться от своего гражданства. Затем они были взяты под покровительственное крыло Великобритании благодаря огромным усилиям их единоверцев в “Городе-убежище” (Лондоне) и других западных держав. На этот шаг вряд ли можно смотреть с удовлетворением. Полагаясь на свое новое гражданство, они открыто занимаются ростовщичеством и другими операциями сомнительного и часто бесчестного характера. Решимость защитить всю общину от религиозных преследований, позволив султану относиться к их коммерческим и гражданским делам наравне со всеми остальными своими подданными, была бы гораздо более справедливой и, вероятно, исправила бы немало бед. В 1840 году северных евреев в Дамаске было немного, и даже сейчас их немного; среди них можно упомянуть старого Абу Брахима, хорошо известного чичероне из отеля Демитри Кары, который обычно считался козлом.

Ашкенази говорят на чем-то вроде еврейско-немецкого, искаженного ивритом и другими иностранными словами. Их одежда состоит из длинного одеяния, похожего на халат, и шляпы из фетра или бобра с низкой тульей; длинные пряди волос, свисающие за обе щеки, и меховые шапки с эксцентричными вырезами, которые, несмотря на палящее солнце, они повсюду надевают на субботу и по праздникам, делают их внешний вид немало комичным. В Святой Земле они в основном мелкие торговцы и ремесленники, частично поддерживаемые Халлоркой, или подаянием. Многие евреи, у которых нет ни времени, ни желания посещать Иерусалим, платят значительные суммы за заместительные молитвы, возносимые там их единоверцами, и пожертвования собираются по всей Европе назначенными эмиссарами, такими как нищенствующие монахи католического мира. Это пособие, распределяемое одинаково и без разбора среди всех жителей четырех Священных Городов, объединяет множество праздных и никчемных людей и способствует ранним и непредусмотрительным бракам, причем каждый ребенок является источником дополнительного приумножения. Следует предпринять некоторые шаги, чтобы избежать скандалов в Зале. Много порока, страданий и недобрых чувств порождает нынешняя система вознаграждения, которая оставляет многое позади, когда проходит через руки врачей, ни перед кем не ответственных за деньги, которые они получают. Эти люди живут в комфорте и даже роскоши; терроризм, как физический, так и духовный, которым они вдохновляют своих прихожан, делает их абсолютно неуязвимыми. Зная, что его врач может отлучить его от церкви и, что более того, умиротворить

голодом его и его семью, ни один еврей не осмелится возражать, хотя и будет громко жаловаться на систему лицемерия и казнокрадства. И, как правило, милостыня израильтян, столь исключительно либеральная во всей Западной Европе, становится скупой по всей Святой Земле. За неимением достаточно мелкой монеты богатые иерусалимские евреи изобрели систему оловянных монет, которые нищенствующий должен собирать до тех пор, пока их не станет достаточно много, чтобы обменять на валюту. Всякий раз, когда в стране начинается голод, бедняки-евреи получают, вероятно, наименьшую помощь от своих братьев, живущих в тех же стенах.

Ашкенази делятся на религиозные секты и социальные сообщества. Первых всего три — *именно*. Парушим, Хасидим и Хабад. Парушимы, фарисеи или сепаратисты, следуют закону, изложенному в комментарии покойного Р. Гаона[26] из Вильны. Они считают прилежное изучение Талмуда необходимым для каждого религиозного еврея и проводят свою литургию в соответствии с ним, уважая, однако, смысл, придаваемый различным обрядам учителями каббалистики. Они строго соблюдают назначенное время для молитвы, но не считают необходимым окунать тело в воду перед омовением. Они пренебрегают второй парой филактерий, предписанных Раббену Там.[27] Они не считают незаконным забой животных в пищу не очень острым ножом при условии, что на лезвии нет зазубрин. Они считают пасхальный пирог законным, даже если он сделан из любого вида пшеницы или муки.

Хасиды (каббалисты), эта самая фанатичная из еврейских сект, здесь по большей части необразованны. Их литургия соответствует Рамбани или Маймониду (*рабби Моше бен Маймону*), испанцу, который процветал в двенадцатом веке и о котором сказано: “От Моисея до Моисея не было подобного Моисею”; однако они интерпретируют это в каббалистическом смысле. Их любимая книга - “Святой Ри”; они молятся всякий раз, когда чувствуют себя обязанными это сделать, независимо от того, прошло предписанное время или нет. В отличие от парушим, они верят в определенных садиким, или праведных людей, которых в народе называют гут яден (Juden), и относятся к ним с суеверным почитанием, граничащим с богослужением, приписывая им сверхъестественные силы и придавая некоторое духовное и символическое значение их самым тривиальным и незначительным действиям. Заявляя, что руководствуются только Талмудом, они на самом деле следуют учению какого-то избранного Гутера Иуды. Хасиды особенно тщательно соблюдают еврейские обычаи, особенно те, которые связаны с субботой. Они сильно встряхиваются и громко плачут во время молитв; в другое время они очень увлекаются танцами, пением и крепким алкоголем. Они окунаются в воду перед молитвой и используют вторую пару филактерий. Они считают незаконным забивать животных ножом, который не очень острый, или использовать для пасхальных лепешек любую пшеницу, кроме определенного сорта. Эта секта придает большое значение делам благотворительности; таким образом, они руководствуются Яд ха-Хазакой, или “сильной рукой” Маймонида, который выделяет восемь ступеней или ступеней золотой лестницы благотворительности. Парушимы и хасиды сочетаются в различных пропорциях; например, в Тверии все хасиды, кроме врача, который является паруши.

Хабад, или третья секта, по названию предполагает эбионитов, или еврейских назарян, которые считают “великого учителя Назарета” Мессией, но всего лишь человеком; однако эта секта, по-видимому, вымерла. В современном Хабаде литургию организует их старый раввин Зелмина. Они похожи на хасидов, у них есть свои собственные гуте джуден, но обычно они более образованны и благочестивы. Они склонны к гостеприимству и благотворительности и придают

большое значение посещению больных. Они опускаются перед молитвой, много читают и учатся, а субботними вечерами собираются вместе, чтобы послушать Закон, разъясняемый их главным учителем. Они отмечают 19-й день Кислефа, третьего гражданского и девятого церковного месяца (примерно декабрь); в этот день Р. Шаломон, основатель секты, был освобожден из тюрьмы.

Ашкенази делятся на социальные сообщества в соответствии с европейским районом или городом, откуда они прибыли, и каждой секцией руководит писец или мирянин с респектабельным статусом. Главными общинами Парушима являются Вильна, Грейнер, Гродно, Минск, Нассен, Варшава, Зуолик и Герман. К хасидам относятся волынцы, венгро-австрийцы и галисийцы. Хабад - это отдельная община.

Ашкенази, которых сефарды ошибочно считают париями, привезли с Северного климата мужественность осанки, стойкость духа и физическую твердость, резко контрастирующие с трусливыми и женоподобными, презираемыми сефардами, "евреями земли Израиля". Если с ними заговорить жестко, они ответят тем же; если их ударить, они нанесут ответный удар; и они не боятся садиться на лошадь, в отличие от своих южных собратьев, которые предпочитают осла или, в крайнем случае, иноходного пони лучшим представителям арабской крови. Они будут путешествовать ночью по трудным и опасным тропам, в то время как их сородичи с трепетом покидают городские стены; и они могут переносить крайнюю жару и холод, голод и жажду, которые могут оказаться смертельными для любого мягкотелого сирийца, который захотел бы им подражать. Ашкенази Святой Земли, одним словом, "мужчины"; сефарды - нет. "Испанские и португальские евреи принадлежат к гораздо более высокому и интеллектуальному типу, чем англичане и немцы", - говорит доктор Линсдейл. Возможно; но в том, что касается мужественности, сравнения нет. И, как уже было замечено, ашкенази "съедают" сефардов везде, где они встречаются.

Относительно так называемых неортодоксальных сект на Святой Земле можно привести несколько кратких подробностей.

Караимы (Caraites), в переводе "Читатели", то есть "текстуалисты", придают буквальный смысл всему Священному Писанию и отвергают каждую книгу, предшествующую Закону и Пророкам; поэтому их считают злостными еретиками. Эти пуритане, заявляющие о своем происхождении от Десяти племен, не принимавших участия в Распятии, рассеяны по всей Аравии с центром в Багдаде; наиболее многочисленны они в России и Польше, где они могли похвастаться тем, что за четыре столетия ни один из них ни разу не был признан виновным в серьезном преступлении. Путешественник Хендерсон насчитывает около четырех тысяч таких людей в Крыму вместе с их кознами, или священниками. Нам говорят, что в день Пятидесятницы они читают "Хафаторах", или "Выводы дня", Иоиль ii. 28-32, в то время как другие евреи останавливаются на стихах 27. В Адене все еще есть большая колония, где английские власти не нашли поводов для жалоб на них. Раньше в Дамаске их было много; теперь они покинули его *массовом порядке*: протестантское кладбище занимает часть их старого кладбища, надгробия которого отличаются от надгробий евреев. В Сирии они в основном сосредоточены в Иерусалиме, где до недавнего времени насчитывали семь семей (тридцать пять душ). Их единственная, бедная синагога, маленькое помещение, похожее на подвал, которое, по их словам, насчитывает, много веков, находится напротив большого нового здания православной церкви. Его единственным объектом притяжения является одна старая рукопись Пятикнижия, а другие

евреи так ненавидят их, что чужаку нелегко будет найти дорогу к месту их поклонения. В начале 1872 года они были подкреплены эмиграцией из Багдада численностью в сорок душ, которые сообщили, что еще много людей находятся в пути. Все эти мужчины были одеты в бедавинские платья, которые, однако, они сменили на обычную еврейскую одежду, когда однажды поселились в городе.

Самаритян сейчас можно встретить только в Наблусе, классическом Неаполисе, или новом городе. Они утверждают, что происходят от Ефрема и Манассии, в то время как их коэны, конечно же, левиты; ортодоксы презрительно называют их кутимами, или вавилонянами, и, несмотря на физические доказательства, полностью отрицают их еврейское кровное родство. Любой контакт с ними оскверняет, как если бы они были язычниками. В настоящее время общее число составляет сорок семей, или сто тридцать пять душ; они не вступают в браки ни с кем, кроме своих соплеменников; рождение мужчин, вопреки тому, что можно было бы ожидать, превышает рождение женщин в соотношении восемьдесят к пятидесяти пяти, и, следовательно, “бессмертному догматизму” угрожает вымирание. Эта маленькая секта обязана своей известностью в Европе трем хорошо известным рукописям, с которыми спешит ознакомиться каждый приезжий. Согласно их законам, повторяя Талмуд, они изучают Таргум Р. Леви. Они празднуют свою Пасху по солнечному исчислению, а не по лунному, как евреи; например, в 1871 году первые отмечали праздник 3 мая, а вторые - 5 апреля. Более того, они до сих пор приносят в жертву Пасхального ягненка и едят его на горе Гаризим.

Иерусалим иногда посещают некоторые из “черных евреев” Малабара и Западной Индии, о которых написано так много абсурда. У “белых евреев” Индии есть традиция, согласно которой их предки, насчитывающие десять тысяч душ, эмигрировали на Восток около 70 года н.э. и поселились около Кранганора на Малабарском побережье. Здесь они оставались до 1565 года н.э., когда португальцы вытеснили их в глубь страны. Поскольку ни одна синагога не может быть основана без минимальной общины из десяти свободных и взрослых мужчин, белые евреи при необходимости просто выкупали своих девяти рабов-индусов, освобождали их, делали обрезание и омывали, и таким образом добивались исполнения их желаний.

“Реформированные британские евреи”, в основном ашкенази, которые датируются 7 Эллула, 5601 час утра (24 августа 1841 г.), и чей молитвенник редактируется их священником преподобным мистером Марксом, вряд ли уступят место на “Востоке” такой ультракарайской доктрине, как “достаточность Закона Моисея для руководства Израилем”, и с их оппозицией божественности традиций, содержащихся в Мишне; и в Иерусалимский и Вавилонский талмуды они были бы включены только в хосте

Вздорных, капризных сект,

Личинки искаженных текстов.

Мало что можно сказать о физических особенностях восточного еврея, который во всех характерных чертах фигуры и черт лица удивительно похож на своего брата из Хаундсдitchа и Минори. Кое-где линии менее изогнуты, профиль прямой и высокий, в то время как есть несколько местных разновидностей, таких как светлые волосы и оливковые глаза Далмации. Высший тип обладает определенной мягкостью выражения лица, тем решительным очертанием рта и подбородка, которое можно увидеть у лондонского полицейского и у жителя лесной глуши Дальнего Запада. Хотя столетия угнетения неизбежно придали многим тот раболепный, осуждающий взгляд, тот бегающий взгляд, который болезненно наводит на мысль о ручном

зверю, ожидающем удара, все же мы все еще находим как среди ашкеназов, так и среди сефардов красных евреев и черных евреев; свирепые глаза, темные брови и впалые щеки, с пронзительной остротой взгляда и почти безрассудной целеустремленностью. На таких лицах можно прочесть жадность, коварство и даже свирепость, но редко слабость и никогда слабоумие; здесь присутствуют грубость, некультурность и огрубение, а невульгарность или недостаток энергии; и христианская физиономия рядом с ними выглядит банальной, когда контрастирует с этими чертами, полными сосредоточенности и энергичного значения.

Это те же люди, что и те, кто под более счастливой эгидой организует такие всемирные институты, как Всемирный израильский альянс, сердце которого находится в Париже, а конечности простираются далеко и широко по земле, в то время как растущая организация предполагает расширять их все дальше и шире. Его цель состоит просто в том, чтобы способствовать согласованным действиям среди евреев, рассеянных по обоим полушариям; добиться единства и общности во всех вопросах, представляющих интерес для еврейской политики; продвигать интересы своих друзей и добиваться разорения своих врагов. Таким образом, она в конечном итоге поглотит, взяв под свою опеку такие обособленные институты, как Кагал, или Общинное правительство евреев в России. Сейчас модно восхвалять организации иезуитов, масонов, карбонариев, мормонов и других организаций, у которых есть эзотерическая система, лежащая в основе экзотерической формы. Насколько мне известно, ни один из них не может сравниться с еврейским, потому что они локальны и частичны, тогда как эти почти универсальны.

Такие люди легко становятся торговыми воинами, привнося в битву интересов, в жизненный поход всю ту смелость и решительность, ту настойчивость и героизм, ту тонкость и беспринципность, которые Патриархи и Маккавеи воплощали в личном конфликте меча и копья. Они становятся великими властителями финансов и капитала, у которых есть агенты и репортеры в каждом главном центре мира; которые знают каждый проект, что должно процветать, а что нужно основать; какое предприятие должно быть эффективным, а что обречено на провал. Если морскому порту нужен док, городу требуется бастион, или стране требуется железная дорога или кредит, они всегда готовы предоставить все без исключения. И, как правило, они не несправедливы, они не подлые; на самом деле, в их условиях часто присутствует определенная щедрость. Но они всегда выторговывают что-то помимо денег. Они оговаривают, например, что одному человеку должно быть позволено участвовать в этих прибылях, что другой должен быть лишен этих преимуществ; их интересы настолько разнообразны и так широко распространены, что им нужна политическая власть повсюду, и поскольку они должны ее иметь, они ее получают. Одно преступление, один смертный грех, который никогда не прощается и не забывается, - это неподчинение в рядах, каким бы незначительным оно ни было. Пусть второстепенная фирма попытается сбросить ярмо, пустившись, например, в предприятие, не санкционированное Великим Домом; сразу же ее кредит подвергнется нападкам, ее признание будет опозорено, ее разорение гарантировано. Таковы искусства, которые позволили еврею достичь своего нынешнего положения. И он может с уверенностью ожидать того времени, когда вся финансовая система не только Европы от края до края, но и всего мира окажется в руках горстки хитрых капиталистов, чьи огромные богатства с помощью нескольких телеграфных сигналов свергнут трон династий и будут определять судьбы наций.

Теперь остается только коснуться будущих перспектив еврейской расы. Это важное соображение по-прежнему является предметом двух совершенно разных мнений.

Первое, которое можно назвать банальным высказыванием так называемой Либеральной школы, гласит следующее: “В этом столетии мы рушим мощные стены предрассудков, которые нации и секты воздвигали в прошлые времена для отделения себя от своих соседей или как выгодную позицию, с которой можно обрушивать на них наступательное оружие. Римско-католическая и еврейская эмансипация была признана, хотя и с опозданием, и мы можем справедливо надеяться, что в следующем поколении наши политические, социальные и коммерческие отношения с нашими соплеменниками будут строиться без учета их религиозных убеждений или их этнологического происхождения”. Незначительное возражение против этого “гармоничного и терпимого положения вещей” состоит в том, что, хотя христианин может отказаться от своей веры и расы, еврей, как бы легко он ни отбрасывал за борт первую, будет цепляться за вторую с большим упорством, поскольку это будет самым корнем и главной основой его власти.

Вторая - это юдофобский или римско-католический взгляд на превосходство еврейского влияния в правительствах и дипломатии Европы. Он открыто признает свой страх перед иудейскими посягательствами и заявляет, что, если ход событий не будет изменен каким-либо квазичудесным действием, триумф израильтян над христианской цивилизацией неизбежен - фактически, что иудаизм, древнейшая и исключительная форма великой семитской веры, по крайней мере переживет, если не подчинит и выживет, христианство, чей триумф был одержан над инопланетной расой ариев. “Золото, ” утверждает в нем, “ является хозяином мира, и еврейский народ становится хозяином золота. С помощью золота они могут распространять коррупцию повсюду и таким образом управлять судьбами Европы и всего мира”. В течение последней четверти века господствующая Церковь во Франции, по-видимому, занималась распространением этих идей, и количество книг, опубликованных паникерами и откликнувшихся на них еврейскими авторами, далеко не незначительно. Засвидетельствуйте имена ММ . Туссель, Бедаррид, Т. Халлиз, преподобный П. Ратисбон и А. К. де Медельсхайм, без указания вкладчиков в *Союз израэлитов* и в *Архив израэлитов* Парижа — достаточное доказательство интереса, который вызвал этот вопрос, и способности, с которой он обсуждался во Франции.

Но это обобщения, которые требуют уточнения частных. Однако там, где область исследований столь обширна, мы должны ограничиться наиболее подробным обзором Европы и Святой Земли. На всем этом континенте карьера еврея одновременно процветающая и многообещающая. Устранение еврейских ограничений в Англии и почти повсеместное распространение конституционализма по всей Европе во многом говорят в пользу евреев. Существенным условием любой реформы является то, что реформатор никогда не может сказать: “Так далеко я зайду, и не дальше”. Выражаясь спортивным языком, он снял вес с темной лошади, и последняя везде побеждает в легком галопе. Отец держал маленький магазинчик в гетто; сын владел дворцами и виллами, покупал титулы, кресты и другие резные изображения, совершенно неизвестные Закону Моисея, и вступал в браки с историческими христианскими семьями страны. Большая, если не единственная опасность заключается в том, что в отдаленных частях Европы, где люди еще не до конца приручены и где меч все еще привычен к руке, еврей продвигается слишком быстро; и нелегко понять, как его карьера может быть остановлена до того, как она столкнет его с пропасти. На данный момент Венгрия является

показательным примером. Магнат, расточительный в гостеприимстве, наслаждающийся зрелищем, небрежный к расходам и презиравший экономию, видит, как все его богатые поместья с их стадами, посевами и рудниками переходят из его рук и способствуют пополнению бездонного кармана еврейского ростовщика. Но мадьяры - огненная раса; и если этой системе легального грабежа будет позволено пройти определенный рубеж, который, кстати, недалек, евреи должны приготовиться к другому бедствию, достойному средневековья. И они это заслужили.

Что касается восстановления Израиля на Святой Земле, этой излюбленной темы пророчеств и поэзии, этой мечты еврея наяву, по крайней мере до тех пор, пока он не нашел страну и дом в гораздо более счастливых регионах за пределами своих древних владений, то не требуется никакого сверхъестественного дара, чтобы указать на естественный ход событий. Хотя восстановление Иерусалима является предметом вечных мольб всего еврейского мира, богатые и преуспевающие евреи открыто заявляют, что они не проявляют личной заинтересованности в этом вопросе. Молитва, по сути, превратилась в простую формулу. [28] Тем не менее, с шестью миллионами душ, которых в настоящее время станет девять, не составит труда найти добровольцев, подобных тем, кто сейчас стоит гарнизоном в четырех Святых городах — Иерусалиме и Хевроне, Тверии и Цфате. Один миллион душ дал бы израильтянам полную власть над Землей Обетованной в самом широком понимании этого термина, и пройдет совсем немного времени, прежде чем это число можно будет увеличить.

Евреи могли бы с готовностью вернуться в Иудею, но на их пути стоит лев. Россию мало заботит Константинополь, который достанется ей в свое время, когда созреет плод. Но она не потерпит никакого вмешательства в Святую Землю, кроме как ради собственной выгоды. Эта сила, наполовину европейская, наполовину азиатская, своим успехом в жизни во многом обязанная смеси, которую она презирает, обладает огромным преимуществом в виде особого и однородного вероучения, в которое она верит с детским пылом и которое проповедует с мужественной энергией. Для нее завоевание - это не просто увеличение территории, физический рост. Это расширяет поле прозелитизма, религии; и такой взгляд на национальный прогресс и расовый долг является одновременно ее силой и ее слабостью, ее славой и ее позором. Она считает, что центр христианства необходим для полного развития ее религиозного превосходства, и во все возрастающей слабости латинской Церкви она видит для себя наилучшую возможность.

Таким образом, как уверяют нас современные путешественники, Россия потихоньку поглощает Святые места Сирии и Палестины. Совершенно новый Иерусалим, состоящий из церкви, монастыря и странноприимного дома, которые за несколько дней работы превратились бы в форты и казармы, недавно вырос за серыми старыми стенами и башнями Иевуса, скрывая их от пылкого взгляда паломника, поднимающегося на последний холм, ведущий к Яффским воротам. В Хевроне москвичу не разрешили купить участок под застройку в пределах поселения; он купил дуб, который выдает себя за теребинф Авраама, и здесь снова будут церковь, монастырь и странноприимный дом. Колодец Иакова в Сихеме постигла та же участь, и даже Тверии угрожает четвертая церковь, монастырь и странноприимный дом. Так называемые греки, [29], чьи симпатии к москвичам хорошо известны, получили такие блага, как монополию на гору Фавор, классические и сарацинские руины которой были безжалостно снесены для строительства церкви кокни и женского монастыря. Эта узурпация стала настолько невыносимой, что летом 1872 года латинские монахи напали на незваных гостей, захватили *vi et*

armis часть горы, на которую они претендовали, и окружили свое завоевание стеной. С другой стороны, когда латиняне доказали несомненное право на часовню своих предков в Кефр-Кенне (Кана в Галилее), грекам было поручено предъявить конкурирующие претензии, и оба были официально отклонены вместе с устричной раковиной, причем устрица была произнесена как Вукуф, или дар мечети.

Это преимущественное право России на Святую Землю является выгодой для еврея, хотя последний может этого и не осознавать. Но для этого он поспешил бы исполнить пророчество; он скупил бы страну, как на самом деле он сейчас делает в Иерусалиме;^[30] он покорил бы людей капиталом и снова сформировал бы нацию.

Но здесь напрашивается вопрос: “Если иудаизм снова восторжествует — более того, его сторонники говорят, что он восторжествует повсеместно, — как долго это сможет продолжаться?”

У тех, кто знаком с кодексами Талмуда и школы Цфата, которые все еще, несмотря на некоторые мелкие разногласия, являются светом жизни иудаизма, не возникнет затруднений с ответом. Люди, чья высочайшая идея религиозного существования суеверных освящение субботы, мытье рук, дуя ОЗУ рога, спасая обряд обрезания, и тысячи внешних функций компенсации морального просрочками, с Авраама, сидя у ворот ада, чтобы держать его закрытым для евреев; это сообщество, которое бы объявить брак невозможно двенадцать миллионов язычников, не дай им субботу, и приговор к смертной казни каждый “чужой” чтении Ветхого Завета; что бы все Гер, кто не идолопоклонники без религии, в то время как запрещающий те, кого он называет “идолопоклонников” (христиане) осуществить наиболее распространенными чувствами человечества, которая унижает и оскорбляет одну половину человечества, слабый пол, и какие бы санкции рабства, и в то же время угнетать и поливают грязью своих рабов, поместив их на один уровень с волов и ослов; веру, которая, преуспевая в языческой практике, будет способствовать изучению черной магии, ослабит полное моральное обязательство, дарует освобождение от мужской клятвы, и будет санкционировать убийство неучены; систему несправедливости, чей Sanhedrins, сразу языческих и незаконное, отличились только на силу и обман, за обильной самомнение, за хладнокровной жестокостью, и безжалостная вражда ко всем человеческая природа,—такие условия, очевидно, не рассчитываются для создания или сохранения национальной жизни. Цивилизованный мир никогда не потерпел бы присутствия символа веры, который говорит человеку: “Ненавидь ближнего своего, если он не один из вас”, или кодекса, написанного кровью, а не чернилами, который карает малейшие нарушения раввинских законов экзорцизмом и отлучением от церкви, забиванием камнями и бичеванием до смерти.^[31] Года таких зрелищ было бы более чем достаточно, чтобы вызвать гнев и месть оскорбленного человечества; раса, жестокая, неистовая, упрямая и отчаявшаяся, как во времена Тита и Адриана, защищалась бы до последнего; результатом была бы еще одна осада и взятие Иерусалима, и “Избранный народ” снова лежал бы ниц в своей крови и был бы убит. изгнан со Святой Земли.

Вкратце, очевидно, что ничто, кроме российского превосходства в Сирии и Палестине, не предотвращает повторную оккупацию ее старыми нетерпимыми и преследующими хозяевами,^[32] и что для них величайшим возможным несчастьем было бы выполнение их ежедневных, еженедельных и ежегодных молитв—

В следующем году мы можем встретиться в Иерусалиме.

СНОСКИ:

[25] Из-за несчастного случая, произошедшего с Иаковом (Быт. xxxii.), его потомки до сих пор воздерживаются от задних конечностей немногих животных, оставленных им Левитом xv.

[26] Гаон означает ученый муж: разве у него не было другого имени?

[27] [Раббену Там был самым выдающимся учеником знаменитого Р. Раши (1040-1105 гг. н.э.).]

[28] Формула, однако, по-прежнему постоянно повторяется. В субботы, предшествующие новолуниям, Иегове дается завет "собрать рассеянный, объединенный народ Израиля с четырех концов земли". Закатные богослужения, Йом ха-Кипур, или Великий День Искупления, заканчиваются словами: "В следующем году мы будем в Иерусалиме". На празднике Пасхи перед четвертой чашей Господь получает благословение, и все говорят, как они говорили на протяжении последних восемнадцати столетий: "В наступающем году мы будем в Иерусалиме". Задача Мусафа, завершающего субботние службы, состоит в том, чтобы Богу было угодно вернуть Свой народ из рассеяния и вернуть ему во владение Иерусалим и Храм.

[29] Не следует путать с эллинами. Эти греки - сирийские и христианские крестьяне (феллахины), без капли греческой крови в жилах, но принадлежащие к так называемой греческой церкви.

[30] В 1873 году население Святого Города обычно составляло:

Евреи	9,500
христиан	5,300
мусульман	5,000

Всего	19,800

[Благодаря недавней иммиграции, особенно российских евреев, и открытию железной дороги к побережью Яффо, эти цифры были увеличены более чем вчетверо. В 1896 году все население оценивалось более чем в 80 000 человек, из которых почти 40 000 были евреями, 25 000 христианами всех конфессий и 15 000 мусульман, в основном турок и арабов.]

[31] Хорошо подмечено, что ни один гражданин Израиля никогда не был приговорен к изгнанию. Если он был виновен, то его наказывали, но не превращали в изгоя с позорной репутацией, вынужденного грешить, живя за пределами святой почвы их собственной земли на нечистой и проклятой остальной земле.

[32] Интересно прочитать, что вдохновленный еврей Спиноза написал о евреях: "Я вынужден убедить себя, что обряд обрезания имеет такое важное значение в этом вопросе (*т.е.* изолирующих наций), что одного его, мне кажется, было достаточно, чтобы навсегда сохранить этот народ особенным; действительно, если основы их религии не привнесут в них изнеженность ума и характера, я склонен полагать, что при предоставленной возможности,

поскольку человеческие дела общеизвестно переменчивы, они могут снова восстановить свою империю, и Бог изберет их Себе заново.... В заключение, если бы кто-нибудь был склонен утверждать, что евреи для порученного дела или по какой-либо другой причине вообще были специально избраны Богом на всю вечность, я бы не стал возражать ему, при условии, что он допускал, что этот выбор был сделан в основном из уважения ни к чему, кроме империи и личных преимуществ (в которых только одна нация может отличаться от другой), поскольку в том, что касается понимания и истинной добродетели, ни одна нация не является более замечательной, чем другая, и поэтому не может на таких основаниях рассматриваться как избранная Богом ” (*Богословско-политический трактат*, глава iii.).

Поучительно сравнить с текстом мудреца два комментария к его изданиям. Один из них уверяет нас, что, больше не преследуемые папой римским и кайзером или христианской общиной, “без каких-либо знаков гражданского отличия, в которых евреям отказано, они вскоре будут поглощены более крупными христианскими общинами, в окружении которых они сейчас живут во всех странах Европы; в конце концов, они исчезнут и оставят только исторические свидетельства о своем существовании”. Однако в настоящее время иудаизм справедливо претендует на то, чтобы подняться над христианством и пережить его. В книге Б. Ауэрбаха “*Жизнь Спинозы*” нам сказано, что непосредственной причиной, по которой Спиноза предложил это “любопытное убеждение” (восстановление евреев), могло быть то, что некий Саббатай Зеви,^[33] который недавно появился в Греции, вызвал такой переполох среди своих единоверцев поскольку в свое время их возрождение и перестройка в суверенитет не казались невозможными.

^[33] [Более известен под популярной формой Cevi.]

ГЛАВА IV

ЕВРЕЙ И ТАЛМУД

В настоящей главе содержится много утверждений, которые заставят улыбнуться опытного талмудиста. Это, однако, послужит одной чрезвычайно полезной цели, а именно — показать, что христиане и мусульмане Востока считают верой еврейской расы и обычаями людей, живущих в тех же стенах, что и они сами. Что эта враждебность к восточным евреям не просто необоснованный предрассудок, а в какой-то степени основана на факте, покажет следующий краткий обзор раввинских и талмудических писаний. Народ, у которого есть такой мстительный Устный Закон, несомненно, возбудит дух возмездия, ибо очевидно, что Закон существует не только по букве, но и по духу.

На печально известном судебном процессе в Дамаске, который, насколько помнят живущие, довел антиеврейские настроения в этом городе, да и во всей Сирии до неистовства, некоторые ученые врачи представили суду в качестве доказательств ряд рукописей и печатных книг. Было отмечено, что тексты полны пробелов. Это объяснялось тем фактом, что они так написаны с тех

пор, как Европа начала читать раввинские и талмудические писания, с целью сокрытия того, что могло бы возбудить ненависть. Богословы восполняют упущения, записывая их письменно или, предпочтительно, заучивая наизусть. Таким образом, они исключают оскорбительные сектантские слова, такие как Гои (множественное число *Goyim*), нечестивые, забывшие Бога, то есть язычники в целом, включая христиан и мусульман; Миним, или евреи-караимы; Кутхим, самаритяне; Нахрим, чужеземцы или неверные, соответствующие арабскому кафирин или турецкому гяур; и Ндойим, или Месумедим, по-арабски Махрумин или Муртаддин, отлученный от церкви. И очевидно, что у них были веские причины для такой осторожности; Седер Адархут, например, перечисляет с целью опровержения их многие отвратительные преступления, приписываемые евреям.

Самый важный и действенный догмат современной еврейской веры заключается в том, что гер, или чужак, фактически все те, кто не принадлежит к их религии, являются грубыми животными, имеющими не больше прав, чем местная фауна. Так, в книге Лусио Феррариса (*Prompta Bibliotheca*, том III., подзаголовок. E and H, Order 4, Tract 8) we read: “Præcipitur omnibus Judæis ut Christianes omnes loco brutorum habeant, nec aliter eos tractent quam bruta animalia.” Аргумент, из которого вытекает это отвратительное верование, по-видимому, следующий: “Когда Аврааму было приказано принести в жертву Исаака (Быт. xxii.), он оседлал своего осла и взял с собой двух своих юношей. Но когда он увидел место жертвоприношения,^[34] он сказал своим молодым людям: “Оставайтесь здесь с ослом; а я и юноша пойдем туда и поклонимся, и снова придем к вам “. ”Талмуд утверждает, что Авраам, который видел Бога, спросил своих слуг, поступали ли они так же; и когда они ответили отрицательно, он сказал своим молодым людям: “Оставайтесь здесь с ослом; и я, и я, и юноша пойдем туда и поклонимся, и вернемся к вам “. они сказали: “Оставайтесь здесь с ослом”, имея в виду, что они были такими же животными, как осел. Но это ни в коем случае не противоречит доктрине Священного Писания; например, Иеремия (х. 8) называет приверженцев ложной религии “совершенно грубыми и глупыми”. Таким образом, Закон и Пророки принадлежат исключительно евреям; нееврей, читающий или даже покупающий экземпляр, должен быть предан смерти. Все книги других вероисповеданий должны быть сожжены, даже если они содержат имя Иеговы; и если кто-либо, кроме еврея, напишет имя Бога в Библии, которая не является еврейской рукописью, этот том также должен быть сожжен.

Еврей, который не соблюдает субботу^[35] согласно раввинскому закону, должен подвергнуться иссечению, быть забит камнями до смерти или подвергнуться порке за неповиновение, то есть его нужно “бить до тех пор, пока не выйдет его душа”, как и всех тех, кто нарушает утвердительные заповеди. Некоторые раввины считают, что еврей, услышав звук трубы, должен стоять или сидеть в одном и том же положении до вечера Святого дня. Еврею категорически запрещена любая работа: он считается виновным в совершении тяжкого преступления, если носит с собой табакерку или носовой платок; он не может ни разжигать огонь для приготовления пищи, ни тушить его, чтобы предотвратить пожар в своем доме. До времен Маккавеев он не мог защитить свою жизнь от врага; и когда Страбон сообщает нам, что Помпей (63 г. до н.э.) штурмовал Иерусалим, “дождавшись дня поста, в который евреи имели обыкновение воздерживаться от всякой работы”, он, очевидно, имеет в виду субботу. Современный еврей в Сирии и Палестине может пройти в субботу всего две тысячи шагов, за исключением тех случаев, когда путешествует по опасной пустыне.^[36] В этот день он не получит денег и не совершит никакого дела, каким бы прибыльным оно ни было; более того, сейчас принято сохранять серьезное выражение лица и говорить как можно меньше. Тем не

менее, он не самый строгий из соблюдающих субботу, и его женщинам скорее нравится, когда их вызывают в перерывах между богослужениями[37], чтобы продемонстрировать свои платья и украшения. Конечно, существует множество “уловок”, технически так называемых, для того, чтобы избежать ограничений, отдающих духом унижения, свойственным Устному закону, который является немногим большим, чем раввинский уголовный кодекс, предназначенный для воспитания и обеспечения аристократии ученых. Например, большинство богатых семей, забывая, что тот, кто нанимает человека для убийства третьего лица, на самом деле является *the* убийцей, обычно держат слуг-мусульман, которые могут варить кофе и подавать трубки друзьям-язычникам. И последние ни в коем случае не должны присоединяться к празднованию этого дня. Согласно Талмуду (глава iv, Синедрион четвертого раздела мишны, или орденский седеф Незикин), язычник, освящающий субботу, должен быть предан смерти, не задавая вопросов, как сказал ему Господь: “Ты не будешь отдыхать ни днем, ни ночью”.[38]

Устный Закон превосходит по достоинству все остальные.[39] В *Prompta Bibliotheca* мы находим (стр. 297, Порядок 4, Трактат 4, раздел 10): “Gravius plectendos esse qui contradicunt verbis Scribarum quam verbis Mosaicæ Legis, quibus qui contradixerit, morte moriatur”. И он должен умереть от порки за неповиновение, раввинской практики, совершенно неизвестной Пятикнижию, которая предписывала сорок ударов плетью, тогда как в Новом Устроении преступника должны пороть без перерыва, пока он не испустит дух. Таким образом, книжники и фарисеи все еще сидят на месте Моисея. Современный еврей следует символу веры Маймонида (двенадцатый век), который содержит тринадцать основополагающих статей, последней из которых является воскрешение мертвых. Древний еврей соблюдал Двенадцать Заповедей, ни словом не обмолвившись о воскресении. Прозелит, желающий спастись, должен стать ноахитом и соблюдать Семь заповедей, предписанных ноахидам; Хахам Абу-ль Афия дал их следующим образом:

1. Ты не должен поклоняться планетам, звездам или идолам.
2. Ты не должен прелюбодействовать.
3. Ты не должен убивать (человека).
4. Ты не должен красть.[40]
5. Не ешь на улице мясо ягненка.
6. Ты не должен кастрировать сыновей Авраама, человечество или любое другое животное.
7. Ты не должен присоединяться к нескольким расам животных.[41]

Правильнее говоря, этот кодекс, данный ноахидам, или ноахитам, предписывает им воздерживаться от Семи смертных грехов: (1) идолопоклонства; (2) непочтительности к Богу; (3) человекоубийства; (4) грабежа, мошенничества и разбоя — как правило, не только единоверца; (5) прелюбодеяния; (6) неповиновения и дурного правления; и (7) поедания части еще живого животного или крови умершего. Последний был добавлен (Быт. ix. 4) к Шести Грехам, запрещенным Адаму, а именно: идолопоклонству, богохульству, пролитию крови, кровосмешению, грабежу и несправедливости.

Но временно пребывающий прозелит[42] получает скудное утешение, поскольку его могут не принять, когда Юбилей не может быть соблюден (Хилхоф Иссур Бия, xiv. 7, 8); и это прекратилось после того, как Рувим, Гад и Полманассия были уведены в плен, или в 884 году до

н.э., согласно общепринятой хронологии. Прибавьте к этому 1873 года, и мы получим 2757 лет с момента последнего праздника подобного рода, и у нас будет двадцать семь с половиной столетий с тех пор, как язычники были обращены из заблуждений идолопоклонства в религию сынов Ноя.

Те, кто нарушает какую-либо из Заповедей, нарушают их все.^[43] Имущество язычников, которые не соответствовали кодексу Ноаха, то есть всех ныне живущих, является законным для евреев. Это право было впервые предоставлено Иеговой во время Исхода из Египта, и оно было подтверждено потомкам странников Талмудом (Баба Масия, или Средние врата, вторые четвертого порядка, и Абода Зара, восьмые того же порядка).

Раввинская религия свирепствует на кухне. Кровь сначала была запрещена Ноем (Быт. ix. 4), а затем всем сыновьям Авраама (Лев. iii. 17 и vi. 30) — поскольку предполагалось, что оно содержит жизненный принцип, которого в нем нет, — должно быть извлечено из мяса, прежде чем его можно будет употреблять в пищу. Обычно его размачивают в воде в течение тридцати минут и оставляют в соли на час. Затем его вынимают и снова промывают, для этого используются специальная деревянная бадья и сито. В Марокко евреи также растирают мякоть до тех пор, пока не разорвутся волокна, и таким образом она становится более нежной и менее пригодной для хранения — это, однако, местная практика, неизвестная евреям в других местах. Талмуд провозглашает, что есть два вида крови, угодных Господу, а именно: viz. (1) о пасхальном холокосте; (2) об обрезании. В книгах Моисея мы находим, что кровь используется как очистительное средство. Например, Законодатель (Исх. xxiv. 6-8) взял половину крови, выпитой из жертв, и налил ее в тазы, которыми он окропил народ, чтобы очистить их от мерзостей египтян, а другой половиной он окропил жертвенник. Человеческая кровь не используется нами в чистом виде; мы также не можем^[44] называть ее человеческой, ибо язычники - всего лишь паразиты, и об их дочерях сказано: “Проклят тот, кто ляжет с каким-либо животным”. Она также должна в основном претерпевать манипуляции с изменением сущности.^[45] Также не применяется без разбора, а только к самым рьяным. Накануне Пасхи главный писец заходит в печь и замешивает все, что ему заблагорассудится, для лепешек, которые затем рассылаются по кругу прихожанам.

Еврей, оставляющий веру Израиля, должен умереть смертной казнью; также он должен быть непременно убит за все такие нарушения Закона, как прелюбодеяние. Все, кто признает учение о Троице, будь то еврейские извращения, христиане, мусульмане или язычники; все евреи, нарушившие тайны синагоги;^[46] и все те, особенно кто выступает против единоверца или причиняет ему вред, поплатились жизнью. В наши дни несовершеннолетних правонарушителей обычно отлучают от церкви;^[47] но те, кто были информаторами или проявили враждебность к Израилю, должны быть убиты любым способом, либо самими евреями, либо, что еще лучше, через местные власти. Это неизменное правило.^[48]

Мы читаем в трактате Синедриона (четвертый из четвертого порядка, стр. 58), что нееврей, ударивший еврея, совершил тяжкое преступление; это постановление так же старо, как пребывание Моисея в Египте. Тот, кто бьет еврея, бьет Божество. “Сыновья Ноя” могут быть убиты по приговору одного раввина или на основании показаний единственного свидетеля, хотя последний и является родственником. Потомок евреев, которые, познав истинного Бога во дни Авраама, тем самым отделили себя от остального человечества и возвысились над ним, может

быть предан смерти только по решению двадцати раввинов и по свидетельству двух свидетелей. Нееврей лишается жизни, если по его вине погибает беременная еврейка или ее плод; еврей не должен быть наказан смертной казнью за такое преступление, но он должен заплатить за потерю ребенка (стр. 57). "Сын Ноя", который хулит Святое Имя, который совершил прелюбодеяние с единоверцем или убил его, перестает заслуживать смерти, становясь временно проживающим прозелитом; но нельзя допустить, чтобы он сбежал, если он убил еврея или если он совершил прелюбодеяние с еврейкой (стр. 71). Еврей не должен вступать в дружбу с язычниками, иначе, поскольку необходима клятва, он будет вынужден поклясться идолом (стр. 63). Он не может есть хлеб, приготовленный язычниками, опасаясь, что в результате возникнет неуместная близость. Рыночный хлеб можно купить и употреблять в пищу, но при условии, что он был приготовлен на продажу, а не для частного использования и затем продан - обычно перед употреблением такой хлеб немного обжигают. Еврей не может есть блюда, приготовленные неевреями, хотя посуда из еврейского дома использовалась в присутствии евреев - это распространяется даже на жареное яйцо.

Трактат "Абода Зара", на который мы ссылались ранее, утверждает (стр. 4), что все заповеди, соблюдаемые евреями^[49] будет дружеским и благоприятным свидетельством на небесах перед всеми собравшимися душами людей и перед смешением любой другой веры. Евреи, живущие вне четырех Святых Городов, такие же идолопоклонники, но без вины виноватые. Еврей, идущий на языческий брачный пир, ест нечистую пищу, хотя мясо приготовлено евреями и подается евреями в присутствии евреев; он даже совершает грех, если входит в дом в течение тридцати дней после предстоящей церемонии (стр. 8). Нееврейам следует, насколько это возможно, препятствовать приобретению недвижимого имущества. Не разрешается хорошо отзываться о нееврее, мужчине или женщине, и грехом является делать им подарки (стр. 20), приветствовать их или приближаться к ним; и еврей становится столь же церемониально нечистым, прикасаясь к чему-либо, к чему прикасались они, выпивая из одной чашки или спя под одной крышей, как если бы ел с ними. Евреи никогда не должны привязывать своих животных в местах, им не принадлежащих, по крайней мере, не запирая их, чтобы язычники не разграбили или не осквернили их. Язычники предпочитали иудейских зверей своим собственным женщинам, потому что зло вошло в Еву в тот день, когда змей (демон) прелюбодействовал с ней. Еврейка не может жить среди язычников, потому что, возможно, последние не считают прелюбодеяние грехом; еврей также должен остерегаться, опасаясь, что они убьют его, что они, вероятно, и сделают. Израиль был очищен от всех грехов на горе Синай; но потомки народов, которых там не было, сохранили свою порочность (стр. 22). Если путник-еврей встречает нееврея, вооруженного мечом (который носит слева), он должен пройти справа от него, и *наоборот*, если у незнакомца только посох, чтобы можно было схватить его за руку до того, как можно будет пустить в ход оружие; он также должен назвать отдаленное место, когда его спросят о цели его путешествия, чтобы нееврей мог отложить убийство до тех пор, пока не станет слишком поздно (стр. 25).^[50] Чтобы лучше предотвратить всякую близость, еврей не должен покупать вино или уксус у язычника, который также, возможно, использовал их в языческих обрядах. Если христианин, мусульманин или идолопоклонник прикасается к чаше с вином, владелец-еврей должен выбросить вино или продать его язычникам и очистить чашу. То же самое происходит и с виноградом. Закон запрещает израильтянам жениться на дочерях Семи колен, владевших этой землей до завоевания, а именно хеттов, гиргашитов, аморреев, хананеев, ферезеев, евеев и иевусеев. Это, говорят авторы и комментаторы Талмуда, возникло из-за того, что эти женщины были нечистыми с детства. Другие, однако, включая всех

язычников в эти Семь Колен, утверждают, что запрет был наложен не из-за какой-либо особой нечистоты, поскольку такие женщины были паразитами или грубыми животными, не подверженными обычным женским немощам. Таким образом, ученые сдерживают своих более слабых собратьев, которые могли бы предположить, что нечистая язычница чиста для них, и которые могли бы даже распространить это на еврейку. Отсюда снова вывод, что только евреи являются людьми (стр. 35).^[51]

Трактат Арубим (второй по порядку Седер Моэд, "Назначенные сезоны") провозглашает (стр. 62), что если еврей живет под одной крышей с неевреем, нарушающим субботу,^[52] первому, чтобы его не ограбили, следует выгнать последнего, наняв весь дом. Но он может изгонять язычников, как он может или как ему заблагорассудится; все многоквартирные дома, в которых живут другие люди, кроме евреев, - это логова зверей, которые не могут стать домовладельцами. "Сын Ноя", который украдет хотя бы фартинг, должен быть предан смерти — одна из десяти заповедей, данных Богом в Его завете с Ноем, — и он не может быть помилован, пока не вернет украденное. Но Бог предписал это возмещение только язычникам, ставшим израильтянами (*т.е.* Временно проживающим прозелитам); все остальные воры должны быть немедленно и безжалостно убиты.

В трактате Охалет (втором по шестому порядку, называемом Седер Тахарот, или Очищение) мы читаем (§ 6), что могилы язычников нельзя считать нечистыми, потому что в них не живут люди, и что когда закон объявляет нахождение на могилах причиной осквернения, это относится только к могилам евреев. Глава Баба Батра (третий трактат четвертого порядка) провозглашает (§ i, стр. 10, также повторяется в другой части того же трактата), что вся милостыня, подаваемая евреями, приемлема для Бога, тогда как милостыня язычников - это такой большой грех, потому что их целью является хвастовство и сохранение своих детей. Однако, если еврей заявляет, что его милостыня предназначена для спасения его семьи и завоевания Рая, он все равно благодарен Иегове — привилегия, разрешенная только детям Израиля. В том же трактате нам также сообщается, что Исав, сын Исаака, согрешил пять раз за один день, совершив прелюбодеяние с язычницей, убив своего ближнего, осквернив имя своего Бога, оскорбив воскресение мертвых при пришествии Мессии, и унизив права первородства.^[53] Раввин Шаломон утверждает, что из того факта, что Измаил смеялся при рождении своего брата Исаака, Сара сделала вывод, что либо он считал ее прелюбодейкой, либо она видела, как он совершил убийство; таким образом, он делает вывод, что Измаил нарушил Семь заповедей, и что, следовательно, его потомки не могут свидетельствовать против евреев (стр. 16).

Трактат Бехорот (о Первородстве, четвертый из пятого порядка, Седер Кодашим, о Святынях) дает (i. 17) формулу молитв книжников и говорит нам, что есть две вещи, которые мешают людям соблюдать закон Божий — действие демонов и зависимость от язычников. Господь объясняет ангелам, что ростовщичество дозволено только евреям, которым, получив приказ благодарить после еды, они восхваляют своего Творца, даже если съели только яйцо или оливку (стр. 20). Еврей не может молиться перед обнаженным язычником, хотя последний относится к категории диких зверей (стр. 25). В этом трактате рассказывается, что еврей, избитый Писцом, уличенным в прелюбодеянии с египтянкой, пожаловался правителю-язычнику на то, что закон перешел в частные руки. Писец заявил, что он застал преступника врасплох с помощью ослицы, и призвал пророка Илию в свидетели. "Почему ты не убил его?" - спросил судья. Ответ состоял в том, что, поскольку дети Израиля были изгнаны из своей собственной страны, такое наказание не может быть назначено ими самими, но судья может поступать так, как ему заблагорассудится. Когда

оба покинули суд, еврей обвинил Писца в том, что он вызвал Илию в качестве свидетеля лжи. “Негодяй!” воскликнул ученый муж. - и разве они не то же самое, что ослы?” Но когда еврей собирался вернуться и сообщить об этом объяснении, Писец убил его своим посохом (i, стр. 58). Следовательно, этот догмат является религиозной тайной, нарушение которой заслуживает смертной казни. Когда еврей смотрит на могилу брата-еврея, он должен сказать: “Благословен Тот, кто сотворил нас по закону, кто обещал воскресить нас снова по закону, и кто знает наше число; благословен Тот, кто воскрешает мертвых”. Но если это могила язычника, он должен сказать: “Позор твоей матери, проклята та, что родила тебя; ибо конец язычников будет сухим и опустошенным, как почва пустыни” (стр. 58). Это также объясняет землетрясения плачем Господа, который оплакивает страдания евреев (стр. 59). Если еврей найдет предмет, утерянный, скажем, мусульманином, он не должен его восстанавливать, даже если он знал владельца. Кроме того, если нееврей допустит какую-либо ошибку в расчетах с евреем или оставит имущество в его доме, последний, если не боится властей, должен ограбить его. На самом деле, еврей всегда должен как можно больше баловать нееврея. Если один еврей причинит вред другому, пусть даже своему личному врагу и величайшему злодею в мире, особенно если такой вред нанесен в интересах нееврея, еврей непременно умрет (глава 388 Халеха Ора Хаим Мешат, одной из наиболее авторитетных частей Устного закона). Все присутствующие обязаны предать доносчика смерти прежде, чем он успеет совершить свое дело; и если он это сделал, они должны удалить его из этого мира, и каждый израильтянин в этом месте внесет свой вклад, чтобы заплатить убийце. Клятва язычника или самаритянина не может быть использована в качестве доказательства против еврея. Если между двумя израильтянами возникает спор, они должны предстать перед своим собственным судьей.^[54] Грешно обращаться к иностранным судам, и все решения последних, неблагоприятные для евреев, должны быть отменены. Хотя языческий суд выносит приговор в соответствии с еврейским законом, истец или обвинитель становится нечестивым, приносящим в жертву законность и религиозно отлученным от церкви, в то время как раввин обязан заставить его проиграть свое дело всеми возможными уловками, даже подкупом лжесвидетелей против него. И, наконец, должно быть назначено должное наказание. Последнее не является библейским повелением, но оно вытекает из комментариев к Талмудам. Когда были написаны эти работы, мусульманства еще не существовало; следовательно, мусульмане теперь причислены к язычникам. Однако они не похожи на христианских идолопоклонников.

В трактате "Керитот" (или “Вырезание”, седьмой из пятого порядка, Кодашим) ученый Р. Моше Меймуна после описания боя между двумя быками,^[55] один принадлежит еврею, а другой египтянину, заявляет (стр. 36), что в случае спора между людьми этих разных рас еврейский, если в своем праве, должен пойти к местному органу власти и сказать: "Смотрите, таков Закон!" Но он не должен этого делать, если предпочитает еврейский трибунал. Раввин добавляет, что никто не должен удивляться такому состоянию, ибо все, кто не соблюдает богооткровенные заповеди, - не люди, а существа, единственная цель которых на земле - служить людям. Трактат Муад Катона ("Малый праздник", одиннадцатый из второго порядка) запрещает евреям приветствовать неевреев, если только они не боятся их, да и то никогда дважды. Когда автору было замечено, что многие переписчики поступали так же, он ответил, что, несомненно, это было с какой-то мысленной оговоркой вроде этой: “Я приветствую тебя, А., сын Б.”, имея в виду раввина, который научил говорящего читать Священные Писания (стр. 62). Эль Рузич в своих комментариях к талмудическому трактату "Абода Зара", говоря о еврейских обвинителях евреев

и пожирателях мяса, не умерщвленных церемониально, заявляет, что их смерть была необходимостью.

На этом этапе, возможно, было бы целесообразно дать краткий обзор двух великих школ Святой Земли, которые оказали влияние на еврейскую мысль в христианские времена. Это, во-первых, школа в Твери, откуда вышел Иерусалимский талмуд, за которым последовал Талмуд Вавилонский; и, во-вторых, школа в Цфате, которая отличалась крайними мнениями в своих комментариях и глоссариях.[56]

Мы читаем у еврейского писателя (М. Дж. Козн о авторитете Талмуда, *Архивы Израэлитов*, 1841)[57]: “Когда после двухсот лет энергичной борьбы против империи, которой суждено было стать универсальной, еврейская раса обнаружила, что ее политическая национальность в опасности, первым желанием было облегчить, насколько это возможно, жизнь ". возможно, узы личности, чтобы морально сохранить идентичность веры то единство, которое рассеяние вот-вот должно было распасться. И план, который сразу же напрашивался сам собой, состоял в том, чтобы определить неизменным методом принципы Моисеева Закона, развить их смысл и зафиксировать их толкование.

Но в те времена, если можно так выразиться, свет Израиля померк; прошли века с тех пор, как голоса пророков донесли до этого народа Божьи Оракулы; и божественное вдохновение, возвышение национальных способностей сверхъестественными средствами, казалось, вернулось в свой дом на небесах. Более того, после разрушения Иерусалима и изгнания евреев вместе с национальной властью исчезла всякая власть, и, поскольку социальной организации больше не существовало, человек не мог властно навязывать свое мнение другим. Единственным рациональным шагом при таком положении вещей было собрать всех израильтян или тех, кто их представлял, и сформировать суверенный синод”.

Еврейский сенат, Синедрион ([греч. Συνεδριον: Синедрион]),[58] или национальный совет, сначала был перенесен из руин Святого города в Явне, а после многих перемещений - в Саффурию,[59] Сефоры, которые во времена Иосифа Флавия всегда были верны римлянам. Наконец, примерно в середине второго века, во время правления Антонина Пия (138-161 гг. н.э.), он был перенесен в Тверию, другой город Галилеи. Раввин Яхуда, повсеместно известный как ха-Кодеш, или святой, был "Нашими" (принцем) своего народа и председателем Синедриона. Он жил в Саффурии, где есть пещера, через которую римский император, о правлении которого в истории почти ничего не известно, приезжал к нему из Твери; сейчас этот туннель завален. Современные евреи, проживающие в Галилее, расходятся во мнениях, умер ли великий раввин в Саффурии или в Туреане, соседней деревне, где есть две большие пещеры; но ни в одной из них нет следов могилы. Когда этот князь Израиля умер, был вечер пятницы, и солнце стояло неподвижно, пока его труп несли к отдаленной могиле, чтобы даже тело не могло нарушить субботу.[60]

“Работа этого Синедриона заключалась в том, чтобы зафиксировать на бумаге то, что прежде было доверено памяти и увековечивалось традицией — юриспруденцию евреев, различные толкования Закона главными учителями и правила долга человека; другими словами, все то, что называлось Устным Законом. Таким образом, Синод начал с нарушения принципа израэлитизма, который до тех пор предписывал, что дополнительный кодекс никогда не должен

быть написан, и отсюда, собственно, его вульгарное название. В этом пункте Вселенский собор последовал примеру Адриана (117-138 гг. н.э.), приемного отца Антонина Пия, который также приказал юристу Сальвию Юлиану составить *Вечный эдикт*, или фиксированный кодекс, и *Responsa Prudentium*, которые до него сформировали неписаный свод доктрин, воплощающий юридические решения и прецеденты. Книга, составленная Р. Яхудой при поддержке еврейского большинства, получила название Мишна, что означает 'удвоение', или повторение Закона, и ее принципы стали обязательными для всех людей". Великая работа была завершена, по мнению некоторых, около 119 г. н.э.; Дэвид Ганц предпочитает 219 г. н.э., или незадолго до смерти составителя; в то время как другие утверждают, что Р. Яхуда собрал принципы кодекса и что нация приняла его по приказу Гамалиила, его сына и преемника в княжеском достоинстве *Наших* и председательства в Синедриионе;^[61] " и другие снова указывают на еще более позднюю дату. Во всяком случае, это самое древнее сочинение, известное евреям после Закона и Пророков".

Почти незаметно примечания и комментарии к этому тексту выросли до огромных размеров и превратились в особую науку, техническое название которой содержится в Книге Паралипоменон (2 xiii. 22 и xxiv. 27) - мидраш, от дараш; по-арабски дарс - урок. Из бесчисленных методов изучения этих Священных Писаний три основных воплощены в персидском *Paradis*, арабском *Firdaus* и греческом [греческий: παραδεισος: *Paradeisos*], написанных по-семитски без гласных PRDS, а таинственные буквы были мнемонически приняты за начало технического слова. Таким образом, Р (Пешат, простая передача слов) зафиксировал элементарный закон талмудической экзегезы: "Ни один стих Священного Писания практически не допускает никакого смысла, кроме буквального",^[62] хотя в другом или знакомом значении это может быть объяснено множеством способов. R (Ремиз, арабское *Ramz* - тайна, намек, инсинуация или намек на значение) иллюстрирует определенные буквы и знаки, которые кажутся излишними и объясняются только традицией; в более общем виде это привело к появлению *memoria technica* и стенографии, напоминающей римский *нотарикон*. Точки и примечания добавлялись на полях рукописей, и таким образом была основана Массора (традиция), или дипломатическое сохранение текста, направленное на сохранение его чистоты. D (Деруш, иллюстрация) было привычным применением исторических, традиционных, анекдотических, аллегорических и пророческих высказываний к реальному положению дел; это была проповедь, подкрепленная этикой, логикой, поэзией, притчей, пословицей, апологией и обширной массой легендарных знаний, известных как Агада (множественное число Агадот), в отличие от Галаки,^[63] или догматическая часть — возможно, это было предложено Новым Заветом. Наконец, четвертое и последнее, S (*Sod*, тайна, *mystery*), включало мистические и эзотерические науки теософию, метафизику, ангелологию и множество сверхъестественных видений, блестящих и фантастических. Она беспристрастно заимствована из египетской магии, мифов Гермеса Трисмегиста, трудов платоников и неоплатоников, а также трудов христианских гностиков. Немногие были посвящены в "Сотворение Мира", или "Колесницу", как это называлось, ссылаясь на видение Иезекииля; однако его привлекательность была такова, что в конце концов "Рай" был ограничен этой особой ветвью эзотерической науки, даже когда позже в гностицизме оно стало обозначать Духовного Христа.

Тем не менее, авторы Талмуда устанавливают принцип, согласно которому их решения ни в коей мере не являются абсолютными, но всегда могут быть изменены силой, равной той, которая их приняла.^[64] Их единственной целью было закрепить смысл и нормы Письменного права; ибо, как говорит Моисей де Куси в своей *Книге заповедей*: "Если бы толкование Устного Закона не

было добавлено к Письменному закону, весь кодекс был бы неясным и невразумительным, потому что Священное Писание полно отрывков, которые кажутся противопоставлять и противоречить друг другу". Рамбани Маймонид из Кордовы заявляет (Введение к его *Руководству*, Т. I., стр. 29): "Таким образом, мы находим, что в Талмуде постоянно написано: "Начало главы отличается от конца"; и дается объяснение, "Потому что первая часть написана таким-то врачом, а последняя - другим". Более того, мы читаем: "Раввин Яхуда Святой одобрил мнение этого врача в том случае и просто записывает мнения этого врача в этом случае, даже не называя его имени". Также часто встречаются следующие формулы: "Кому принадлежит это анонимное утверждение?" Р. "А. Б., врачу!" и "Кому принадлежит наш параграф Мишны?" Р. "Такому-то человеку!"

Вернемся к истории Талмуда.

Через несколько лет после публикации Мишны в третьем веке (230-270 гг. н.э.) Р. Йоханан, который в течение восьмидесяти лет был президентом Синедриона, предпринял комментарий к тексту, подобный Шарху, который сопровождает арабский Мату. Говорят, с помощью Раба и Самуила, учеников Гамалиила, сына Р. Яхуды, он создал около 390 г. н.э. книгу, которая, объединившись с Мишнайот, получила название Талмуд (учение или ученость) Иерусалима, хотя и была написана в Тиверии. Продукт школ Палестины, он был составлен на западноарамейском языке; и он называет мишнический текст простым именем галака (правило), или догматическая часть. Тивериадская школа процветала, по-видимому, во времена святого Иеронима и канула в лету в течение четвертого и начала пятого веков.

В 367 году н.э. Асхи, председатель Вавилонского синедриона, преподавая Мишну, ежегодно комментировал два отрывка этого труда, которые, будучи краткими и как бы аксиоматичными, как и все книги, провозглашающие законодательные принципы, требовали объяснения точного намерения автора. Ему помогли мнения многих врачей, опущенных в Мишне, либо тех, кто умер до того, как Р. Яхуда Святой завершил свои труды, либо многих, кто последовал за ним в последующие годы. Чтобы его знания не были потеряны для мира, он составил и переписал тридцать пять трактатов и умер в 427 году н.э. Его сын Мар и Маримон, его ученик, продолжили работу, и через семьдесят три года появилась Гемара, дополнение или заключение. Она была написана на восточноарамейском языке и соответствует Хашейе арабских стандартных произведений.

Мишна и Гемара, ныне составляющие единый кодекс, вошли в историю как Талмуд Бабли (Вавилонский); и когда упоминается *the* Талмуд, всегда имеется в виду второе произведение, более полное и детализированное.^[65] В настоящее время талмудисты разделились на две великие и соперничающие школы в дохристианские времена: школа Гиллеля,^[66] замечательный своей ученостью, своим смирением и его благотворительность, простирающаяся даже до запрета ростовщичества (Трактат Баба Мецин, лист 17^b); и Шаммая, непреклонного в принципах и часто склонного к суровости.

Оба этих объемных сочинения, по сути, представляют собой *свод законов*, который следует сравнивать с *Вечным Эдиктом* и *Ответом Прудентуума*, с *Пандектами*, *Новеллами*,^[67] и *Институтами*. Они образуют энциклопедию иудейского права, божественного и человеческого, национального и международного, светского и церковного, гражданского и уголовного; доктринальный, судебный и сентенциальный сборник, посвященный экзегезе и герменевтике; огромную подборку того, что мусульманские богословы называют фетвой, или

решениями по правовым вопросам; и тезаурус церемониальных обрядов, заимствованных из Устного закона и традиций руководителей школ, начиная с раввина Гамалиэля.[68] Написанные на Востоке, этой классической стране сверхъестественного, они изобилуют агадистскими сюжетами, дикими и живописными легендами, иногда преподающими моральные уроки, такими как четыре ночных призрака Лилит, Наама, Агуэрит и Махала,[69] в других случаях это ребяческие истории о великих ангелах Пацпации, Ташбахе, Хадарниэле, Энкатаме, Пастаме, Сандалфоне, Шамсиэле и Прасте. Его историческая, топографическая, этнографическая и географическая информация должна быть получена с наибольшей осторожностью, поскольку исходит от авторов разного возраста и различных ценностей. Например, Гемара (Синедрион, vi. 2) сообщает нам, что наш Господь, тщетно пытавшийся в течение сорока дней найти защитника, был приговорен, а 14 Нисана был побит камнями, а затем повешен. Это кладезь любопытных намеков на продукты различных стран, занятия рас, сельское хозяйство, садоводство, профессии и ремесла, искусства и науки, супружеские отношения, манеры и обычаи, интерьеры домов и даже одежду. Она изображает космополитизм и роскошь Рима поздних времен, тем самым дополняя несколько скудные наброски постклассической школы. В Мишне мы находим упоминания о рыбе Испании, яблоках Крита, сыре Вифинии, зите,[70] чечевица и бобы Египта, лимоны Греции, вина Италии, пиво Мидии, одежда Индии и Пелусия, рубашки Киликии и покрывала Аравии.

“В возрасте пяти лет, ” говорится в Мишне, “ пусть ребенок начинает изучать Священные Писания; пусть он продолжает это делать до десяти лет, когда он может начать изучать Мишну; в возрасте пятнадцати лет пусть он начинает Гемару” (Т. Абот, глава v.). Этот отрывок в “обширной работе или океане познания”, как некоторые называют его, не мог не вызвать отвращения у христианства. Тон, которым принято говорить о Всемогущем, до крайности антропоморфен и антропоцентричен.[71] Бог тратит четвертую часть дня на изучение Закона. Каждую ночную стражу Он сидит и рычит, как лев, говоря: “Горе Мне, что Я опустошил Свой дом и сжег Свое святилище, и отправил Моих детей в плен к народам мира” (Берахоф). Каждый день он по три часа играет с левиафаном. И имейте в виду, что в трудах раввинов есть гораздо более нежелательные изображения, чем эти. Это больше, чем любая известная вера, упивается деградацией женщин; раввинский суд объявляет женщин “лишенными Законом права давать показания”; Талмуд исключает их из публичного поклонения Богу и учит, что они не обязаны изучать явленную волю своего Создателя, — доктрины, особенно антипатичные тем, кто верит в Непорочную Деву и в Святую Марию Магдалину. Более того, большое место, отведенное проклятию евреев и неевреев, а также неосвященным практикам магии и некромантии, вызыванию дьяволов и духов и беседам с ними, пропаганде астрологии, чар и приворотов, послужило предлогом для папы и инквизиции напасть на это. В 553 году Юстиниан запретил его в Новелле 146 как “сплетение ребячества, басен, беззакония, оскорблений, проклятий, ересей и богохульств”; оно было уничтожено Григорием IX. в 1230 году н.э.; он был сожжен в Париже Иннокентием IV. (1244 г. н.э.); и он был запрещен Климентом IV., Гонорием[72] IV., и Иоанном XXII. Первое печатное издание (Венеция, 1520) сохранило его, и только после появления третьего (Базель, 1578) оно попало в поле зрения цензора.

В 1553 и 1555 годах Юлий III обнародовал прокламацию против того, что он гротескно назвал Талмудом Гульнарот; и это действие было повторено Павлом IV в 1559 году, Пием V в 1566 году и Климентом VIII в 1592 и 1599 годах.

Хорошо известный антиталмудический писатель заметил в 1836 году: “Обещанный немецкий перевод Талмуда, если он когда-либо будет завершен, должен без каких-либо обсуждений ниспровергнуть талмудизм. Его выставка на любом европейском языке - это самая фатальная атака, которая может быть нанесена его авторитету”. Это совершенно нефилософски; Книга Мормона, со всеми ее американизмами и внутренними доказательствами бесполезной подделки, подтверждает, а не уничтожает мормонизм. Мишна была переведена на латынь Суренхузиусом (Амстердам, три тома. 4^о) еще в 1698-1703 годах и на немецкий язык капелланом Дж. Дж. Раби (Onolzbach & Ansbach, с первой по шестую часть, 4^о) в 1760-1763 годах. Не зная иврита или арамейского, те, кто читает латынь, французский и итальянский языки, немецкий и английский, найдут в любой большой библиотеке — например, в Британском музее — перевод почти каждой части, и они могут быть уверены, что небольшой остаток, все еще непереведенный, не содержит ничего важного. Современный вердикт таков, что Талмуды представляют собой “пятнистый шар” и что они содержат два различных элемента — священный свет в истинном толковании слова Божьего и чисто человеческую тьму в ее безумии и немощи. Но это не подтверждает следующее утверждение *оПосвящении молодежи* (раввин Ашер): “Авторы Талмуда предписывают нам относиться к христианам как к нашим собственным братьям во всех социальных вопросах”.^[73]

Вторая великая раввинская школа возникла в Цфате, также городе Галилеи, недалеко от Тверии. Вениамин из Туделы (1163 г. н.э.) посетил гробницы Гиллеля и Шаммая, “близ Меруна, который называется Марон”, предположительно Бет-марон Талмуда; но он ничего не говорит о том, что евреи находились в Цфате, тогда крепости, удерживаемой тамплиерами. “Город, стоящий на холме” также игнорировался путешественниками следующих трехсот лет и появляется в истории только примерно в шестнадцатом веке.^[74] Затем он стал великим центром еврейской образованности — фактически еще одним Иерусалимом. Сыны Израилевы жили там в большом количестве, и у них был обширный хан, квадратная крепость со свинцовой крышей, где жили многие из них и в которой была прекрасная синагога. Помимо школ, в которых преподавались науки, они насчитали восемнадцать синагог, различавшихся по названиям нескольких народов, которые ими владели, таких как португальская, испанская, итальянская и другие. Типография, остатки которой сохранились в северо-восточной деревне Эйн-эль-Зейтун, выпустила множество томов, которые сейчас становятся чрезвычайно редкими из-за большого спроса среди европейских библиофилов. До сих пор сохранился Колледж (медресе) раввинов, представляющий собой двухарочный зал, в котором нет ни одной древней части, кроме восточной. Все остальное было сотрясено землетрясениями, которые, как предполагается, разрушают город с наступлением каждого Творческого отпуска. На кладбище под поселением находятся побеленные могилы Джозефа Каро, Шаломона Алкабеза и других известных людей.

Особая свирепость школы Цфата была результатом отчасти господства сынов Измаила, которое, каким бы мягким оно ни было, повсюду вызывает отвращение у детей Израиля.^[75] Если “Исав ненавидит Иакова из-за благословения, которым благословил его отец”, Иаков отвечает ненавистью по меньшей мере с таким же жаром, добавляя страха и презрения — он охотно, используя слова Раши, “изгладил бы Исава и его семья”. Но, несомненно, суровость и жестокость, которые отличали его врачей, должны быть объяснены природой этого места и его окрестностей. Расположенный на унылом и продуваемом всеми ветрами каменистом и бесплодном нагорье Верхней Галилеи, сотрясаемом землетрясениями и подверженном ужасным штормам, Цфат является одним из наименее благоустроенных мест во всей Сирии.

Климат здесь всегда суровый, вода жесткая и полна вызывающего запор известняка, земля холодная и бесплодная, а люди коварны и жестоки, как Симеон и Левий. Прожив здесь несколько дней, незнакомцы жалуются на тошноту, судороги и недомогание, и их единственное желание - вырваться из мрака и уединения этого городка на склоне холма. Даже мусульмане противопоставляют непринужденные манеры своих женщин в мягкой и низменной Твери резкости и жестокости тех, кто населяет высокогорные поселения. “Сафад фасад” (Цфат всегда доставляет неприятности) - это звенящая пила по соседству, и в ней содержится много правды. Количество интриг и заговоров чрезмерно даже в сирийском поселении, обвинения, выдвигаемые мужчинами друг против друга, чудовищны— этот врач - убийца, тот писец - прелюбодей, а третий - мошенник и вор. Если бы посетитель поверил хотя бы половине того, что слышит, он оказался бы в логове разбойников. О том, что многие из этих обвинений основаны на фактах, можно судить по тому, что писали путешественники о некоторых сынах этого Святого Города, некоторые из которых слишком отвратительны для публикации. Богатых священнослужителей обвиняют в бесстыдном присвоении халуки, крупных сумм, присылаемых из Европы на содержание общины; а бедняки готовы жаловаться по самым ничтожным поводам — сломанная куриная ножка заставляет их спешно отправляться с официальным визитом к своим вице-консулам. Не будет преувеличением сказать, что если бы в Цфате снова возникла теологическая школа, она соперничала бы в своем узком фанатизме и особой жестокости с той, что опозорила шестнадцатый век.

Талмуд в последний раз высказался по поводу толкования Торы, он закрыл дискуссии, возникшие из священного текста, и исчерпал традиционные знания и правила, установленные раввинами Палестины и Вавилона до пятого века христианской эры. Тем не менее, сам Талмуд по прошествии веков требовал толкования, и это привело к появлению множества средневековых сокращений и обширной серии пояснений и комментариев. Более современные раввины особенно настаивали на том, чтобы никакая неопределенность не касалась галаки, или доктринальной части работы, и они строго следили за кодификацией всего тела Талмуда.

Приведу только самые известные имена. Мы должны начать с раввина Ишаза аль Фаси, который первым возобновил изучение Талмуда и у которого хватило смелости исключить из текста все, что не имеет прямого отношения к обсуждаемому вопросу. Затем появился знаменитый Маймонид Кордовский (1150 г. н.э.), чей “Яд ха-Хазака” (“Рука власти”) представляет собой сборник талмудических знаний, ценимый почти так же высоко, как оригинал. За ним последовал Ашери, могущественный диалектик, который знал, как согласовать с аргументацией Талмуда наблюдения тоссафистов, или глоссариев, представленных до и после него Раши, Раббену Там, Куси и множеством других. Ему наследовал его сын, предпринявший новую попытку кодификации, в которой мнения Ашери, естественно, занимали почетное место.

Примерно в это же время возникла школа в Цфате. Первым и величайшим комментатором был раввин по имени Рабану Якоб Бе-Раб, изгнанник из Испании, а впоследствии главный раввин Феса и Цфата, где после долгого преподавания он умер в 1541 году нашей эры. Этот Баал ха-Турим (Владыка Книг), как его называют, написал четыре произведения, которые, будучи рассмотренными в свете “религиозных законов”, были известны как Диним. Первый из Арба турим, Орах Чауин (Урах ха-Йиим, Образ жизни), рассказывает об обрядах, предписанных евреям. Вторая - Джоре Деах (Юрах даах, Учитель знания); в ней описываются церемониальные обряды разделки мяса, принятия пищи, принятия обетов, обрезания и так далее. Третий - Эбен

ха-Азар, Камень Помощи (человечеству). И в четвертой главе обсуждается Хошен Мишпат (Нагрудный знак суда), закон, гражданский и уголовный.

Школа этого комментатора была продолжена Моисеем из Трани в Апулии, который читал лекции в течение пятидесяти четырех лет до 1580 г. н.э., года своей смерти. Следующим известным именем был Р. Джозеф Каро, или Каро, еврей испанского происхождения, родившийся в Константинополе, умерший в 1575 году нашей эры. Он был объемным писателем. В "Шулхан Арух", религиозном кодексе, повсеместно принятом израильянами, он проанализировал и возобновил мнения своих предшественников. Его *главный труд* - "Бет Юсуф" ("Дом Иосифа") в четырех томах, впервые напечатанный в Венеции и неоднократно переиздававшийся; он состоит из комментариев к четырем динимам Рабану Якоба, к талмудическим трудам Р. Ишаза аль Фаси и к трудам раввина Якуба бен Роша, которого не следует путать с глоссарием Раши. Четвертое великое имя - Р. Шаломон Алкабез, также из Константинополя, писавший в 1529 году н.э. и все еще живший в 1561 году н.э. Этот богослов оставил за собой худшее имя среди христиан, которых он, кажется, ненавидел всем сердцем. Учеником и коллегой Каро и Алкабеза был Моисей Кордовский, самый известный каббалист со времен Симеона бен Йохая; он умер главным раввином Цфата в 1570 году нашей эры. Мозес Галанте, уроженец Рима, умер несколько позже, в 1618 году нашей эры. Но своей славой академия была обязана не только незнакомцам; Самуэль Осейда и Мозес Альшейх, оба уроженцы Цфата, внесли свой вклад в ее известность в шестнадцатом веке. Последний умер между 1592 и 1601 годами н.э.

Что касается средневековых раввинов и их преемников в целом, то можно заметить, что чем позже появлялась школа, тем более заметными становились ее фанатизм и насилие. Это легко объяснить. Анна Комнина^[76] описывает крестовые походы, которыми руководили великан и гусь, с истинно восточным смаком, как оставившие "очень восхитительный курган из костей, высокий, глубокий и широкий". Но они оставили нечто большее — традицию, которая в настоящее время позволила христианам восстановить власть в Святой Земле, а их отвращение к евреям внушило ему родственные чувства. Мы также не можем удивляться тому, что израильяне предпочитают более поздние и более фанатичные труды более ранним школам. Религиозная исключительность и стремление быть особенным народом, отделенным от остального человечества и возвышающимся над ним, вызывают к сердцу каждого человека через надежное русло его страстей. И таким образом, в самой молодой вере мира мы обнаруживаем то же явление, что и в одной из самых древних — в Солт-Лейк-Сити читают Книгу Учений и Заветов, в то время как Книгой Мормона пренебрегают.

Р. Якоб Бераб во второй части своей книги "Джоре Деах" (Yurah daah) утверждает, что незаконно вытаскивать нееврея из колодца, в который он, возможно, спустился или упал. Он также заявляет, что скрупулезный врач-еврей, полностью соблюдающий талмудические законы, не будет посещать нееврея без гонорара, потому что это будет его единственной наградой. Он может делать это безвозмездно, если хочет изучать медицину таким образом; но обычно он должен убивать таких пациентов, притворяясь, что вылечивает их. Это, однако, следует предпринимать только тогда, когда нет шансов на обнаружение. Р. Джозеф Каро из Цфата, один из самых язвительных представителей этой Школы, в своем комментарии к "Пути знания" позволяет врачу наносить дополнительный вред, называя плату язычников Кашмадом, то есть возмездием за грех - термин, применяемый к цене за честь женщины; и, говоря особенно о христианах, он заявляет, что если врач-еврей берет свою плату, не отравляя их, то это дар злой женщине. С другой стороны, если врач не желает получать плату, он должен непременно

отравить своего пациента. Он также запрещает врачу, который досконально не изучил искусство врачевания, посещать человека своей веры, чтобы его невежество не стало причиной смерти;^[77] но он может практиковать среди всех остальных, потому что если он убьет их, это законно и не имеет значения (комментарий Гиттина, шестой трактат третьего порядка). Другие заявляют, что врач-еврей не должен лечить незнакомого человека даже за плату; но если он боится нееврея, а последний знает, что он еврей, он может делать это за деньги. Рубби аргументирует этот вопрос ссылкой на "Гиттин", в котором говорится, что Р. Ричми бин Асхи приготовил дозу для незнакомого человека; он объясняет, что препарат, возможно, был введен в порядке эксперимента или с целью изучения.

Школа Цфата продолжала свою работу в семнадцатом веке, и Квазимус (пишущий о 1625 году н.э.) говорит о нем [Цфате] как населенном в основном евреями, у которых были свои синагоги и школы, и на чье пропитание делали взносы евреи из других частей мира. После этого он постепенно погрузился под гнет мусульман, которые, вероятно, постепенно заняли это место.

СНОСКИ:

[34] Гора Мориа (по внешнему виду), впоследствии место строительства Храма Соломона. Некоторые современные авторы, особенно мистер Миллс (*Наблус и самаритяне*), отождествили бы гору Гаризим в Сихеме с Мориа; но самое поверхностное рассмотрение расстояния, которое нужно преодолеть, и требуемого времени доказывает абсурдность этой теории.

[35] Этот институт даже отличал еврея от других цивилизованных народов древности, египтян и ассирийцев, индусов и гебров, греков и римлян, которые игнорировали его. Этой частью своей космогонии Моисей, очевидно, намеревался внушить людям достоинство труда и гигиеническую необходимость отдыха. Но раввины и Врачи все преувеличивают, и им еще предстоит, подобно вульгарному ивриту, усвоить, что Суббота была создана для человека, а не человек для субботы. Таргум Онкелоса (перевод доктора Этериджа. Лондон: Longmans, 1862) позволяет Творцу отдохнуть и освежиться во всех отношениях, подобно усталому человеческому существу. Доктор Маккол и множество авторов подробно остановились на возмутительных, варварских и бесчеловечных предписаниях о субботнем отдыхе, привитых талмудистами к Закону Моисея.

[36] Обычно продолжительность творческого отпуска оценивается в один мил (милю); но она варьируется в зависимости от обстоятельств, допустимые крайние значения варьируются от семи фарлонгов до двух миль. Вероятно, у древних евреев была более длинная и более короткая мера, в последнем темп составлял половину того, что было в первом; более длинная миля, равная 2000 шагам, = 5000 футов = 1666 ярдов, или 98^[78] на ярды короче английской меры, установленной законом, в то время как римская была на 142 ярда меньше нашей.

[37] Субботних служб во всем мире четыре, а именно: (1) Молитвы, прошения и благодарственные молебны в синагоге в пятницу после захода солнца; (2) субботние утренние молитвы, более поздние, чем обычно, чтобы люди могли подольше отдохнуть; (3) хафаторах, завершение утренней молитвы, чтение разделов Закона и Пророков; и (4) Ха—мусаф, или

дополнительные молитвы, состоящие из отрывков Пятикнижия, относящихся к жертвоприношениям Моисеева Периода, которые теперь уже не являются законными. Стиль кантилляции сложен, как чтение Корана, и его можно было бы назвать “неума”^[79] в средневековой музыке христианской церкви. А аннотация к песнопениям, которая приводится в каждом Ветхом Завете, сопряжена с множеством трудностей. Как правило, службы, наоборот, впечатляют. Они написаны на мертвом языке, “непонятном народу”; они произносятся с неподобающей поспешностью; и, как и в большинстве церемониальных религий, обилие внешних обрядов странно контрастирует с очевидным отсутствием религиозного чувства.

[38] “Язычник, служащий Закону, повинен в смерти. Он не должен заниматься ничем, кроме семи заповедей, которые принадлежат язычникам. И, таким образом, нееврей, соблюдающий субботу, пусть даже в один из будних дней, если он назначит ее для себя субботой, повинен в смерти”. И мера различия между неевреем и иудеем заключается в том, что, в то время как у первого семь заповедей, у второго шестьсот тринадцать.

[39] Таким образом, раввинское изречение гласит: “Каждый обязан разделить время своего изучения на три части— одну треть посвятить Писаному Закону, одну треть - Мишне и одну треть - Гемаре”. Таким образом, он отводит половину Ветхому Завету, в то время как двойное изучение отводится Устному Закону. Последнее, имеющее некоторые ощутимые черты сходства с традициями Римско-католической церкви и Суннатом мусульман, представляет собой неписанный кодекс, полученный Моисеем на горе Синай и передаваемый в неприкосновенности из уст в уста из поколения в поколение. До последнего разрушения Иерусалима это никогда не было зафиксировано в письменной форме (см. *Руководство по иудаизму*, Джошуа Ван Овен, эсквайр, M.R.C.S.L. Лондон, 1835). Она не вдохновляет никого, кроме евреев, и одним из ее злейших врагов был Основатель христианства, который, нападая на традицию, никогда не забывал отстаивать Закон. Можно было бы улыбнуться такому поразительному предположению, как эта легендарная система, при полном отсутствии исторических доказательств. Но всего несколько лет назад великий раввин Франции опубликовал ученую работу, доказывающую, что факты могут быть объяснены только сверхъестественными причинами. Кроме того, доктор Адлер, Главный ортодоксальный раввин Англии, объявил в проповеди, произнесенной всего несколько лет назад, что Писанные и Устные Законы одинаково божественны, и сравнил реформаторов с ложной матерью на суде Соломона. Все это заставляет нас сожалеть о полном исчезновении саддукеев, или рационалистической школы.

[40] [Четвертое, опущенное Бертоном, это “Tu non ruberai” согласно Хахаму.]

[41] Арубимы, или смеси, были запрещены Законом Моисея (Лев. хix. 19) и были значительно расширены Устным Законом, такие как прививка, посев различных видов семян в одну и ту же почву, ношение одежды из смеси шерсти и льна и так далее. Эта тема подробно рассматривается в девяти главах книги Килаим (“Разнородное, или То, что нельзя смешивать”), четвертого трактата первого порядка, Седер Зераим (“Порядок семян”).

[42] Тема обращения в веру среди древних евреев полна трудностей, и целью, по-видимому, в основном было обескураживание новообращенных, с четкой схемой на бумаге. Прозелиты Врат, обычно называемые герим, или чужеземцы (“пришелец, который в твоих воротах”) и, собственно, Ноахиды (сыновья Ноя), были израильтянами только наполовину. Прозелиты Завета, или Праведности, были совершенными израильтянами. Они все еще допускаются в качестве протестующих — мужчины путем обрезания и погружения в воду, а женщины только по

последнему обряду. Вопрос в том, насколько широко использовалось крещение в дохристианские времена, и, возможно, Иоанн Креститель просто перенял старый обряд для новой цели.

[43] Это опять же соответствует Писанию. “Доктрина Моисея заключается не в том, что повиновение одной заповеди компенсирует неповиновение другой, а в том, что неповиновение одной заповеди не приведет к повиновению другим”.

[44] [Так Бертон. Предполагается, что говорит еврейский писец.]

[45] Здесь переписчик ничего не объясняет сам. То, что он имеет в виду, - это предполагаемая система превращения крови в пепел.

[46] “Еретики, доносчики и эпикурейцы, отрицавшие Закон или воскресение мертвых, ... все такие спускаются в ад и будут осуждены навеки” (Рош ха-Шана, или Глава года, восьмой трактат второго порядка).

[47] Существуют три формы отлучения от церкви — (1) Нахри, или простое изгнание из синагоги; (2) изгнание, сопровождаемое анафемой; и (3) то же самое с Маранафой. Последнее состоит из двух сирийских слов, означающих “Господь придет”, *то есть* на суд.

[48] Отсюда, можно добавить, чрезмерная забота евреев о том, чтобы умиловить всех, имеющих власть.

[49] Принцип, который в руках арабов превратился в очень поэтичное видение. Добрые дела Мухаммеда в этой жизни, фактически его дела, встретят его в образе прекрасной женщины и приведут его по ужасному мосту Эль-Сират к Вратам Рая.

[50] Доктор Маккол (*Старые пути*, № 5) отмечает эти и другие меры предосторожности, которых так много в “Хилхот Ротсих”: “Какую трогательную картину евреев под языческим господством это представляет!” Нам скорее следовало бы спросить: “Какое поведение со стороны евреев должно было привести к такому обычному обращению со стороны тех, кого они заклеили именем идолопоклонников?”

[51] “Запрещено печь или стряпать в святой день, чтобы накормить язычников или собак; ибо сказано (Исход. xii. 16): ”Это можно делать только для вас". "Для вас", а не для язычников; "для вас", а не для собак" (Hilchoth Yom Tov., с. i. 10). Некоторые раввины заходят так далеко, что делают Ам ха-эритов (сыновей земли, *то есть* людей земли, подобных Семи коленам), или необразованных евреев, мерзостью, зверем, у которого можно разрезать ноздри, но который слишком никчем, чтобы его можно было убить (см. Д-р Маккол, *Старые пути*, стр. 6, 7).

[52] Ничто так не поражает гебраиста или того, кто долго жил среди евреев, как слышать, как необразованные христиане постоянно используют слово (Суббота), которое может означать только субботу, для обозначения воскресенья.

[53] Палестинский Таргум говорит (глава ххv.): “Он поклонялся странным богослужением, он проливал невинную кровь, он вошел в обрученную девицу, он отрекся от жизни в грядущем мире (нигде об этом не говорится в Законе), и он презрел свое право первородства”.

[54] Система Бет-дина (дома суда) поддерживается даже на Британских островах. Главного раввина зовут Раб или Аб Бет-дин, и он назначает двух своих даяним, или помощников. Его юрисдикция гражданская, социальная и религиозная; но его полномочия распространяются только на наложение штрафов и отлучение от церкви лиц, отказавшихся от причастия. В Дамаске юрисдикция гораздо более расширена. Здание находится на улице Писца, названной из вежливости раввином Якубом Пересом, и здесь вынашивается половина интриг в городе. Хорошо известный кагал российских евреев является подобным учреждением, не признанным правительством, но оказывающим огромную и пагубную власть над народом.

[55] Наши современные версии, в которых используется слово “ох” в таких местах, приводят к ошибке. Евреи не кастрировали свой скот, и точно так же их мулы и евнухи были импортированы из Египта и других мест. Ни в одной из популярных современных книг о быке на это не намекается; так, например, в статье “Бык” в *Кратком библейском словаре Смита*. И здесь можно отметить, что если бык убивал раба, владелец первого платил владельцу штраф в размере тридцати шекелей (Иосиф Флавий, *Ант. Иуд.*, IV. viii. 36); возможно, отсюда и сумма, предложенная и принятая Иудой в качестве стоимости купленного слуги.

[56] О других крупных центрах обучения см. *Иерусалим и Тверия; Сора и Кордова: обзор религиозного и схоластического образования евреев. Разработано как введение в изучение литературы на иврите*. Дж. У. Лонгмансом, магистром медицины (Лондон: Longmans). Любопытно видеть, насколько запущенной была школа в Цфате, которая наиболее ошибочно причисляется к школе в Тверии.

[57] Most of these remarks are taken from the Introduction to the *Traité des Berakhoth (Benedictions) du Talmud de Jérusalem et du Talmud de Babylone, traduit pour la première fois en Français par Moïse Schwab, attaché à la Bibliothèque Nationale* (Paris: Imprimerie Nationale, mdcccclxxi.).

[58] Это слово ясно показывает огромное влияние эллинского завоевания. Существовало две формы Синедриона — Большой, насчитывавший семьдесят одну душу; и Меньший, состоявший из двадцати трех. Оба состояли из трех категорий священников, левитов и простых израильтян. Большой совет заявлял и будет снова заявлять о своей высшей юрисдикции над королем, первосвященником, пророками и народом, и “удушение было способом казни любого ученого человека, восставшего против их слов” (Хилхот Мамрун, i. 2). Антиталмудические авторы решительно возражают против этой аристократии-высочки, когда Моисей (Втор. xvii.) назначил верховный совет, состоящий из “священников-левитов” (не из священников и левитов), вместе с судьей или главным гражданским губернатором; церковный элемент остался в семье Аарона, в то время как магистратура выпала на долю Иисуса Навина. Но когда они утверждают: “Это совершенно абсурдно, и если бы предмет не был таким серьезным, было бы смешно слышать, как раввинисты восклицают, что Закон Моисея неизменен, когда они сами изменили все его основные положения и создали совершенно новую религию”, еврей может справедливо возразить, что модификации Павла, доходящие до радикальных изменений, оказали такое же влияние на христианство.

[59] Согласно системе сэра Уильяма Джонса, это имя должно было бы писаться Саффурийе, а не, как это обычно делают путешественники, Саффурех или Саффурийе.

[60] Солнце часто останавливалось в истории; но часто ли историк понимал, что на самом деле означает неподвижное солнце? Как заметил Спиноза, “Даже в своих мечтах они никогда не

думали о пархелии”; и один из его редакторов цитирует французского барабанщика из Швейцарии: “Знайте, что я в мире! Ici on touche le soleil de la main!” В двенадцатом веке раввин Бенджамин из Туделы нашел могилу Рабену Хаккадоша (Р. Яхуда) недалеко от “Саффурие, Циппори древности”, и, очевидно, никогда не слышал легенду: “Они похоронены в горе, на которой также находится множество других гробниц”. В его дни в Тверии проживало всего пятьдесят евреев.

[61] См. Сернах Давид, Издание принцепса (Прага, 1592), fol. 43.

[62] Аналогичным образом мормоны “демонстративно осуждают тех, кто делает содержание Библии типичным, метафизическим или символическим, ”как будто Бог не был честен, когда говорил с человеком, или использовал слова не в их истинном понимании“, или мог ”кривить душой в двойном смысле “. Это возвращение к еврейскому образу мыслей не так уж и любопытно, и можно заметить, что каждая новая ветвь, пускаемая на древо "протестантизма", как его называют, неизменно все больше и больше возвращается к старому типу. Действительно, всякий раз, когда в наши дни мы слышим о рождении в мире новой “религии”, мы можем *априори* определить, что она в большей степени еврейская, чем ее предшественницы. И следы той же операции можно найти среди индуистских сикхов и мусульманских баби.

[63] Агада, от Hagah объявлять или описывать, изобретать или воображать, применяется к любой иллюстрации, исторической или сказочной. Халака, от халак - ходить, - это правило поведения, все, что предписывает особенности еврейской жизни.

[64] Смотрите Мишну, пятую часть, трактат Эдониот, i., §§ 5 и далее. Это справедливый ответ на множество противоречий и общее обвинение в непоследовательности, выдвигаемое авторами антитаалмуда против Устного Закона, и это позволяет современному раввину делать практически любые утверждения по спорным пунктам, какие ему заблагорассудятся. Таким образом, один найдет в Талмуде, что христиан следует предавать смерти, другой - что с ними следует обращаться как с братьями. Это, безусловно, очень удобно.

[65] До сих пор остается спорным вопрос о том, были ли два таргума (версии или переводы Пятикнижия) к Пятикнижию, приписываемые прозелиту Онкелосу, или Анкелосу, и еврею Джонатану бен Уззулу, написаны современными учениками раввинских школ Иерусалима в течение полувека до Рождества Христова, или были разработаны подобно Септуагинте вавилонскими матургеманинами (толкователями) четвертого века. Чем позже дата, тем лучше для учета таких грецизмов и латинизмов, как Ardiphene (Родафна, олеандр), Polimarkin ([греч. πολέμαρχος: Полемархос]), Sapuklatoría (Спекулянты) и Oktaraia (Octariones, военные совершенства). В иерусалимском таргуме мы читаем “банда сарацин”.

[66] *Ви де Гилель*, п.М. Великий раввин Тринель (1867).

[67] [*Новеллы или Новые конституции* были названы так потому, что по времени они предшествовали *Институтам* и другим сборникам римских императоров, особенно Юстиниана.]

[68] Раввин Гамалиил Старший процветал примерно в конце первого века. Некоторые предполагают, что он добавил девятнадцатую молитву к Шамуна Ашара, “восемнадцати”, составленным Эзрой и мужами Великой Конгрегации, которые до сих пор используются

британцами и другими евреями. Другие приписывают это рабби Самуилу Меньшему, ученику Гамалиила, в то время как другие относят это к еще более современному времени.

[69] Осмеянный миф был полностью подтвержден преподобным Джоном Миллсом (*Британские евреи*, стр. 409) и Н. М. Швабом (Введение, стр. ххviii). Последний писатель был бы ценен, если бы только мог быть беспристрастным. К сожалению, он пишет со всей враждебностью иврита (стр. ххviii и ххix) и немалой долей французских предрассудков (стр. ххvii). Это тем более прискорбно, что читающая публика будет полностью в его руках, и он сможет заставить Талмуд говорить все, что ему заблагорассудится.

[70] [это [греческое: ζυθος: *zythos*] или египетского пива, упомянутых Геродотом, второй. 77. Позже срок был продлен до *cerevisia* и других сортов пива из европейских народов; отсюда и устаревшее слово *zythepsary* ([греческий: ζυθος: *zythos*], и [по-гречески: εψω: *epsô*], чтобы вскипятить), своя пивоварня.]

[71] Здесь, однако, мы вряд ли можем считать виновным только Талмуд. Его антропатизмы - это просто преувеличения того, что встречается в книгах Моисея, когда Творец подвержен гневу, печали, раскаянию, ревности и другим низменным человеческим страстям. На самом деле, было бы трудно обнаружить в раввинских постановлениях что—либо, что не основано на тексте Моисея; они значительно дополнили Закон, что, как мне кажется, является их великим грехом в глазах христиан, и они во многих случаях довели это до абсурда - *corruptio optimi fit passima*.

[72] Этот папа в 1286 году н.э. написал архиепископу Кентерберийскому, призывая его остерегаться, чтобы кто-нибудь не прочитал книгу, из которой проистекает все зло. Папа Пий IV, санкционируя новое издание, прямо оговорил, что оно должно быть опубликовано без названия "Талмуд", которое, по-видимому, было своего рода шибболетом: "Si tamen prodierit sine nomine Talmud, tolerari deberet". Таков был ужас, который это внушило церковному разуму.

[73] *вердикт ad captandum vulgus*. Таким образом, оно модифицируется следующим предложением: "Все последние гавнимы [светила еврейского закона] согласны с тем, что христиане считаются нашими собственными братьями и не подпадают под термин Нахрим [чужаки]".

[74] Доктор Робинсон, *Библейские исследования в Палестине*, iii. 331.

[75] После второго изгнания тамплиеров султан Бибарс повторно заселил Цфат колонией из Дамаска, и местная традиция утверждает, что многие из них были курдами.

[76] [Императрица Константинополя.]

[77] Лечение еврейских больных, даже в эти дегенеративные дни, очень скрупулезно. Когда пациент явно умирает, ему нельзя давать ни капли лекарства или даже глоток воды, если только он сам не попросит об этом, чтобы такое действие не ускорило распад и не сделало дарителя виновным в смерти брата-еврея.

[78] [Так написано Бертоном, но должно быть 94.]

[79] [*neutes*, правильно дышащие (гр. [Греческий: πνευμα: *pneuma*]), т.е. Музыкальные обозначения, распространенные с восьмого по двенадцатый век, как предполагается

некоторыми, представляют древнюю *Nota Romana*, хотя другие считают, что они восточного происхождения.]

ГЛАВА V

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИИ На ВОСТОКЕ

Очевидно, что такое жестокое и мстительное учение, о котором рассказывалось в предыдущей главе, должно принести плоды в виде преступлений и зверств. Подобные деяния объясняют многое из того, что, по-видимому, было простыми результатами суеверий и жадности к наживе среди полуварварских народов. С древнейших времен и до наших дней, и не в одном месте, а во всем мире, ненависть евреев к неевреям была самой лютой. Те, кто с такой готовностью признают и осуждают мощные провокации, которые пробудили дух возмездия в сознании раввинов, должны в равной степени учитывать естественные чувства несчастных язычников, когда “Люди Синагоги” проявили свою злую волю. В пятом веке еврейская колония, которая, бежав из Сирии и Палестины после войн Тита и Адриана, обосновалась близ Ясриба (Медины), была достаточно могущественна, чтобы убить наместника Тоббаа, или химьяритского царя, и обратить в иудаизм Ду-наваса (480 г. н.э.), одного из последних представителей этой династии. Он получил титул “Владыка Огненной ямы”, сожгв заживо в траншее, наполненной горючими материалами, тысячи христиан Неджерана по наущению евреев. В более поздние времена “Люди Синагоги” сами навлекли на себя войну на уничтожение, оскорбив арабскую женщину, а после осады Хейбара они попытались отравить Мухаммеда. Согласно Евтихию, в 614 году галилейские евреи, присоединившись к персидской армии под командованием Хосрова II, устроили великую резню назарян. Когда Святой Город был захвачен, они по дешевке купили тех, кого захватили персы, особенно из греческого монастыря Мар-Саба, с единственной целью - разделить их. Даже в Абиссинии, когда фалаши, или черные прозелиты, основали могущественное королевство, эта квазиеврейская раса под руководством их короля Гидеона и королевы Юдифи была бичом для всех окружающих народов. Это лишь несколько примеров из множества, которыми можно было бы заполнить целый том. Абсурдно предполагать вместе с “либеральными” писателями девятнадцатого века, что целые колонии были изгнаны полуголыми из Англии и Франции, из Германии, Испании, Португалии и других христианских королевств; что общины были заключены в гетто и подвергнуты буйной и массовой резне; и что тысячи отдельных евреев и еврейчиц, стариков и детей были зажарены вместе с собаками на медленном огне, с них заживо сдирали кожу, пытали, расчленили и умерщвляли, как диких зверей, из-за простого безумия и невежества в отношении суеверий, из-за просто дьявольских действий. варварство, а также за мелкую монету или за требование более двух шиллингов в неделю в качестве процентов по двадцатишиллинговому займу.

Мы должны искать вескую причину, лежащую в основе этих ужасных актов мести; мы находим достаточный мотив в том факте, что рука еврея, подобно руке Измаила, всегда была направлена против любого человека, кроме тех, кто принадлежал к синагоге. Его свирепые страсти и дьявольская хитрость в сочетании с ненормальными способностями интеллекта, огромной

жизнестойкостью и целеустремленностью, которые мир редко видел, и, кроме того, обостренная жажда крови, порожденная поражением и подчинением, сделали его смертельным врагом всего человечества, в то время как его антиобщественный и незаконный Устный Закон способствовал разжиганию его дикой жажды наживы и оправданию преступлений, на которые наводили злоба и суеверия. Поскольку при нынешних просвещенных правительствах Запада евреи во многом утратили свою древнюю злобу и больше не совершают зверств Темных веков, Европа полна решимости верить, что эта раса неспособна и всегда была неспособна на подобные зверства. Этот вывод ни в коем случае не является логичным. Мы видели, как они даже сейчас повторяются в Святой Земле, и вскоре мы увидим, что они все еще неизвестны Западной Европе, Малой Азии и Персии.

И чего мы можем ожидать от системы, которая учит людей верить и действовать следующим образом?[80] “Традиция Талмуда гласит (Талмуд, Книга Баба Кама, глава Хаггозель): "если израильтянин и нееврей предстанут перед тобой на суд, если ты можешь отпустить грехи израильтянину в соответствии с еврейским законом, отпусти грехи ему и скажи: ‘Это наш способ судить’. Но если ты можешь отпустить ему грехи по языческому закону, отпусти их и скажи: ‘Это твой способ судить’. Но если нет, то они придут к нему с хитрыми уловками. Р. Сэмюэль говорит, что ошибка язычника также законна. Ибо, вот, Самуил купил кусок золота за четыре мелкие монеты и добавил еще одну (чтобы он мог уйти поскорее и не заметить обмана). Чахана купил сто двадцать бочонков вина по цене ста; он сказал: ‘Я уповаю на тебя’. Пока что это Талмуд. Из этих и подобных отрывков евреи делают вывод, что они могут и должны обманывать христиан и других людей, которые не являются евреями. Таким образом, также из других отрывков они делают вывод, что они могут и должны убивать христиан, следующий пример чего находится в книге Мехилта: Исход. xiv. 7, *И он взял шестьсот избранных колесниц и все колесницы Египта. У кого он их забрал?* Если вы говорите "от египтян", то разве уже не сказано в Исходе. ix. 6, *И вымер весь скот Египетский?* Если ты говоришь "Фараон", тогда возникает трудность; ибо уже сказано в ix. 3: *Вот, рука Господня будет на твоем скоте.* Но если вы говорите, что они были из израильтян, то уже сказано, х. 26, *Наш скот пойдет с нами.* От кого же тогда они были? Очевидно, что они, должно быть, были от тех, кто боялся слова Господня. Отсюда мы узнаем, что те из слуг фараона, которые боялись слова Господня, были камнем преткновения для Израиля, и поэтому Р. Симеон бен Йохай говорит: "Убей лучшего из язычников, а лучшего из змей порази в голову".[81] Пока что это Талмуд; и этим они хотят сказать, что как из змей особенно следует убивать того, кто является величайшим и лучшим в своем роде, так и с христианами следует поступать таким же образом. Для убийства христиан и сбрасывания их детей в ямы, и даже для убийства их, когда они могут сделать это тайно, они приводят аргумент из того, что сказано в книге "Абода Зара", глава "Эн Маамидин": "Что касается язычников и разбойников, а также тех, кто пасет мелкий скот, им нельзя ни помогать вылезать из колодца, ни бросать в него. Но еретики, доносчики и отступники должны быть брошены туда, но не нуждаться в помощи." В комментарии Раши говорится: "Еретики означают жрецов идолов; доносчики означают клеветников, которые предают богатство своих братьев в руки язычников". Р. Шешет говорит: "Если в яме есть ступенька, пусть он найдет оправдание и скажет, чтобы на него не напал злой зверь". Рабба и Р. Джозеф оба говорят: "Если на устье колодца лежит камень, он должен закрыть его и сказать: 'Я делаю это, чтобы звери могли пройти по нему'. Р. Нахман говорит: "Если на устье колодца лежит камень, он должен закрыть его и сказать: 'Я делаю это, чтобы звери могли пройти по нему". Если в колодце есть лестница,

он должен убрать ее и сказать: "Я хочу спустить моего сына с крыши". Пока что это Талмуд. Твое благоразумие, о читатель, может понять, что Талмуд, который так пагубно учит их лгать и убивать христиан, - это не закон Божий, а вымысел дьявола".

После прочтения таких чудовищных доктрин мы вряд ли можем удивляться тому, что история рассказывает нам о евреях, их преступлениях и вынесенных им приговорах. Например:

В 419 году н.э., согласно Сократу (*Eccles. Hist.*, Lib. VII., глава xvi.), некоторые евреи из Инместара, между Халкидой и Антиохией, в качестве пьяной забавы привязали христианского ребенка[82] на кресте и издевались над ним, и что, поторопившись в своем злодействе, они впоследствии били его, пока он не умер.

В 560 году н.э. еврея побили камнями за то, что он унес и осквернил изображение Спасителя. То же самое произошло в Одессе в 1871 году н.э., где евреев обвинили в краже образа "чудотворной мадонны Кутперовой".

Примерно в 787 году н.э. евреи Бейрута повторили это преступление. Результатом стало обращение почти всего их числа и освящение епископом их синагоги.

1010 год н.э. Массовое убийство евреев во Франции.

1017 год н.э. Несколько евреев обезглавлены по приказу папы Бенедикта в Риме.

1135 год н.э. Евреи распяли мальчика в Норвиче. Согласно общему отчету, они наняли двенадцатилетнего юношу-христианина в качестве кожевенника и превратили его в пасхальное приношение; они засунули ему в рот удила и после тысячи надругательств распяли его и пронзили бок, чтобы поиздеваться над смертью Искупителя. Труп вынесли в мешке, чтобы сжечь за городскими воротами, но неожиданность заставила убийц обратиться в бегство, оставив останки висеть на дереве.

1166 год н.э. Евреи в Понтозе распяли двенадцатилетнего мальчика.

1185 год н.э. За подобное надругательство над девушкой и другими людьми король Филипп Август конфисковал имущество евреев и изгнал их из своих владений в апреле следующего года.

1189 год н.э. Евреи были убиты в Лондоне и в других частях Англии.

1190 год н.э. Евреи были убиты в Йорке.

1250 год н.э. Евреи Сарагосы пригвоздили ребенка по имени Доминик к стене в виде креста, а затем пронзили ему бок копьем. В том же столетии жители Толедо также убили юношу-христианина. Согласно *Хронике Серафимы* ("Жизнь Святого Франческо Ассизского", Опера падре Дамиано Корнехо, 1721, Либр. I., глава i.), евреи суеверно использовали кровь христиан при рождении детей и отправляли ее в высушенном виде в Китай и другие места, где у них были синагоги, но где поклонялись Христу[83] не найдены. Поэтому евреи в конце концов были изгнаны из Испании и Португалии.

1255 год н.э. "Джеппен", один из главных евреев Линкольна и последователей его веры, похитил одиннадцатилетнего мальчика (27 августа), избил его розгами, отрезал нос и верхнюю

губу, сломал несколько зубов и проткнул бок. Король Генрих III. и его парламент в Рединге приговорили убийц к казни, привязанных к лошадиным пятам, и повесили их трупы.

1271 год н.э. Евреи Пфорцхайма убили семилетнюю девочку.

1287 г. н.э. Евреи Везеля убили мальчика по имени Вернер.

1288 год н.э. Евреи из Пачерата (?) (Вюрцбург) убили христианина и извлекли его кровь “как бы с помощью винного пресса, который, как говорят, они используют как лекарство”. Примерно в то же время мюнхенские евреи убили христианского ребенка.

1290 г. н.э. В Париже сожгли еврея за оскорбление освященной облатки. В том же году, во время правления Эдуарда I. от пятнадцати до шестнадцати тысяч евреев были изгнаны из Англии; и им не разрешалось возвращаться до времен Кромвеля, первого либерала (1660 г. н.э.).

1299 г. н.э. Многие евреи были казнены за оскорбление освященной облатки в Реттингене во Франконии.

1303 год н.э. Евреи Тюрингена убили ребенка и были убиты в большом количестве.

1306 год н.э. Король Франции Филипп был вынужден из—за множества обвинений, связанных с магией, святотатством и убийствами, изгнать евреев из своей страны, конфисковать все их имущество, кроме того, что требовалось для путешествия, и запретить им возвращаться под страхом смерти - все они были арестованы в один и тот же день, 22 июля.

1330 г. н.э. Евреи Густава в Вандалии [Померании] оскорбили Хозяина.

1348-1350 гг. н.э. Евреев обвиняли в отравлении колодцев и рек, а также в возникновении чумы, которая затем опустошила Европу. Многие были убиты, и тысячи были изгнаны из Германии, где впервые раздался крик “Гепатит”. В конце концов папская власть была вынуждена защищать их жизни угрозами отлучения от церкви их разрушителей.

1379 г. н.э. Евреи Бельгии оскорбили священное Воинство.

1399 год н.э.. То же самое сделали евреи Польши.

1468 год н.э. Евреи Толедо в Испании распяли мальчика-христианина.

1475 г. н.э. Евреи снова оскорбили воинство и были изгнаны с территорий епископа Пассау.

1492-1498 гг. н.э. Евреи были изгнаны из Испании Изабеллой Католичкой из-за народного недовольства. Многие уехали в Португалию, где им было предоставлено убежище на условиях, во-первых, что каждый должен заплатить определенную сумму золотом за вход, и, во-вторых, что, если его найдут в Португалии через определенный день, они должны либо согласиться креститься, либо быть проданными в рабство. По истечении назначенного времени многие остались. “Поэтому король отдал приказ отобрать у них всех детей моложе четырнадцати лет, распределить их среди христиан, отправить на недавно открытые острова и таким образом

вырвать иудаизм с корнем”. Это изгнание, получившее бурные комментарии современных историков, все еще свежо в памяти евреев, и восточный раввин с трудом скрывает ненависть, с которой даже в наши дни он относится к испанскому чиновнику.

1495 год н.э. Тридентские евреи с помощью одного из своих, врача, заманили в его дом, когда христиане были в церкви, мальчика двух с половиной лет по имени Симеон, сына кожевника, это было в понедельник, четверг. Перед началом пасхального праздника основные евреи собрались в комнате рядом со своей синагогой. Ребенок с кляпом во рту, заткнутым платком, был вытянут в виде креста и удерживался его убийцами. Кровь, лившуюся из глубоких порезов, собирали в таз, и когда смерть приближалась, двое мужчин ставили жертву на ноги, а остальные пронзали его тело острыми инструментами, все соперничали в жестокости и наслаждались пыткой. То, что труп был найден в реке Эч, протекающей через город, привело к раскрытию преступления; убийцы были казнены, синагога была стерта с лица земли, а на месте, где было совершено ужасное деяние, была построена церковь. Скульптура была установлена на башне моста во Франкфурте-на-Мэне, а изображение “Христианского младенца, убитого евреями” было размещено в одной из галерей отеля Hôtel de Ville. В последние годы его убрали из уважения к чувствам еврейской общины, которая в последние годы сформировала большую и важную часть коммерческого населения. Это убийство получило множество комментариев. Доктор Джон Матиас Тиберин, в то время находившийся в Тренте, и Якобус Филипп Бергаменсис из Ордена отшельников Св. Августин, который в то время жил в соседнем городе Бергамо, рассказывал об этом; в то время как гравюра была сделана в “Хрониках Джона Луи Готфрида” под редакцией Маттеуса Мериануса. С другой стороны, Пьетро Мочениго, венецианский дож, и его сенат заявили: “Credimus certe rumorem ipsum de puero necato commentum esse et artem; в чем суть, вид и интерпретация всего”.

1518 год н.э. Евреи жестоко обращались с освященными обрядами и убивали христианских детей в курфюршестве Бранденбург.

1669 г. н.э. (25 сентября). Ребенок был варварски зарезан неким Рафаэлем Леви, и дело было публично рассмотрено в Меце. В том же году “Нюрнбергская хроника” сообщает о трех других случаях похищения людей — одном в Англии и двух во Фьезоле. Баронио (*Raccolta delle Cause Celebri*, стр. 288 и др.) приводит множество подобных примеров похищения и убийства детей.

Месье Тустет, священник-лазарист, обычно рассказывал о том, что он слышал, живя в Турине, от женщины, которая едва не стала жертвой еврейского суеверия, даже в начале нынешнего столетия. Некий синьор Антонио Джервалон, родившийся в Кастильоне д'Оста и занявшийся бизнесом в Турине, случайно, прогуливаясь со своей женой Джульеттой Боннье, зашел в еврейский квартал. Это гетто раньше закрывалось на ночь, как в Гамбурге и Франкфурте. Пока он разговаривал о делах с одним из своих знакомых-евреев, мадам Жервалон оставила его и пошла коротким путем. Внезапно на нее набросилась толпа евреев, которые потащили ее вперед и, наконец, силой втолкнули в *подземный поезд*, закрытый люком. Ее раздели по пояс, и вскоре к ней пришли два раввина, которые, почитав свои книги около получаса, удалились, сказав: *Voi dovete morire*. Муж, после окончания разговора, последовал за своей женой, которую все жители Гетто отрицали, что видели; и, думая, что, возможно, она ушла домой, он вернулся туда, чтобы найти ее, но тщетно. Оттуда он ходил по разным домам, пока родственник не сказал ему в шутку: “Будь осторожен! Ты же знаешь, как евреи относятся к нам, христианам”. Эти слова поразили его. Он поспешно собрал группу полицейских, и, пока они обыскивали

гетто, он ходил повсюду, выкрикивая: “La mia moglie! La mia moglie” (Моя жена! моя жена!). Полумертвая от страха, леди, наконец, прокричала что-то в ответ и была спасена. Дело замяли с помощью денег, которые сделали евреев в Турине такими же могущественными, как в Алеппо и Дамаске; но эту историю долго рассказывали дети мадам Жервалон. В этой части девятнадцатого века этот предмет перешел в область политики и больше не подчиняется разуму и суждению. Итальянские либералы отрицают и высмеивают обвинения, в то время как консерваторам или ретроградам почти стыдно их поддерживать.

1811 год н.э. Христианка исчезла в еврейском квартале Алеппо.^[84]

1821 год н.э. Евреи принесли в жертву человека в Бейруте.

1824 год н.э. Евреи Бейрута расправились с Фаталлой Сайегом, мусульманином из Алеппо.

1829 год н.э. Евреи Хамы убили мусульманскую девушку и были изгнаны из города.

1834 год н.э. Евреев Триполи обвинили в убийстве христианина из Алеппо.

1838 год н.э. Евреи Иерусалима пытались убить мусульманина.

1839 год н.э. Фляга с кровью прошла через таможню Бейрута.

1840 год н.э. Евреи убили падре Томазо и Ибрагима Амара в Дамаске. В том же году они похитили греческого мальчика на Родосе, греческий мальчик исчез с острова Корфу, и была предпринята попытка убийства мусульманина.

1847 год н.э. Евреи распяли мальчика-христианина на горе Ливан.

1853 год н.э. Евреи Каиффы убили жену алжирского еврея.

1865 год н.э. Евреи Цфата казнили испанскую еврейку.

Разве все это не напоминает нам о том "порождении ехиднины", о некоторых иудеях, которые объединились и связали себя проклятием, сказав, что не будут ни есть, ни пить, пока не убьют Павла? И разве Апостол не был прав, утверждая: “Они не угодны Богу и противны всем людям”?

Как напрасно перед лицом всех этих ужасов цитировать свидетельство Гроция, который, говоря о евреях со времен Рассеяния, говорит: “И тамен тавто временно Иудеи, некто фальсифицирует культ дефлюксерунта, некто обвиняет в прелюбодеянии”; и “Apud Batavos Judæi suspecti talium facinorum non sunt”. И все же эти люди отлучили Спинозу от церкви и покушались на его жизнь за то, что он написал правду, которая была в нем самом. Допуская, однако, что евреи Голландии были похожи на кротких и безобидных караимов Крыма и Адена, из этого не следует, что все широко разошедшиеся семьи дома Израиля заслуживают одинаково благоприятного приговора. Во всяком случае, на этих страницах изложено достаточно, чтобы открыть глаза исследователю и этнографу; это будет зафиксировано “до Илии”.

СНОСКИ:

[80] Этот отрывок взят из "Pugio Fidei" (часть III, с. xxii, § 22) ученого Раймунда Мартина (1284 г. н.э.), цитируемого в брошюре, о которой подробнее ниже.

[81] Это вошло в арабскую пословицу.

[82] Мировые анналы полны сообщений о похищениях детей, увенчании их терновниками, порке, распятии и протыкании острыми предметами. Конечно, ребенка выбирают потому, что им легче овладеть, чем мужчиной.

[83] Хроники правы, полагая, что еврей ненавидит христианина больше, чем мусульманина. "Что касается тех язычников, которые, подобно измаильтянам, не являются идолопоклонниками, то их вино запрещено употреблять, но разрешено с целью наживы, как учат все гаоны; но христиане - идолопоклонники, и их вино, даже такое, которое не использовалось в качестве вина для возлияния, запрещено даже с целью наживы" (Хилхот Маахалот Асупот, с. xi. 7). "Statuimus," says the Talmud (Order I., Dissert. 4, quoted by Lucio Ferraris), "ut quilibet Judæus ter in die omnem Christianorum gentem ac Deum precetur ut confundat, interimatque ipsam cum regibus et principibus suis; atque hoc maximè faciant sacerdotes Judæorum in synagoga ter quotidie orantes in odium Jesu Nazareni." Это проклятие не направлено против мусульман.

[84] Этот краткий список продолжается, чтобы хронологически показать преемственность традиции, касающейся зверств и святотатства, практикуемых евреями.

II. ЦЫГАНКА

"Народ, осужденный общественным мнением и обреченный законами на поругание и бесчестье; раса, которая, изгнанная из всех свободных профессий, веками была и остается лишенной права владеть земельной собственностью; которая, подвергнутая особым и суровым правилам, научилась сразу подчиняться и в то же время сохранять некоторую независимость; которая, несмотря на презрение, которое она внушает, и ненависть, которую она пробуждает, и предрассудки, с которыми ее принимают и судят, все еще сопротивляется этому презрению, этой ненависти и, наконец, всем тем причинам, которые должны были бы вызвать".
разъединять, расшатывать и уничтожать семью, расу, нацию; такой народ, говорю я, заслуживает внимания наблюдателя хотя бы самим фактом своего существования".

Jaubert de Passa.

ОБРАЩАЮСЬ К ЧИТАТЕЛЮ

Общих работ по теме цыган у нас, пожалуй, достаточно, и более чем достаточно; это возражение, однако, не может быть выдвинуто против специальных дисциплин, которые все еще весьма желательны в каждом отделе "чинганологии". Я предпочитаю последний термин французскому *Tsiganologie*, о котором подробнее в настоящее время, и "Романологии", термину сомнительного значения, недавно введенному в английский язык.

Я хочу *полностью* представить общественности следующие выводы, которые, как я надеюсь, оправдало мое многолетнее исследование в отношении отношений цыган и джатов:

1. Средневековые цыгане Европы были последней волной арийской эмиграции, которая потекла на запад в начале пятнадцатого века; и этой волне, возможно, предшествовал не один подобный исход.
2. Средневековые цыгане демонстрируют семейное сходство, физическое и моральное, этнологическое и лингвистическое, с современными джатами, чрезвычайно важной расой, которая простирается от устья Инда до начала великой долины, оттуда разветвляясь на Туркестан и крайний Север.
3. Есть веские основания полагать, что джаты и джин-тчи Татарии являются современными представителями классических гетов и готов более поздних времен.
4. Язык обоих племен (джат и цыганский) относится к индо-персидскому типу, причем индийский компонент не так сильно разложился, как в современных разновидностях пракрита. Абсолютная изоляция речи, особые причины для секретности и тот факт, что она устная, а не письменная, сохранили ее чистоту среди цыган; в то время как джаты, находясь в тесном контакте с чужеродными языками, внесли те светские лингвистические изменения, которые знакомы даже английскому и французскому языкам.
5. Самое древнее название расы - *Чинганех*, термин, все еще используемый в Персии и Турции, и обязательно искаженный арабами, которые не имеют никакого отношения к *Джинганеху*.
6. Что касается происхождения цыганского артикля (*o—os, a—asi* т.д.), который неизвестен как на санскрите, так и на пракрите, иск все еще находится на рассмотрении. Возможно, это оригинально и свойственно данному диалекту; более вероятно, это европейское и особенно греческое новшество. Короче говоря, пока у нас нет грамматических и словарных зарисовок центральноазиатских и туркмено-цыганских языков, мы не в состоянии делать выводы.

Я предлагаю обсудить родство цыган с индейцами. Я начну с подробного критического анализа различных рецензий, вышедших из-под плодовитого пера месье Поля Батайяра, который утверждает, что его заслуга в том, что он первым идентифицировал цыган и джатов. Я заканчиваю топографическими заметками об обоих племенах на всем протяжении их распространения от Инда до Марокко и даже до Бразилии.

ЗАМЕТКИ О СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ “ЧИНГАНОЛОГИИ”

ГЛАВА I

РОДСТВО ЦЫГАН С ИНДЕЙЦАМИ

Следующее письмо в *Академию* (27 марта 1875 г.), положившее начало дискуссии между М. Полем Батайаром и его автором, говорит само за себя[85]:

“В Академии от 27 февраля 1875 года у меня были такие слова:

“Профессор де Гехе из Лейдена опубликовал несколько интересных *материалов по истории цыган* (sic). Он принимает точку зрения, выдвинутую Поттом,[86] еще в 1853 году, что цыгане тесно связаны с индийским джаттом (название, которое арабские историки преобразовали в Зотт)... Доктор Трамп[87] уже указывал на близкое сходство между европейскими цыганами и джаттами с берегов Инда.

“Я осмеливаюсь надеяться, что вы позволите мне показать мою роль в этом вопросе.[88] *Синд и расы, населяющие долину Инда* (Лондон: Аллен), моя книга, написанная между 1845 и 1849 годами и опубликованная в 1851 году, так трактует народы равнин:

“Джат, или, как пишут это слово другие, Джат, Джутх или Ютт, были во времена династии Калхора одним из правящих классов в Синде. Вероятно, именно по этой причине автор “Тохфат эль-Кирам” (хорошо известной книги анналов синдхи) приписал им родственное происхождение с белочи, которые сейчас с презрением отвергают такую идею. Рассказ Джата о его собственном происхождении оказывает Укайлу, сподвижнику Мухаммеда, высокую честь быть его прародителем; но какой класс мусульман, каким бы мерзким он ни был, не претендует на столь же высокое происхождение?

“Как доказывает джатаки, диалект, характерный для этого народа, они (т.е. *синд-подразделение этой обширной расы*), должно быть, пришли из Панджаба, и других районов Убхо или Баладашта, Джанг-Сияла, Мултана и других регионов, зависящих от великой Страны Пяти рек. Изгнанные войной или голодом со своих земель, они мигрировали на юг в Себи (*Сиби* или *Сиви*, *Верхний Синд*) и нахолмы вокруг него. Предполагается, что они вошли в Синд незадолго до восшествия на престол князей Калхора и вскоре после этого прославились своим непревзойденным мужеством и личной силой. В настоящее время они потеряли все, что их отличало, и из множества ягирдаров, Земиндаров и сардаров теперь ни один потомок не обладает чем-либо подобным богатству или званию. Основные поселения находятся в провинциях Какрало, Джати, Чедийо, Манияр, Пхуладжи и Йохи. [Говорят, что жители Умарота говорят на диалекте, отличном от индийских джаттов, и немало мигрирующих племен пасут свои стада в великой Дельте.[89]] Как правило, они являются земледельцами или разводчиками верблюдов и кажутся тихой, безобидной расой. Во всех восточных частях Центральной Азии имя Джат является синонимом слова “вор” и “негодяй”.

“В синдхи джатах есть много различных каму, или кланов, главными из которых являются следующие: Баббур, Бхати, Джискани, Калару, Магаси, мирджат, Пархияр, Санджарани, Сиял и Соланги”.

К этому тексту были приложены следующие примечания:

“Джат” на диалекте синдхи означает: 1. Погонщик верблюдов или скотовод. 2. Название клана белохов. Обычно в нижней части долины Инда пишется Джат^и и произносится как Дьят^и. Оно имеет три значения: 1. Название племени джатов. 2. Синдхи, в противоположность белоху; в этом смысле это оскорбительное выражение, и поэтому белохи и горные брахины называют язык синдхи джатки. 3. Слово оскорбления, "варвар", как в выражении *ido-dasto Jat*^и, "полный дикарь".

Работа лейтенанта Вуда показывает, что джаты все еще встречаются в Панджабе и по всем берегам Инда.

“Под именем джат подразумевается не менее четырех рас.

Я продолжил:

“Судя по внешнему виду и другим особенностям расы, представляется вероятным, что джаты связаны кровным родством с этой особой расой - цыганами. Из 130 слов, используемых сирийскими цыганами, не менее 104 относятся к индо-персидскому классу языков. Остальное может быть либо остатками варварских языков, на которых говорили коренные горцы, населявшие территорию между Индом и Восточной Персией, либо изобретением более поздней эпохи, когда их рассеяние среди враждебных племен сделало необходимым “язык воров”. Цифры почти все чисто персидские. Есть два слова, “кури” (дом) и “псих” (кошка), вероятно, искаженные от пушту “кор” и “пишу”. Два других слова - синдхи “манна”, означающее “мани”, хлеб, и “хуи”, означающее “ху”, он. Как и следовало ожидать от племени, населяющего Сирию, иногда встречаются арабские и турецкие слова, но они не являются частью основы языка”.

“За четыре года службы в штабе мне посчастливилось побродить повсюду по долине Инда и лично познакомиться со многими, если не со всеми, ее дикими племенами. Я видел много джатов, жил в их хижинах и палатках и изучал верблюдов под их руководством. Они лучшие ‘ветеринары’ и заводчики, известные в этой части Индийской империи. Мой добрый друг, ныне покойный, тогда полковник, а впоследствии генерал, Вальтер Скотт из Бомбейского инженерного полка, некоторое время состоял на службе; и странности грубого старика доставляли нам массу удовольствия. Таким образом, в 1849 году я смог опубликовать первое известное сообщение о Джатаки и его литературе. Автор знаменитого “Дабистана”^[90] применяет термин “язык джат” к тому, на котором Нанах Шах, Апостол сикхов, сочинил свой Граут^[91] и другие работы. Во всем Панджабе *джатки бут* (“язык джат”) является синонимом *гунвар ки боли* или “крестьянского жаргона” Индостана.

Я написал слово *Jat*^и двумя курсивами. Первое обозначает особый звук синдхи, представляющий собой смесь *j* и *t*; второе - это знакомое церебральное сочетание санскрита и пракрита, которое в определенной степени сохранилось в нашем современном английском языке, хотя и неизвестно латинскому и тевтонскому языкам. Племенное название - *Jat*^и, с

короткой конечной гласной, которая в синдхи, как и в санскрите, следует за согласной; его множественное число, *Jatán*, заканчивается хорошо выраженным носовым звуком.

“В то время я разделил эту грубую расу полу-бедавинов на четыре больших племени, а именно:

“Панджаби Джат, который не является ни индусом, ни хинди (мусульманином). Впервые он появляется в истории Индии как кочевник, попеременно пастух, грабитель и временный земледелец. Многие стали сикхами и сослужили хорошую службу вере Нана Шаха своим ревностным противостоянием мусульманскому фанатизму. Поскольку это было их единственным занятием в течение многих лет, они постепенно становились все более и более воинственными, и одно время они были такой же воинственной расой, как любая другая в Индии. Полковник Слиман и другие отождествили их с древними гетами и их потомками - готами.[92]

“Джат или дайят страны Хазарах, Джанг-Сиял, Кач (Куч) Гандава и Синд в целом, где их может насчитываться двести пятьдесят тысяч из общей численности населения в миллион человек. Все они мусульмане и, как предполагается, эмигрировали с севера во время или вскоре после присоединения Калхоры; поэтому их диалект обычно называют белочками. В те дни белохи были очень мало известны Синду, аристократия которого, эмиры, джагирдары и богатые земиндары, были либо синдхи, либо джаты. В Пешавуре “Джат” по-прежнему является синонимом земиндара или землевладельца; однако иногда оно используется как термин упрека.

“Третий - это клан белохи, которые пишут свое название арабо-персидским, а не синдским *j*. В нижней части долины Индин они удерживают провинцию Джати и другие части на юго-востоке. Глава племени носит титул *Малик* (буквально “Король”), например, Малик Хаммал Джат.[93]

“Следующее - кочующее племя, многие из которых частично осели в Кандахаре, Герате, Мешхеде и других городах на персико-афганской границе. Их можно встретить в Мекране; и иногда они добираются до Маската, Синда и даже Центральной Индии. Их считают отъявленными ворами, занимающими низкое место на шкале мироздания. До сих пор не появилось ни одного хорошего отчета об этом племени, и самые незначительные материалы по этому вопросу были бы приняты с благодарностью”.

“Пятый, который теперь необходимо добавить, - это *джин-тчи* из Центральной Азии. Эти люди не являются, как, кажется, думает мистер Шайлер[94], “кафирами из Кафиристана”; они, по—видимому, настоящие джаты - идея, однажды выдвинутая мистером Эндрю Уилсоном из “Снежной обители”.[95]

“На эти племена смотрят как на аборигенов, что просто означает, что их предшественники неизвестны.[96]

“Таковы были заметки, собранные мной в рукописи за несколько лет до 1849 года. В то время востоковеды Европы были почти единодушны в отождествлении цыган *снат’х*, разрозненным индейским племенем странствующих лудильщиков и музыкантов, ‘плохих игроков’ на огромном полуострове, совершенно несведущих в управлении лошадьми, скотоводстве и даже воровстве домашней птицы. И это убеждение все еще остается в силе; только недавно мой эрудированный корреспондент, доктор Дж. Бернард Дэвис, напомнил мне об этом.

“Конечно, скромный лингвистический труд вечного исследователя вряд ли может быть знаком профессионально образованному миру; но я лелею надежду, что вы поможете мне возродить мою похороненную и забытую работу”.

СНОСКИ:

[85] В этой перепечатке оригинального письма единственными изменениями являются несколько словесных исправлений и умолчания тех частей, которые были расширены в других местах.

[86] The famous work *Die Zigeuner in Europa und Asien*, 2 vols. 8vo (Галле, 1844-5). За ним последовали два *нахтрага* (которых я не видел). Первый содержит сиро-цыганский словарь, а второй - сведения об их манерах и обычаях в Турции и других странах. See *Zeitschrift d. Deut. Morgen. Gesell.*, III., стр. 321-325, 1849 г.; и *Там же.*, том VII., стр. 393.

[87] Dr. Ernest Trumpp's *Sindhi Grammar*. (Trübner, 1872.)

[88] Литераторы Европы образуют гильдию, в которую допускаются только члены. Временами их абсолютное игнорирование *меума* и *туума*, особенно когда они присваивают малоизвестное имя, является прекрасным примером торговой морали — или ее обратной стороны.

[89] Впоследствии эти слова были добавлены к моей копии MS.

[90] Полное название - Дабиستان-и-Мазахиб, или Школа вероисповеданий (не “Школа нравов”): есть перевод Дэвида Ши и Энтони Тройера для the Oriental Trans. Фонд, 3 тома. 8vo (Париж, 1843).

[91] Ади Граут: Священная книга сикхов.

[92] Jornandes, “De Getarum sive Gothorum Origine et rebus Gestis.” Ученый аббат Фортис (*Далмация*, I. 1, § 1) включает в число славянских народов скифов, гетов или готов, славини (словенцев), хорватов, аваров и вандалов. Наши деды получили термин “готы” от *Гога* (и *Магога*).

[93] Отчет, приведенный мистером Хьюзом о джете в Белочистане, будет найден на следующей странице (215).

[94] *Туркестан*. (Sampson Low & Co., 1876.)

[95] *Академия*, 14 октября 1876г.

[96] В этом письме содержится краткий обзор *Джейат* литературы аки в Синде. Я также убрал абзац, посвященный их миграции и племенному названию; обе эти темы будут рассмотрены более подробно.

ГЛАВА II

ПРЕТЕНЗИИ месье ПОЛЯ БАТАЙЯРА

Следующее письмо, на котором стоит подпись автора и дата Париж, 28 мая 1875 г.,^[97] было результатом моего обращения в Академию.^[98] Как я возражал против того, что профессор Потт и Де Гехе украли мой "гром", так и месье Поль Батайяр обвиняет меня в краже его артиллерии:

“Академия от 27 марта опубликовала интересное письмо, о котором я узнал всего несколько дней назад. В этом письме мистер Ричард Бертон, F.R.G.S., заявляет о приоритете в отождествлении цыган или цыганов с джатами с берегов Инда, название которых, добавляет он, произносится как дьят. Недавно этот вопрос был подробно рассмотрен (25 страниц в 8vo, почти полностью посвященных этой теме) профессором Дж. де Гехе из Лейдена, который приписывает первую идею этой идентификации мистеру Потту в 1853 году, как указано в Академии от 27 февраля в короткой статье, в которой упоминается этот голландский вклад в историю цыган.

Мистер Бертон, который много путешествовал по долине Инда и часто бывал у джатов, опубликовал в 1849 году грамматику диалекта джатаки (41 страница), содержащую интересную классификацию этой расы, воспроизведенную в его письме, а в 1851 году — книгу о синде — *синд и расы, населяющие долину Инда* — в которой он выдвигает теорию вероятного родства между джатами и цыганами, что подтверждается выдержками, которые он приводит. начинается с изложения этой работы.

“Позвольте мне заявить о еще более раннем приоритете (датируемом 1849 годом) и начать с точного определения доли, принадлежащей каждому.

Профессор Потт в своем великом труде “*Зигмейнер*”, том I. (1844), стр. 62, говорил о традиции, упомянутой Фирдусси, *Тарих-Гузиде* и “другим ...”, то есть *Моджмель-аль-Теварых*, согласно которому Бахрам-Гур, царь Персии, создал десять или двенадцать тысяч музыкантов, обозначенных по крайней мере в двух из этих трех текстов под именем *Лури*,^[99] родом из Индии. К этому добавлено одно или два других имени, о которых нет необходимости говорить. (См. стр. 41, 42 моих мемуаров, опубликованных в 1849 году и упоминаемых впоследствии.)

Пять лет спустя профессор Потт вернулся к этой теме в своей статье “Кто умирает зигойнером”, опубликованной в качестве второго дополнения к его великому труду в журнале “*Цайтшрифт дер Дойт*”. *Моргенл. Gesellschaft*, Vol. III., 1849, сказано (стр. 326):

“Что касается традиции, о которой я говорил, Т. I., стр. 62, переселения индийских музыкантов в Персию, заказанного Бахрам-Гуром и изложенного в *Шахнаме*, традиции, которая, возможно, справедливо применяется к Зигунерам, я обязан Флейшеру очень интересным замечанием, совершенно неизвестным мне до сих пор, взятым из *Хамзы Испахани*, издание Готвальдта, 1834 (стр. 40 перевода Готвальдта), согласно которому Бахрам-Гур, ради удовольствия своих подданных, вызвал из Индии двенадцать тысяч музыкантов, известных под именем *Зутх*. Они называются *Лури* в [ГИПЕРССЫЛКЕ\X3efac78388b7318ff28e324ff6f51c4c42dab66" \h\[100\]](#), что является доказательством того, что Хамза не просто скопировал этот факт. Но Флейшер добавляет следующее относительно имени *Зут*, которое я еще нигде не встречал и которое было для меня полной загадкой: “В *Камузе* говорится, что *зотты* — раса людей индийского происхождения, и что

истинное произношение этого слова - *джатт*, но арабы произносят его *зотт*'. (См. Примечания 3 и 4 на стр. 43 моих мемуаров 1849 года, касающиеся довольно вольного перевода этого отрывка из *Камуза*.) Во французском и арабском словаре Эллиуса Боктора мы находим: "*Богемиец*, арабский бродяга, чингианец, любитель приключений, полевка и т. Д., Называется *Зотти* в Дамаске во множественном числе *Зотти*".

“ Не более того. Ясно, что в отождествлении индийских джатов с цыганами доля профессора Потта до настоящего времени очень мала. Великий индианист из Галле достаточно богат своими знаниями, чтобы довольствоваться тем, что принадлежит ему, и уважение, которое я питаю к нему, и его добрые чувства ко мне являются надежной гарантией того, что он не обидится на то, что я изложу свои претензии.

“Я думаю, что могу сказать, что именно я (правда, спасибо м. Рейно) первым обратился к этому вопросу. В 1844 году я опубликовал в *Библиотеке Академии художеств* довольно длинные мемуары о появлении *Богемы в Европе (тирада в части*, которая давно исчерпана, насчитывает 59 страниц октаво). В 1849 году я внес в тот же сборник вторую статью на ту же тему, исследуя особенно Восточную Европу и впервые устанавливая, что цыгане обитали в этом регионе в эпоху, намного предшествующую дате (около 1417 года) их появления на Западе. Я могу добавить, между прочим, что почти все те, кто с тех пор говорил о появлении цыган в Европе, делали немногим больше, чем опирались на эти два мемуара, не всегда точно указывая, какая часть принадлежала мне, так что я часто испытывал досаду, видя того или иного автора, особенно Франсиска Мишеля, упоминаемого впоследствии в заметках из третьих рук как первоначальный источник того, что я написал. Теперь мои вторые мемуары ("*Новые исследования аппарата Богемы в Европе*", 48 стр. в "*тираже по частям*", Париж, 1849 г.: Франк, улица Ришелье, 67) заканчиваются "Дополнительным примечанием" на десяти очень компактных страницах, основная цель которого - точно идентифицировать цыган и индийских джатов.

В этой заметке, или приложении, я начинаю с того, что собираю и привожу на французском языке, чтобы их можно было сравнить, отчеты, на которые профессор Потт только указал, касающиеся десяти или двенадцати тысяч музыкантов, которых Бахрам-Гур, царь Персии (420-440 гг. нашей эры), вызвал из Индии, то есть традицию, изложенную Фирдусси в "*Шахнаме*" (около 1000 г.), *Моджмель-аль-Теварых* (около 1126 г.), Бахрам-Гуром, царем Персидской Империи. "*Тарих-Гузидех*" (около 1329 года, для этого последнего я не смог привести текст), и, наконец, Хамзы Испахани, арабского автора, с которым профессор Флейшер только что познакомил профессора Потта, и который является старейшим из всех, поскольку относится к десятому веку, в то время как профессор Потт предположил, что он был после Фирдоуси. Следует отметить, что Хамза упоминает потомков двенадцати тысяч музыкантов, которые все еще существовали в Персии в его время под именем *Зут*, и что Фирдусси говорит то же самое о десяти тысячах *лури*, которых он представляет как бродяг и воров. Но новым и важным моментом является имя *Зут*, данное им арабо-персидским автором десятого века; и именно здесь, как я отмечаю в своей работе (стр. 42 *тирады в части*), "начинается настоящий интерес".

“Я снова нахожу это название (стр. 44) в форме *Джатта* и *Джатти* в пятом отчете по тому же вопросу персидского Мирхонда (пятнадцатый век); и, после того, как заметил, что то же самое имя дано камузом в форме *Зотт* как арабский эквивалент *Джатт*, индийской расы, и что,

согласно Эллиусу Боктору, оно точно служит в форме *Зотт* для обозначения цыган в Дамаск, я начинаю отсюда, чтобы почерпнуть из важных воспоминаний и т. Д. "Sur l'Inde" М. Рейно несколько сведений об истории *зат* или *джатт* Индии, и установить, стр. 45-48, вероятную идентичность этой расы и цыган. Я повторяю, что именно это является существенной целью моего "Дополнительного примечания".

“Я не востоковед, и, кроме того, как я не преминул упомянуть, эта заметка на десяти больших страницах была написана, когда мои мемуары уже были опубликованы. Но мне любезно помог ученый и оплакиваемый господин Рейно, памяти которого я рад здесь отдать дань благодарности.

“Кроме того, выдающийся ученый из Лейпцига, тот самый, который первым проложил путь к обнаружению связи между цыганами и джаттами, профессор Флейшер, в общем отчете, охватывающем научные публикации за три года (тот же *Zeitschrift*, том IV., 1850, стр. 452), не побрезговал упомянуть мою работу в следующих выражениях:

Батайяр, автор и др., взявшись за приложение к Потту, опубликованное в нашем журнале, III., стр. 321-335, с помощью Рейно показал большую вероятность мнения, что зигенеры происходят от *Г'ат* или *Г'ет*, древнейших жителей северо-запада Индии; и, возможно, имя *Зигенер*, *зингани*, *зингари*, [греч. Τζιγγανοί: Tzinganoi] и т.д., посредством промежуточной формы *Gitanos*, производной от названия этого народа?

Это последнее предположение профессора Флейшера не представляется мне приемлемым, поскольку нет никаких сомнений в том, что *Gitanos* происходит от *Egipcianos*, как *цыгане* произошли от *египтян*.

Наконец, я перехожу к статье профессора Потта “Последний вклад в изучение цыган и их языка” в том же журнале “*Цайтшрифт*” за 1853 год (том VII., стр. 389-399), упомянутой в “Академии”, цитирующей профессора де Гехе как отправную точку для отождествления цыган и джаттов. Что мы находим там по этому поводу? Следующие строки (стр. 393):

“Я в долгу перед любезной дружбой профессора Флейшера из Лейпцига (см. Наш *Цайтшрифт*, III., стр. 326) за важный отрывок о Зуте Хамзы Испакхани, чьи *Анналы* предшествуют *Шахнаме*, как демонстрирует М. Батайяр в своих *Новых исследованиях*, стр. 42. Для выяснения происхождения цыган нам следует очень внимательно рассмотреть эти *зоты*, которых, согласно тому, что сообщает мне Редигер, также путают с *зенги* (называемыми также *эфиопами*, и чье имя даже иногда используется для *зингари*: см. Мой *Zigeuner*, i., стр. 45). Фактически, зуты, по-видимому, то же самое, что джаты, или, согласно турецкому камузу, чатт, о которых мы находим у Эллиота, *Биограф. Указатель*, i. 270-27 (так в оригинале) (и особенно, там же. в Masson, *Journey to Kelat*, стр. 351-353), интересная статья. См., кроме того, Рейно, *Воспоминания об Инди*, 1849, стр. 273, примечание 3 к Dschats, которое также можно сравнить с *Пословицей. Араб. Фрейтага*, Том II., стр. 580 (передано также Флейшером, к которому я должен добавить дальнейшее заявление Батайяра). Прежде всего, для нас было бы очень важно получить некоторые подробности, касающиеся их языка.

Таким образом, ученый профессор из Галле довольствуется здесь свежим упоминанием отрывка из “Хамзы”, за который он был обязан Флейшеру, и указанием на некоторые свежие источники, к которым следует обратиться для поиска “Зоттха”, “Джаттов” и т.д., Которые были

доведены до его сведения тем же ученым, и ссылается, кроме того, на мои "дальнейшие утверждения (*weitere Auseinandersetzung*)"; и, поскольку впоследствии он посвящает длинную страницу анализу основной части моих "*Новых исследований*", которые он упомянул полностью (с. 389-390), и которую он снова цитирует в нескольких других местах, можно было бы подумать, что он сделал достаточно.

Это упоминание, тем не менее, ускользнуло, судя по всему, от профессора де Гехе из Лейдена, который, тем не менее, был знаком с этим отрывком Потта (поскольку он упоминает его на стр. 16, чтобы вызвать уверенность в том, что ученый профессор из Галле был первым, кто установил связь между Зоттом или Джаттом и Цыганами), и который цитирует в нескольких местах мои длинные статьи в *Revue Critique* о "Приключениях соотечественников богемы в Европе". Восточная" (из которой *тирада в части* составляет восьмидесятистраничный том, 1872 год), но который ни слова не говорит о моей работе 1849 года. Это упущение, которое иногда допускают самые добросовестные ученые; и я не собираюсь делать упрек ученому профессору из Лейдена, чья работа, кроме того, должна обладать всеми преимуществами глубокого исследования, проведенного двадцать пять лет спустя наиболее компетентным востоковедом. Но поскольку в вашей статье был поднят вопрос о приоритете этой темы, вы, я думаю, поймете, прочитав то, что я написал в 1849 году и что посылаю вам вместе с этим письмом, что я имею право не быть полностью забытым, особенно когда это касается интересного момента в истории цыган, по которому я до сих пор опубликовал лишь несколько фрагментарных работ, но изучению которого я посвятил так много лет.

"Мое письмо и без того длинное: позвольте мне, тем не менее, добавить еще несколько слов. Хотя у меня есть работа профессора де Гехе (автор был так любезен, что прислал ее мне), я не могу сказать, что знаком с ней, потому что я не умею читать по-голландски и еще не нашел возможности перевести ее, о чем я вдвойне сожалею в нынешних обстоятельствах. Я думаю, однако, что могу сказать, что вопрос, рассмотренный профессором из Лейдена и мной двадцать пять лет назад, хотя он и был уже достаточно сложным, является лишь одной стороной гораздо более сложного вопроса о происхождении цыган, рассматриваемого во всех его аспектах. Я надеюсь, что смогу показать, что исторические документы Восточной Европы, Западной Азии и самого Египта предоставляют очень важные данные по этому вопросу, которые до сих пор рассматривались крайне недостаточно. Я думаю, что у меня также есть способ дать объяснение слову *цыгани* другим близким к нему названиям, более определенным и интересным, чем те, которые были предложены профессором де Гехе и мистером Бертоном.

"Не менее интересно рассмотреть любой аспект очень сложного вопроса о происхождении цыган, и особенно такой важный, как их связь с джатами или джаттами. Но сам этот момент имеет, так сказать, несколько граней. Есть часть, относящаяся к эрудиции в строгом смысле этого слова, и я думаю, что профессор де Гехе очень умело с ней справился; но есть этнологическая, антропологическая и даже лингвистическая часть предмета, которая, как мне кажется, не очень продвинулась до настоящего времени. *Именно этой частью занимался мистер Бертон; и поскольку он жил среди джаттов, он был в некоторых отношениях в наилучшем состоянии, чтобы пролить на это яркий свет; но, с одной стороны, ему, возможно, следовало бы лучше познакомиться с цыганами, а с другой, не похоже, чтобы связь между цыганами и джатами его сильно занимала. Он уловил вероятную связь между этими двумя племенами людей и выразил ее на половине страницы; но этого недостаточно.*^[101] Без сомнения, занимаясь специально джатами, давая в 1849 году грамматику их языка

(ценность которой я не могу оценить, но которая не помешала профессору Потту в 1853 году сказать, что нам не хватает информации, касающейся этой идиомы),^[102] собирая некоторые очень краткие данные об их разделении на четыре племени, а также об их истории и нравах, он предоставил некоторые материалы, но материалов совершенно недостаточно,^[103] для сравнения, *которое до сих пор не сделано*, между этой расой и Цыгане. Он говорит нам, например, что внешний вид и другие особенности этой расы позволяют считать вероятным предположение о родстве между ней и цыганами. Но он не дает нам даже малейшей информации о типе (внешности) джатов; а другие 'особенности', которые он не объясняет и которые мы вынуждены искать в разрозненных чертах, дают такие беглые сравнения, что из них ничего нельзя сделать. В действительности почти каждое племя в Индии (не говоря уже о некоторых племенах в других странах) при сравнении с цыганами имеет не меньше, если не больше, точек сходства. Действительно, это, в большей или меньшей степени, недостаток почти всех сравнений, которые были сделаны между цыганами и той или иной популяцией Индии; авторы этих сравнений недостаточно знакомы с цыганами, и их изучение сходства недостаточно *специфично*.

"Джаты должны принадлежать, по крайней мере, я так полагаю, хамитам (chamite), и более конкретно к кушитскому слою индусского населения",^[104] и со своей стороны я не сомневаюсь, что цыгане, хотя их идиома связана с арийскими языками Индии, принадлежат к той же ветви человеческого вида. Я замечаю, между прочим, что в сделанном мистером Бертоном разделении джатов на четыре племени один из районов, населенных вторым, называется 'Кач'.^[105]—Но эта ветвь широко распространена в Азии и в Африке. В семье кушитов было бы необходимо отметить особые черты, которые отличают, с одной стороны, джатов, с другой - цыган, во всех очень сложных сходствах, допускаемых этнографией, и начать с их сравнения. Это то, что еще предстоит сделать, чтобы пролить свет на *эту часть одной стороны* вопроса о цыганском происхождении. Бесполезно говорить, что при более детальном рассмотрении этого сравнения между цыганами и джатами следует учитывать другие точки сравнения, которые могут быть представлены другими племенами, родственными или нет джатам, такими как, например, *чангар*, на которые указывает д-р Трамп в "Панджабе" (*Mittheil. der Anthropol. Gesellschaft in Wien*, Т. II., 1872, стр. 294, цитируется Миклосичем в его третьих мемуарах о *Зигеунере*, 1873, стр. 2), и некоторыми другими, упоминать которые было бы слишком долго, но которыми нельзя пренебрегать. Но все это может быть хорошо сделано только в Индии, и человеком, который специально изучал цыган Европы, особенно Восточной Европы, и, если возможно, цыган Западной Азии и даже Египта. К сожалению, эти условия очень трудно найти.

"(Подпись) Поль Батайяр".

СНОСКИ:

^[97] [Это письмо появилось в Академии 5 июня 1875 г.]

^[98] Примечания, приложенные к этому письму, сделаны мной.

^[99] Еще предстоит доказать, к какому племени относятся эти лури: все, что мы можем сказать, это то, что они уроженцы современного Луристана (Элимаиса).

[100] Ценный авторитет, но все же стихотворение.

[101] Курсив мой. Что известно автору о моем знакомстве с цыганами, особенно с цыганами Бертона? Ответ на “полстраницы” будет дан в другом месте.

[102] Это просто означает, что профессор Потт никогда не видел мою статью напечатанной в Бомбее.

[103] Очевидно преждевременное заявление: автор знал только о моем обращении в *Академию* (глава I.).

[104] Об этой колоссальной кушитской теории мне есть что сказать на следующей странице. (194)

[105] *Вперед!* Я сказал *Кач* (*Куч*) Гандава; а здесь его путают с Кач (Катчем) близ Гуджрата (Guzerát).

ГЛАВА III

ОБЗОР РЕЦЕНЗИЙ М. ПОЛЯ БАТАЙЯРА

§ 1. Предварительные слушания

Месье Поль Батайяр — зловещее имя! — который таким образом предложил мне сразиться в *Академии*, по-видимому, неутомимый *Циганолог*, [106] использовать свой собственный состав; и он, кажется, изучает чинганологию с 1841 года. Букмекерству на цыганскую тему нет видимого конца; как нам сказали, даже могущественный “Волшебник Севера” предложил добавить свой товар в общую кучу. Читающая публика, похоже, действительно считает эти *Хамасобиоу* вечной темой; и со времен перевода *Святого Луки* “Джипси Борроу” [107] *The Zincali, The Bible in Spain* (1841) и других популярных произведений, она всегда прислушивалась к чаровник, обаятельный он никогда не поступал так неразумно. Современный автор был недалек от истины, когда заявил: “На цыган было потрачено много того, что называется гениальностью, но паразитально мало здравого смысла”. [108]

И в этом предмете есть своя особая прелесть. Эти “диковинные личности, называющие себя египтянами или цыганами”; эти космополиты, одинаково чувствующие себя как дома в снегах Сибири и в болотах Сеннаара; эти измаилиты, все еще живущие среди своих братьев, одновременно на окраинах и в самых центрах цивилизованной жизни; эта орда варваров, рассеянных по всему миру, среди нас, но не принадлежащие нам; эти кочевники прогрессивной эпохи, изолированные особенностями телосложения, языка и социальных привычек, абсолютного материализма и единого правила поведения: “Своеволие, свобода”. все отчетливо указывает на общее происхождение; этот феномен славной эпохи, открывший новую дорогу в “Ост-Индию” и открывший другую половину земного шара, до сих пор остается для многих, нет, для большинства людей, необъяснимой этнической тайной. Англичане в основном придерживаются узкого детского взгляда на “Черного человека”; в лучшем случае

они относятся к нему живописно в связи с крилами и обнимашками, молотком и щипцами, жестяным чайником и катуной, или тентом-тентом. Континентальные писатели, как обычно, смотрят шире и всесторонне. М. Перье с французской “остротой”, таким образом, резюмирует основные моменты, представляющие интерес в “исключительных незнакомцах”: *“Вы необыкновенная раса, сильная сторона, красавица, космополит, странствующий и зависимый (?) чистый, curieuse par conséquent, à tant de titres.”* Румыны сочли эту тему достойной поэзии; посмотрите героико-комико-сатирическую “Циганиду”, или Цыганский табор, Леонаки Дианку.[109]

В “дивные Сказки” старой цыганки доброй жены о “вещи в Египет” больше выиграла чудесный, наблюдать, чем что сказал еврейства. Некоторые из образованных левоверных, как мы читаем в *Свидетельствах христианства* и других подобных работах, по существу односторонних, указывают на рассеяние и сплоченность самозванного “Избранного народа” как на некое чудо, постоянного свидетеля определенных чудесных событий в его прошлых летописях. Они игнорируют или забывают о высшем чуде “тинклеров”. В то время как рассеяние израильтян за границей естественно возникло по тем же причинам, которые и в наши дни сохраняют их единство, мощный принцип эгоизма и погони за богатством, глубоко укоренившиеся социальные и религиозные предрассудки, взращенные теократической верой и особым и исключительным откровением, живая традиция прошлой славы и обещания будущего величия, подтвержденные убеждением в том, что они святой и обособленный народ, варварские ромеи[110] скреплены только речевыми узами[111] и кровным родством, а также простейшими очертаниями веры, которых требует такое вероучение, как каста, или, скорее, изгой. И все же согласованность непрерывна и полна; все же, подобно жезлу Моисея, это этнологическое чудо превосходит другое и всякое другое чудо.

Едва ли менее своеобразны исторические отношения еврея и цыгана. У них много общего. Оба пережили свой исход и рассеяны по всему миру. У обоих есть особенности выражения лица, которые отличают их от “неевреев”, которых они ненавидят, гоев и бусне. У обоих есть свои собственные языки и они сохраняют свои расовые названия.[112] Однако сходство условий, которое должно вызывать симпатию, как обычно среди мужчин, породило только ненависть. Но еврей был богат, как и его двоюродный брат Мориско. Отсюда ужасные преследования израильтян в Испании (1348-1398 гг. н.э.), когда причиной отравления ими воды было распространение чумы, и которые продолжались до тех пор, пока гуситы не навлекли на себя земной “гнев Небес”. В те ужасные годы многие евреи бежали в горы, в Альпухарры и Сьерры — Морену и де Толедо - и на дикие берега Верхнего Эбро, Гвадианы и Тежу. Тем временем цыгане страдали от убеждения, что они евреи которые, отрицая своих предков, выдавали себя за египтян. В настоящее время, когда доходы католических королей Генриха III. а у Иоанна II сумма в 26 550 000 реалов (долларов), приведенная к нашей нынешней стоимости, упала при Генрихе IV до 3 540 000. Изобильные денежные мешки израильтян привели к учреждению Святой Канцелярии и ее инквизиторского трибунала (январь 1481 г.). Наконец, как будто преследований и смертей было недостаточно, в марте 1492 года произошло массовое изгнание. Эти ужасы все еще, по прошествии веков, свежи в еврейском сознании. Я видел в Иерусалиме Хахама (писца), настолько тронутый присутствием испанского чиновника, что последний с удивлением спросил меня, как ему удалось оскорбить своего хозяина.

Но что могла найти Санта Эрмандад по прозвищу Ла Бруха (ведьма), чтобы грабить в палатке римлян? В течение трех столетий разгульной дикой жизни, часто запятнанной жестокими

преступлениями и превратившейся в зверство из-за драконовских законов средневекового христианства, у цыган были свои периоды изгнания, пыток и казней; но их бедность и изоляция спасли их от ужасов преднамеренного официального преследования. *Mas pobre que cuerpo de Gitano* ("Нет ничего беднее тела цыгана") до сих пор является пословицей в Испании, где мужчины также говорят: "*Загар губит эль конде лос Гитанос*". Все эти варварства закончились в Европе в конце восемнадцатого века, когда новую Религию человечества проповедовали энциклопедисты, главными пророками которых были Вольтер и Руссо, Дидро и Д'Аламбер.

Ни один Дизраэли до сих пор не поднялся, чтобы подтвердить благородство этих "властных попрошайек"; и записать их триумфы при дворе и в лагере, в искусстве и вооружении; проследить их в генеалогиях титулованных домов или сорвать личины, принятые в те нетерпимые времена, когда еврей был вынужден клясться язычником, а мусульманин - христианином. И все же у цыган были свои великие люди, в то время как их чистая кровь вскипятила много тусклой глины и дала новую жизнь многим изнеженным благородным жилкам. Посмотрите на "короля Зиндла" или "Зиндело"; герцогов Михаила и Андрея; графов Маленького Египта Иона (Хуана) и Пануэля (Мануэля); Вейвовдов Дакии; благородного кавалера Педро и вождя Томаша Пулгара, которые в 1496 году помогали епископу Сигизмунду отбиваться от турецких захватчиков. Вспомните, опять же, венгерских Хуньяди, русских Толстых и шотландских Мелвиллов, не говоря уже о Кассили и Конти при Людовике XIV. Некоторые цыгане стали известными солдатами; и Джона Баньяна, одного из бессмертных земли, проникательно подозревают в цыганском происхождении. Борроу упоминает архиепископа и "четырёх достойных священнослужителей"; в то время как некоторые из наиболее образованных и знаменитых представителей духовенства в Испании были, по словам цыгана, из цыган или, по крайней мере, цыганской крови.

Такова Цыганка, изложенная в нескольких строках.

Повторяю, на этих страницах я не собираюсь рассматривать тему Рома в целом. Моя более скромная задача сводится к тому, чтобы показать родство между цыганами и великим племенем джат, или, скорее, нацией, которая простирается от устьев Инда до степей Центральной Азии. И мое первое возражение должно касаться вопроса о приоритете перед мсье Полем Батайяром.

The *Цыганолог* претендует, как уже было замечено, на "еще более ранний приоритет" в отождествлении цыган и джатов; и он предлагает "точно установить долю, принадлежащую каждому из нас". Это обычный процесс кабинетного ученого, который постоянно появляется, подобно *deus ex machina*, чтобы вырвать из рук исследователя ключ к оригинальности. Первый заимствует из своих книг дюжину различных теорий; и когда трудами человека действия оказывается, что одна из них верна, он сразу же позиционирует себя как "теоретического первооткрывателя" истоков Нила или любого другого вопроса, привлекающего общественное внимание. Но в данном случае я отрицаю, что мой соперник имеет какие-либо претензии. Мое личное знакомство с джатами началось в 1845 году, а моя грамматика и словарный запас были отправлены Королевскому азиатскому обществу в 1848 году перед моим отъездом из Индии. С другой стороны, мсье Поль Батайяр, как я понимаю, ничего не знал об индийских джатах, когда писал свою первую статью *Об аппарации и т. Д.* В 1844 году. Он честно признает, что он не востоковед; и что ему потребовалась помощь покойного М. Рейно, который был ученым, чтобы отождествить *зут Хамзы Испахани* (десятый век), *лури* музыкантов из *Шахнаме* (одиннадцатый

век) и *Зот* или *Зутт* из словаря Камуза (четырнадцатый век) с заттом или дьяттом Индии. Это было в 1849 году. Его *разоблачительный труд "Этенду"* был принят профессором Поттом в том же году и появился в вышеупомянутом издании "*Нахтрагgrand travail—Die Zigeuner*". Таковы были масштабы открытия, сделанного моим заявителем. Ему даже пришлось узнать от профессора Флейшера из Лейпцига, что "цыгане происходят от *г'ат* или *Г'ет*, древнейших обитателей Северо-Западной Индии", [113] мнение из вторых рук, почерпнутое у "цыганского борроу", полковника Слимана и других англичан. Вряд ли мне нужно говорить, что профессор Потт, выдающийся член той героической группы, которая основала сравнительную филологию, практически ничего не знал лично ни о цыганах, ни о джатах. И очевидно, что профессор де Гехе пребывает во мраке, когда говорит о "точке зрения, *высказанной Поттом* еще в 1853 году".

В то время, и действительно, до тех пор, пока я не написал в *Академию* в 1875 году, М. Поль Батайяр, очевидно, игнорировал "М. Бертон"; и его нельзя винить за то, что он не знал статью, опубликованную колониальным обществом четверть века назад. Но он также проигнорировал гораздо более важные факты. Он применяет термин "*джатте с малым населением*" к великой рассеянной нации под названием Джат. Он, конечно, не знал, что этот народ сохраняет в дельте Индии, "Соленой стране" синдхов, чистоту своего языка, который дальше на север испорчен примесью синдхи, белочки и панджаби. Также он не мог осознать тот факт, что многие черты сходства, антропологического и лингвистического, связывают цыган и джатов. Есть мужчины, которые лично испытывают отвращение к новым вещам, и самая простая альтернатива - обесценить их ценность. "Он, - уверяет меня мой соперник-претендент, - уловил вероятную связь между этими двумя племенами людей и выразил ее на половине страницы; но этого недостаточно".

Однако такого утверждения более чем достаточно для оценки системы Батайяра в решении литературных вопросов. Вместо "половины страницы" прочитайте дюжину страниц, [114], которую можно было бы легко расширить до многих дюжин. Но я надеялся, что заявление путешественника, который встречался с цыганами в Оксфорде (Бэгли Вуд), в Англии и на Континенте, и знание их расовых особенностей, распространенных среди образованных англичан, оправдывают краткость, настоятельно требуемую при изложении в одном томе географии, истории и этнологии страны, почти равной Англии по объему. И снова, когда месье Батайяр уверяет своих читателей, что я "не предоставил ни малейшей информации о типе (внешности) джатов", он еще раз дает понять, что ему следовало прочитать меня, прежде чем делать вид, что он пишет обо мне. Я процитирую свое описание полностью, [115] чтобы общественность могла судить о нем и обо мне:

"Сейчас мы находимся в провинциях, населенных джатами. Ваш [*т.е.* Взгляд мистера Джона Булля] едва ли стал достаточно критичным за это короткое время, чтобы увидеть разницу между внешностью твидл-дам и твидл-ди, сходную с внешностью их сородичей - скиндийцев; и я не могу ожидать, что вы все еще сможете отличить Джат ванд (деревню) от Скинд гот (деревни). Вы наверняка проявите некоторый интерес к расе, которая, по-видимому, является прародительницей старой ведьмы в красном плаще, чью руку в обмен на хитрую чушь, порожденную ее языком, вы однажды скрестили с сильвером; и жилистого молодого легковеса, чьей игрой и метким ударом вы в более счастливые дни не раз снисходили до восхищения.

“Наши авторы[116] вероятно, ошибаются, когда предполагают, что Джат является первоначальным индусом из Индии, принявшим ислам. Местные историки и их собственные традиции сходятся в том, что приписывают им странное происхождение; их язык по сей день является искаженным диалектом того, на котором говорят во всех индийских провинциях Панджаба, что подтверждает и по-настоящему ценит сомнительные свидетельства.[117] Вероятно, что, вынужденные эмигрировать со своих земель из-за одной из двух основных причин, вызывающих подобные перемещения на Востоке, войны или голода, джаты Синде отправились на юг примерно в начале восемнадцатого века нашей эры.

“При квази-церковной династии Калхора, когда скиндийцы составляли аристократию, а также простолудинов страны, джаты, вследствие их превосходящей силы, их мужества, и их кланового сплочения, быстро достигли высокого положения. Вожди племен становились дворянами, чиновниками и министрами при дворе; они обеспечивали свои семьи, получая земельные наделы, льготы, сопутствующие определенным военным заслугам, и своих последователей, расселяя их в качестве арендаторов на своих обширных землях. Но процветание расы длилось недолго. Они потеряли свое высокое положение, когда белочи, люди получше их, вторглись в страну и начали присваивать ее для себя; постепенно, медленно, но верно, они утратили все притязания на ранг, богатство и должность. В настоящее время они рассеяны по всей Европе, обычно предпочитая юго-восточные провинции, где они зарабатывают на скудное пропитание сельским хозяйством; или они бродят по бесплодным равнинам, пасут свои стада в нескольких оазисах; или они занимаются разведением, уходом, дрессировкой и лечением верблюдов. С последним ремеслом стало отождествляться их название, джат и сарван (человек-верблюд) звучат синонимично в ушах шотландцев.

“Джаты по внешнему виду - смуглая и некрасивая раса, чрезвычайно грязная, длинная, изможденная, костлявая и редко, если вообще когда-либо, пребывающая в хорошем состоянии. У них тонкие бороды, а в глазах странное (то есть *цыганское*) выражение.[118] Они одеваются как индийцы, предпочитая синюю одежду белой; но они выше, крупнее и не похожи на индейцев по внешнему виду. Немногие, но очень немногие из их женщин в ранней молодости отличаются мягкими и правильными чертами лица; это очарование, однако, вскоре уступает место сложному уродству, вызванному пребыванием на солнце, скудным образом жизни и трудом вьючного скота. В Синде джаты обоих полов обладают добродетелями, особенно присущими угнетенным и безобидным восточным культурам; они обязательно бережливы и трудолюбивы, миролюбивы и отличаются нравственностью в ограниченном смысле неприятия интриг с членами чужого Каума.[119] Я говорю в Scinde; это ни в коем случае не репутация расы в других частях Центральной Азии, где они распространились (*или откуда, возможно, они пришли*).[120] Термин "Джат" обычно применяется к низкому и раболепному существу или к наглому злодею; и, несмотря на то, что Тофат эль Кирам,[121] а Белох счел бы себя смертельно оскорбленным, если бы вы смешали его происхождение с кастой, которую свергли его предки, и которую он презирает за то, что она позволила себе деградировать. Брахины, афганцы и персы - все они могут сказать о них плохое слово”.

До сих пор месье Поль Батайяр проявлял себя всего лишь *кабинетным литератором в коврах туфлях*, который усердно берет займы у других и, очевидно, ожидает, что его подержанные изделия будут *соответствовать эпохе*.

Но мой соперник-претендент, спешу признать, обладает солидными достоинствами. Его теория о том, что эмиграция цыган имеет давнюю историю и, вероятно, относится к глубокой древности, заслуживает рассмотрения. Его более поздние заметки о джатах исправляют вульгарную ошибку, из-за которой татарин Таймур стал причиной первого исхода наших “скорбящих”. Он отмечает особую ненависть, возможно, расовую, питаемую этими бродягами-язычниками к другой рассеянной нации, евреям. Другие второстепенные, но все же интересные темы, которые он затрагивает, — это история цыган, особенно в отношении их рабства и крепостной зависимости - пленников короны, а не личного движимого имущества; их периодические скитания и посещения; пережитки их веры; их народная и скромная литература; их частные и племенные имена, напоминающие имена современной израильской синагоги; и то, что они поставляют танцовщиц ближнего Востока, в то время как в европейских лупанарах цыганка неизвестна.

Теперь я предлагаю так быстро, как позволяет тема, пробежаться по четырем работам М. Поля Батайяра *серийно*. Критика не только заметит новшества, но и попытается исправить то, что практическому человеку кажется необходимым исправить в связи с цыганами.

§ 2. “*Derniers Travaux, etc.*”

В этой статье речь идет главным образом о Юго-Восточной Европе, где, по оценкам, проживает по меньшей мере шестьсот тысяч цыган — число, между прочим, совершенно неадекватное. Границами, которые автор сам себе установил, были бы западнославянские границы, меридиан, проведенный от южного изгиба Балтийского моря до истока Адриатики. Топографически расположенный по линии, идущей с востока на запад, обзор посвящен писателям, в основном современным; и он представляет собой скорее выдержку, чем исчерпывающую или даже сводную библиографию.

Первая из двух составных частей путешествует с представителями властей России, Польши и Литвы, Германии, Богемии, Венгрии, Трансильвании, Баната, Румынских княжеств и Турции, или, скорее, Константинополя. Земли вокруг Балканского хребта, столь неизвестные не так много лет назад и о которых сейчас так много говорят, по праву считаются второй цыганской *родиной*, “старой родиной” которой является Индия. Обзор сопровождается косыми взглядами на тех, кто рассказывает о Финляндии и Норвегии, Персии и Басконии, Шотландии и Голландии, Сицилии и Италии, которые когда-то владели исключительным *castrum Giptiae*. Этот раздел заканчивается лингвистическими и этнографическими замечаниями, заимствованными из многих источников и уточняющими значительное количество реквизитов.

Во второй части критик отзывается о М. Александре Г. Паспати, д.М.н., известном имени в цыганском мире. Этот ученый греческий врач - кстати, один из немногих детей, спасшихся от “нежного и галантного” турка во время отвратительной хиосской резни 1822 года, — получил образование в Америке и известен как своими индийскими и византийскими, так и цыганскими познаниями. *Этюд и др.* 1870 года, который продолжил и дополнил его подробные мемуары (1857-1862), является работой ученого, лично знавшего цыган, а не простого *литератора*. Книга изобиловала новинками. Например, это наводило на мысль, что артикль (о или *u*; и и *e*), столь же неизвестный азиатскому цыгану (?), как санскриту и пракриту, был заимствован его

европейским сородичем из греческих [Greek: ὅ: ho] и [Greek: ἥ: hê], что предполагает долгое проживание в Элладе и знакомство с ее народом. Не могло ли это, однако, быть простым развитием *миха* и *ухи*, указательных местоимений в джатаки — *это* и *то* превратившихся в *the*? Но поскольку все германские, неолатинские и славянские языки либо произвели, либо заимствовали артикль, то же самое могло быть и с цыганским, которое происходит от того же корня.

М. Паспати удовлетворительно доказал, что кочующие племена рома, например, дикие сапари или дьяпари (сапари?), [122] сохранили в Румелии язык своих древних предков, тогда как “доминирование”, оседлые жители городов, сохранили “фальсифицированный” язык. То же самое говорят бедавины о “Перепрыгивателях стен”, оседлых арабах. Эта часть сюжета приводит к упоминаниям о цыганских сказках и легендах, в которых, кстати, цыгане фигурируют редко, и к другим постановкам *нищей музыки Цигане*.

После некоторого обсуждения наш критик переходит от М. Паспати к М. Барталусу, который цитирует некоторые очень редкие трактаты (*“Верное происхождение” и др.*, 1798 и 1800 гг. н.э.) о возвышении цыганской нации. *Богемцы*, по-видимому, являются потомками Хама, “что допустимо”; и, как и их собратья, они были прокляты Ноем. Но после разрушения равнинных городов Содома и Гоморры, Адамы и Сабоима — Сегор был с честью исключен — Сигор и его жители были спасены, потому что у них был один Лот. Земли, однако, были закреплены за этим “патриархом”, и хамиты, будучи рассеяны, превратились в цыган. Снова этот миф о Ное! — насколько ложная антропология не несет в нем ответственности? И снова мы не преминули встретить еще одного старого друга. Злой царь Египта появляется в знаменитой “Песне фараона”, в то время как в Исландии он дал свое имя отряду морских котиков. Формула клятвы венгерских цыган, предписанная судами, гласила: “Как царь фараон был потоплен в Красном море, так пусть я буду проклят и поглощен глубочайшей бездной, если не буду говорить правду! Пусть у меня не будет ни воровства, ни уличного движения, ни какого-либо другого бизнеса! Пусть мой конь превратится в осла при следующем ударе копыта, и пусть я закончу свои дни на эшафоте от рук палача!” [123]

Затем критик переходит ко второй замечательной характеристике цыганской расы - мюзиклу, который теперь становится известным по всей Европе. На Парижской выставке 1878 года “Курские соловьи”, отряд из сорока цыган из Москвы, следовали за венгерскими *чиганами*, и ими восхищались не меньше. Даже знаменитый Каталани оценил московскую девушку Чингане, “которая с такой оригинальностью и истинным выражением исполнила характерные мелодии племени”, и накинул ей на плечи папский подарок в виде богатой кашемировой шали. Большинство англичан теперь знают, что “Богемная девушка” мистера Банна, к сожалению, переведенная *сбогемской* церкви Святого Георгия, была девушкой из ромни. Широко известный аббат Лист [124] приписывал этим “лудильщикам” главную роль в трактовке музыкальной оперы; но этому мнению великого мастера противостоит художник М. Барталус. Я, однако, склоняюсь к точке зрения Листа. Позвольте мне отметить, что популярное цыганское слово, обозначающее музыканта, Лаутар (множественное число Lautari), может быть либо персидским Lútí, [125], либо, что более вероятно, искаженным потомком арабского El `Aúd [126], который дал начало нашей “лютне”. Наш критик считает, что музыка цыгана, как и его сказки и поэзия, принадлежит ему самому; в то время как содержание песен и баллад заимствовано у венгров, румын и даже у лишенных воображения турок; он также указывает, что многие легенды космополитичны. Когда каталонский цыган, встреченный автором в 1869 году в Сен-Жермене,

сказал ему, что *этат* (дхарма или религиозный долг) ромни-чел, “сыновей женщин” (*то есть* их матерей), состоит в том, чтобы обманывать своих соседей; что они узнали весь этот долг человека от Святого Петра, который как слуга нашего Господа обычно обманывал своего Хозяина; что *бог Иисус*, который установил все человеческие условия в день сотворения мира, научил их своим примером, а также наставлениями, просить милостыню и бродяжничать босиком; что его племя было истинными христианами, “которые знали только Бога и Пресвятую Деву”; и что все это было записано в “Книге странствий нашего Господа”, — мы узнаем старую-престарую сказку. Древние римляне, подобно множеству других шутливых варваров, серьезно разыгрывали простого студента, доверчивого “цивилиста”. Тем не менее, эта шутка имеет свою этнологическую ценность; она показывает, что псевдохристианские святые цыганского Евангелия - воров и “сорняки”. Весьма характерно также обращение к цыганскому божеству: “Добрый, счастливый Бог золота!” С другой стороны, подобные светские легенды об апостолах распространены даже среди христианских народов, у которых они, возможно, были похищены ромеями. Вспомните сказку французского крестьянина об Иисусе и святом Петре, подкове и вишнях, мораль которой заключается в рыночной ценности бережливости.

В дополнительной статье анализируется научная работа М. Франца Миклосича.^[127] Этот эрудированный славист, единственный упрек которого заключается в том, что он везде находит славянство, распределяет цыган по двенадцати языковым группам, которым он приписывает неадекватное общее количество в шестьсот тысяч голов. Среди крайне консервативных цыган Севера России он обнаруживает, помимо русских и польских, румынские и мадьярские слова, выражения, заимствованные из неогреческого языка четырнадцатого и пятнадцатого веков. Поскольку эти эллинизмы также переняты испанскими цыганами, естественным выводом является то, что Греция в целом была более древней родиной, долгое время населенной кочевниками, которые оттуда перешли через Польшу в Россию. Но эта теория, если она подтвердится, не опровергнет распространенного мнения о том, что некоторые цыганские племена мигрировали через Египет и Марокко в Испанию, не пересекая Пиренеи. Цыгане, будучи скорее “крепкими бродягами”, чем настоящими кочевниками, во время своих частых и регулярных встреч заимствовали друг у друга термины, соответствующие их скудному и варварскому наречию. Это кажется достаточно богатым материалом и чувственным выражением, и то же самое, в частности, относится к странствующему арабу и туркмену. М. Паспати^[128] замечает, что “у [румелийского] странника есть более сорока слов для обозначения своей палатки и орудий своего ремесла”. Этим двуязычным людям “воровская латынь” не потребовалась бы; но в целях сокрытия и злодейство, которое они с готовностью переняли бы у странных вокалистов. Так, в Шотландской низменности они делают свою английскую речь неразборчивой с помощью французских и гэльских, валлийских и ирландских вставок. Как выяснится, в Египте и Испании, и, я полагаю, только там, изобрели обычное *арго*. Такие несоответствия не позволяют нам придавать большое значение общему замечанию о том, что цыганский диалект не возвращается; *т.е.* что польские цыгане не используют русские термины, а турецкие цыгано-мадьярские слова.

Наконец, М. Миклосич развенчивает “догмат Тамерлана”, распространенный в народе, согласно которому последний исход цыган произошел после 1399 года нашей эры. Он приводит документальные свидетельства, хорошо известные документы о пожертвованиях 6894 г. н.э. (= 1386-87 гг. н.э.), выданные королями Валахии; отмечая, что в течение пятнадцатого века и даже между 1832 и 1836 годами княжества, в которых все еще сохранились еврейские недостатки, считали цыган славянской расой.

В *Трудах Дерна* есть то достоинство, что они выдвигают на первый план “гипотезу Хассе”, выдвинутую в 1803 году и в настоящее время забытую. Чистоту цыганского языка можно было бы объяснить тем фактом, что эти ремесленники обосновались в Европе *в древности*. Часто отмечалось, что чем дальше мы продвигаемся на восток и чем ближе подходим к колыбели расы, Синду или Западной Индии, тем полнее меняется и деградирует язык. Этого следовало ожидать. Джаты, живущие в тесном контакте с другими диалектами, обязательно модифицировали бы свой собственный по примеру своих соседей; таково правило мира. У цыган есть только две связи: одна - кровная, любовь к “родственникам и положению”; другая - к языку, который служит для сокрытия их речи. В течение столетий рассеяния цыгане, окруженные чужеродными и враждебными расами, свято придерживались старого языка; и, будучи жизненно заинтересованы в сохранении секретного инструмента, они боролись против перемен. Настаивать на этой точке зрения тем более необходимо, что наш критик ожидает обнаружить после разделения примерно в четыре столетия джатов или другие племена, говорящие на чистом древнегипетском. Современный цыган все еще может представлять древний джатаки. Отсюда также вымирает диалект их предков среди оседлых цыган. М. Поль Батайяр тщательно отделил, и, возможно, слишком любопытно, историческое прибытие цыган в Западную Европу и их расселение в юго-восточных регионах, Фракии, Дакии и т.д. Злоупотребление его теорией заставляет его настаивать на отождествлении его *Цыгане* с таинственным Сикани, который владел Сицилией до Сикулов. Эти и другие доисторические отождествления еще не получили широкого распространения.

Если бы М. Поль Батайяр поразмыслил немного больше, он не стал бы отстаивать, учитывая обширность ареала обитания джатов, недостаточную теорию М. Асколи, а именно, что цыгане — это синдхи, которые долгое время жили в Индостане; и М. Асколи не стал бы исключать широко распространенный джатаки из своего списка неоиндийских языков, который он необоснованно сокращает до семи. Мы были бы избавлены от “убеждения”, что цыгане обитали в Месопотамии, которая была всего лишь одной станцией на их пути, а Малая Азия и Нижний Дунай были основным направлением арийской эмиграции; что они - аборигены Кабула, фактически примитивные афганцы, как предполагает другой французский *литератор*, чье живое воображение лишает его всякого авторитета; и, наконец, что они “потомки тех древних народов Бактрианы и Арьи, последовательно завоеванных персами, греками, индогетами, и афганцы. Самое тривиальное сравнение проводится между Сегором, библейским городом, и цыганским названием Чингани (Singani). Когда профессор Потт и М. де Солси находят “родство” и “тесную связь” между санскритом и *цыгано-тибским*, им следовало бы объяснить, что последний является пракритом или вульгарным языком с арийским словарем, покоящимся на руинах туранской базы. Первый, как видно из его названия, был изысканным городским языком, на котором никогда не говорили и которого в действительности не понимали народы Индии в целом; фактически, речь профессора, подобная нынешнему ромейскому афинского *логогута*.

Слово *бербер* (варвар), опять же, применяемое к цыганам в Персии, означает, согласно своему корню, болтуна, скороговорку или говорящего на непонятном наречии. Это санскритское Варвара, [санскрит: वारवरा][129], низкий человек, дикарь, варвар греков и римлян; *Бербер*, [синдхи: بربري], или бербер, [арабский: بربر], из современный Индостан; и расовое название этого великого рассеянного народа Барабарах, который простирается от долины Нила до Северо-Западной Африки. Лунный бог норвежских цыган Рахо является осязаемым напоминанием о демоне Раху и пережитком его. Газие Египта *не* “также называются

беремике”;[130] Барамика являются заменой гагара. “Чунгало”, “Джангало” и “Зунгало” из Паспати, обозначающие нецыган, очевидно, являются Джангали, дикими или обитателями лесов (джунглей), популярным титулом европейцев, особенно англичан, в Индии. Дас также, термин, применяемый ромами к своим болгарским и валашским соседям, подозрительно напоминает индуистские дашья и Даса, вульгарно досс, низшую касту или, скорее, человека без касты, который, как предполагается, представлял первоначальных туранских владык страны.

Более того, зачем предполагать вместе с М. Паспати, что [греч.: γ: g], [греч.: θ: th] и [греч.: χ: ch] являются “греческим импортом в цыганский язык”? Из этих букв две арабо-персидские: [греческий: χ: ch] is = Kha, [арабский: خ]; и [греческий: γ: g] is = Ghain, [арабский: غ]; на ромейском языке гамма произносится как Ghámma, когда она предшествует открытым гласным, á и o. Третье обычно соответствует арабскому Sá, [арабский: س] произносимому на персидском и хинди как простое Sín (s)[131]. Критик, однако, не должен был говорить нам: “*Le [греч. θ: th] по-английски осуждают*”. В нашем шипящем есть два различных звука: один мягкий, как в *thy*, отвечающий неогреческому [греческий: δ: d]; другой твердый, как в *теме*, = [греческий: θ: th]. Цыганское Owa, Va (да) подозрительно похоже на вульгарное арабское Ауwá, заимствованное из “Да будет Аллах” — “да, клянусь Аллахом!” Человек не должен иметь абсолютно никаких практических знаний о цыганах или о своем сородиче, “кротком индузе”, который может спросить: “*Что такое гроссмейстерские песни и субтитры к ним?*” Это просто *морг* и *следствие* европейского невежества. Пусть автор попробует процесс “утончения” на первом парне, джете или Синдхи, который попадется ему на пути, и он легко поймет, что я имею в виду. Наконец, я рискну высказать намек на то, что “варварские илоты” могут сохранить племенное название Натх, [санскрит:[132], пантомима. Эта каста, с которой раньше отождествляли цыган,[133], конечно, не представляла “диких коренных жителей Индии”; они могут иметь сходство с дравидами, но в них определенно нет туранской крови.

§ 3. “Origines, etc.”

Эта статья была опубликована в 1875 году, когда месье Поль Батайяр воспользовался моим письмом в Академию; и, по-видимому, ее главная цель - доказать, что он опередил меня в отождествлении цыган с “джатте” (джатами). Она разделена на три части, которых всего четыре. В № 1 содержится отзыв автора и его замечание профессору де Гехе; в № 2 более полно излагается его собственная теория происхождения цыган; в № 3 содержится “определенное и окончательное объяснение слова *Tsigane*”; а в № 4 посредством колофона и фонда исследований выдвигаются определенные проповеди о направлении будущих исследований в интересах нас, грубых практичных людей.

Из № 1 я уже рассматривал и довольствуюсь энергичным возражением против утверждения, что все, кто писал о народах долины Индии, представляли себе либо возможное, либо вероятное *взаимопонимание* между джатами (не джутами) и цыганами. М. Поль Батайяр снова показывает, что в 1850 году, когда моя статья была опубликована в 1849 году, ни он, ни профессор Флейшер ничего не знали о современных синдхи джатах, простой части расы, кроме искажения названия. Они не знали о его обширной среде обитания, разбросанной между устьями Инда и Татарскими степями. Они никогда не знали, что он говорит на своем особом

диалекте, который в определенной степени похож на диалект цыган и синдхи, персико-индийский.

Часть № 2 становится гораздо более сенсационной. Мы обнаруживаем, что идеи нашего критика расширились и что древность цыган Юго-Восточной Европы простирается глубоко в туманные регионы прошлого. В 1872 году он просто упомянул о высокой важности этнического названия Синдхо или синто (женского рода синдхи; множественное число Синдхе и синдхиян), “означающего великих”. Теперь он отождествил бы их с аборигенами Лемноса, этими “владыками Вулкана” [греч. σιντιάς: Синти] — слово, обычно понимаемое как обозначающее грабителей ([греч. σίνομαι: синомай]). Связь возникает потому, что Гомер описывает этих металлостроителей как говорящих на дикой речи ([греч. ἀγριοφῶνοι: agriophōnoi]), а также потому, что Гелланик с Лесбоса выводит их из Фракии. Два независимых авторитета — первоначальный гипотезист доктор Йоханнес Готлиб Хассе в 1803 году и М. Вивьен де Сен-Мартен в 1847 году — предложили идею, которую М. Поль Батайяр позаимствовал и перенял. *Цигане* представляют, как нас уверяют, не только сикани Сицилии, но и [греч. Σιγυναι: Сигинай, Σιγυνοι: Сигинои, Σιγυννοι: Сигинной], которых Геродот помещает на Кавказе, в Малой Азии и Фракии. Огромный разрыв в годах преодолевается, по мнению М. Паспати, с помощью определенных средневековых византийских еретиков, [греч. Αθίγγανοι: Athinganoi], манихеев, таких как альбигойцы, павликиане, и особенно жителей Боснии и ее окрестностей, также называемых Athigarii, Atingarii, Anthingarii и Atingani; и это только потому, что некоторые современные греки называют своих цыган Athinganoi ([греч. Αθίγγανοι: Атинганои]). Броссе^[134] замечает, что в одиннадцатом веке, когда царь Баграт посетил Константинополь, он там услышал чудесную и совершенно невероятную вещь; а именно, что племя самаритян, произошедшее от Симона Волхва и называемое *Ацинканами*, все еще было печально известно своими злодеяниями и колдовством. А потом у нас есть глупая история о том, как преподобный Святой Георгий Афонский сделал все их яды бесполезными.

Более того, нам говорят, что, *если* современные цигане представляют синти и сигинной, они должны, *следовательно*, находиться в таком же родстве с некоторыми загадочными племенами, населяющими Кавказ и Западную Азию, Египет, Левантийские острова и бассейн Дуная. Таким образом, мы видим происхождение тельхини, халибов и других “кабирских народов”. Недостаток последнего заключается в том, что оно чисто семитское, Кабир означает “великий” применительно к двенадцати *Dii majores* финикийцев, которые послали Кадмос (Эль Кадин) = древний или великий.^[135] Но пропустим это мимо ушей. Наш автор доказывает свой факт, показывая, что эти народы, подобно современным цыганам, изготавливали оружие, особенно ассегай или дротики; в то время как кабири и тельчины были известны музыкой и предсказаниями. И как не распознать троглодитских сивилл Малой Азии и Египта, Греции и особенно Фракии в чистом цыганском, когда [греч. Σιβύλλα: Сибилла] - это всего лишь форма [греч. Σιβυνη: Сибине] или [греч. Ζιβυνη: Зибине], которая естественным образом происходит от [греч. Σιγυνη: Сигине], [греч. σιγυνος: Сигиннос] = *Цигане*? Как не понимать, что египетские пророчицы, превращенные Геродотом в черных голубей, и голуби Додоны не были идентичны ромнийским?

Это становится болезнью — *Цигане* мозга; от которой наш автор, очевидно, страдает в острой форме — настолько острой, что делает его воображение наиболее живым. Для лишенного воображения этнолога “синдхи” - это просто цыганские племена синдов, названные так по Синдху, могучему потоку, дававшему Европе название Индийскому полуострову. Отсюда,

действительно, некоторые филологи вывели бы испанское слово Zincale (Цинкале), сделав его соединением Синд и Кало (множественное число Kále, черный) = темные люди Синда. Отвергая такое обращение, мы должны считать это племенным названием, таким как карачи (= нижнесиндийский), хелеби (алеппский), лури (из Луристана) и многие другие, на которые разделен великий народ джат.

Но пока мы отвергаем частности, мы должны остерегаться того, как мы относимся к общей теории. Традиции и этнологические особенности, гораздо более сильные, чем филологическое сходство или совпадения, имеют тенденцию доказывать, что самые ранние металлурги и оружейники были индийской расой, чья иммиграция задолго до движения последней этнической волны, цыган в истории. Геродот упоминает касту или корпорацию подвижных литейщиков и металлургов, пришедших из Азии, возможно, относящихся к эпохе, названной М. де Мортилле *де ла Шодроннери*, когда молот заменил простое плавление. Современные исследования показали, что эти доисторические ремесленники повлияли на привычки цыган, подобно *кальдерерос* (медникам) ромов в более поздние эпохи. У них не было постоянного жилья; их *мастерские* находились не в городах, а *на пленэре* вблизи населенных центров; здесь они изготавливали новый и перерабатывали старый металл, обменивая свои изделия на меха, шкуры, янтарь и другие изделия местного *происхождения*. Следовательно, М. Эмиль Бурнуф[136] предполагает, что эти бродячие рабочие бронзового века были цыганской расой; в то время как замечательное сходство, я могу почти сказать идентичность, сплава предполагает, что это было изделие одного народа. Однако мы должны быть осторожны, принимая на веру его происхождение из банков Малакки доисторического олова, необходимого для изготовления бронзы. Сначала Кавказские рудники поставляли его расе рабочих, мигрировавших вдоль южной базы с Запада на Восток. Следующим источником снабжения, прежде чем перейти к Южной Франции, Испании и Касситеридам, должна была стать Северо-Западная Аравия. "Книга Чисел"[137] отчетливо упоминает металл, помещая его между железом и свинцом, как часть трофеев, взятых сынами Израиля у своих двоюродных братьев мадианитян (около 1450 г. до н.э. 1450); и две экспедиции Хедива (1877-78 гг. н.э.) принесли домой доказательства того, что это возможно, его все еще можно найти там. Действительно, у меня есть подозрение, что "сломленные" люди Западной Аравии произошли от древних цыган, которые, возможно, работали на золотых приисках Мидиана.

Часть № 3 исправляет профессора де Гехе, М. Фаньяна и меня в наших нескольких объяснениях *Цигане*. Преувеличенная ценность, приписываемая месье Полем Батайяром его собственному "типичному доказательству и материальному подтверждению всей его системы", по-видимому, помешала его откровению; и он настаивает на этом наивно, как если бы это было доказательством Священного Писания. Его почтенное "гипотетическое происхождение" следует искать в корне *chínáv*, означающем колоть, кидаться, драться, резать, убивать, писать и выделять слюну. Оно сохранилось в слове *Sagaie* или *Zagaie* (наш *ассегай*): последнее, разделенное надвое, содержит первую часть, похожую на *nasag-itta*, и вторую, похожую на *gais* (*Gœ-sum*), тяжелое галльское копье с зазубринами; в целом оно напоминает амазонский сагарис, топор.

Во имя Пророка —фиги! Эта фантазия, как обычно, предваряется целой страницей дискурсивных материалов. Показан испорченный ромейский [греч. *κατζίβελος*: *кацибелос*], "мастер дротиков", используемый византийским поэтом середины четырнадцатого века = Сигинос = *Цигане*. Килинджиридес, греческая форма турецкого килидж-джи, или мастер меча, -

это то же самое слово. Позвольте мне здесь отметить, что “чисто турецкий термин Калджи”, все еще используемый на Родосе, - это не то же самое, что Килидж-джи; это незаконнорожденное соединение арабского и турецкого каладжи, жестянщик. Таковы некоторые лингвистические блуждающие огоньки, которые, боюсь, обычно вводят в заблуждение наших критиков.

Теперь я должен рассмотреть происхождение искаженного “типичного термина” Циган, который месье Поль Батайяр превратил в “общее название”. Старые и устаревшие производные от *зингаро*, которые с различными модификациями преобладают по всей Европе, следующие. [138] Сига или Сига, морской порт Мавритании Цезариенской, или река Сига или Киджа, упомянутая Луканом; маг Синеус; Зевгитания Региональная (Zeugis); Сингара, месопотамский город; Зигера, фракийское поселение; зинганы, племя, населяющее дельту Инда (?); провинция Зигир в Малой Азии; и “птица *Cinclo*” (мотацилла или трясогузка), “бродячая птица, которая не строит гнезда”, и поэтому дала начало термину Cinli или Cingary. Менее абсурдным является происхождение от Сингуса, или Чингуса, вождя орды при “Тамерлане”, который нанимал этих людей не в качестве комбатантов, а сопровождающих лагерь и для вывоза поездов [139] (1401 г. н.э.). Арабшах, биограф великого татарского эмира, рассказывает об уловке, с помощью которой в 1406 году н.э. он избавил свой город (Самарканд) от мятежных зингаросов; и рассказ об этой расе показывает определенное сходство с цыганами. Следовательно, вероятно, Заимствование (*Цинкали*) сообщает нам, что “восточных цыган называют зингарри”. Это слово совершенно неизвестно в Турции и Персии. В 1402 году они сопровождали султана Байезида во время его вторжения в Европу вдоль Дуная и таким образом обосновались в Болгарии и Старой Сербии.

Что мы знаем наверняка, так это то, что цыгане были известны в Персии с незапамятных времен как чинганех, [персидский: چنگانه]. Профессор де Годже пишет слово Tsjengán (Ченган) и объяснил бы его персидским множественным числом от слова Tsenj, музыкант, танцор. Предназначено ли это слово для обозначения чанга, арфы, или для занга, по-арабски Зандж, кало, “черный человек”, как до сих пор называют цыган в Англии? Чинганех в Сирии становится джинганехом, у семитов нетch; и этот термин теперь применим не к цыганам вообще, а к небольшому и особому племени. Греческие и ромейские [греч. ατζιγγανος: Ацинганос] и [греч. αθιγγανος: Атинганос] искажения Чинганеха, как мы видели у Ацинкана, в Константинополе столь же древние, как и в одиннадцатом веке. В турецком языке это слово пишется как в персидском, но произношение меняется на Chingyáneh; М. Паспати использует Tchinghiané, турецко-французское искажение, с e = eh. Отсюда, очевидно, венгерский чиган (Czigany, Czigányok, Czingaricus и т.д.) и трансильванский чингани, который встречается в писаниях пятнадцатого века; первый, очевидно, породил бастарда м. Батайяра *Цигане*. Поляки превратили Чинганех в Циган (Cyganaeh, Cyganskiego и т.д.), а русские - в Зиган. Здесь мы видим итальянские Чиано, Чингано и Зингано, более старые формы Зингаро и португальское сигано.

Испанское Zincali образовано путем заимствования двух цыганских слов, означающих “Kále” (черные люди) из Зенда (Sind или Ind), что является совершенно неприемлемой теорией. Иберийский гитано, ныне порицаемый термин, вероятно, является пережитком расового названия, а не искажением более древнего египетского, баскского Egirscioas. Последнее, очевидно, от Aigryptos, египетский “египтянин”, само по себе является искажением Kupt, [персидский: كبط], на современном языке копт. Поэтому турки также называют своих бродяг

Купти или Гупти. Следовательно, также [греческий: γυφτος: Gyphtos] на ромейском языке безразлично относится к цыгану или кузнецу, и, следовательно, наконец, к нашему Gypsy, которое должно произноситься с твердым *gi* писаться как у старых авторов Gypsy. Все четыре происходят от другого корня, египетского.

Что касается немецкого Zigeuner и его более старых форм Secane и Suyginer (пятнадцатый век), профессор де Гехе вывел бы его из Сикари (Syikári), как он пишет Shekári, охотник, что очень напоминает нам ту дикцию, которая путает "креветку" с "креветкой". Это слово означает странник и, по-видимому, происходит от корня, который дал нам *zig*-заг. Голландцы называют этих индейцев *Heiden af Egyptiër's*; французы *Egyptiens*, но предпочтительнее *богемцами*, показывая то, что, по их мнению, было последним пристанищем племени перед тем, как оно перешло в Западную Европу. Любопытная ирония судьбы соединила в галльском сознании старую землю Бойи со всем, что является диким и неустроенным, в то время как ее сыновья - самые чопорные представители *класса* австро-германской нации.,,

Немало комментаторов Библии[140] считали цыган тем "смешанным множеством", которое так много сделало для романтической этнологии. Нам говорят, что эта смесь, еврейское *хасафсуф*, соответствующее арабскому *Хабаш* (абиссинский), "также вышла вместе с евреями из Египта". Ученые добавляют, что они двинулись на восток, в Индию, стали настоящими арийцами, вернулись по своим следам в Мисраим, два Египта, верхний и нижний, и оттуда распространились по Европе.

Для первого набора слов, *включая* цигане, я считаю, что источником является Чинганех, признавая в то же время свою неспособность определить корень или историю слова. Что касается второго, чьим типом является гитано, я думаю, вполне вероятно, что странники могли изменить свое расовое название *джат* и прилагательное *джатани* на подобие *египетского* в то время, когда они выдавали себя за потомков древних обитателей Нила и говорили на египетском (коптском) диалекте. Юго-славянские языки изобилуют подобными примерами обращения, местные и значимые термины часто применяются к более старым терминам завоеванных или оккупированных стран. Например, *Орисина*, римская станция близ Триеста, стала *Набресиной* от na-brek = ad montem.

Возвращаясь к месье Полю Батайяру, мы находим, что он заявляет, что цыгане в целом являются хамитами (потомками Хама!), и особенно кушитами, "которые достаточно долго жили под властью ариев в регионе Инда, чтобы *утратить свой кушитский язык* и усвоить арийский диалект". Это грандиозное утверждение, сделанное как бы небрежно и без указания своего источника, достойно восемнадцатого века и его "смешанного множества", заимствованного из Книги Исход. Чему научились Грузчики (*Geschichte d. Финисье*) о "кушитах" говорили, что родом из Индии, в доисторические времена они мигрировали на запад, объединились с семитами и стали народами, говорящими на таких ариосемитских языках, как египетский и коптский, химьяритский и гизский. Верить в то, что это также было историей цыганского движения, значит утверждать, что, в то время как другие "кушиты" изменили свое телосложение и моральный дух, свои глаза и волосы, скулы и фигуры в целом, цыгане остались чистокровными индийцами без малейшего следа другой крови.

Несколько слов здесь об этой "кушитской" теории, которая была принята людьми такого калибра, как Генрих Бругш-бей. Это, по-видимому, просто институт экономии труда, фактически то, что алгебраисты называют *предположением in incogniti*, чистым предположением, которое

избавляет от усилий по выяснению происхождения так называемых ариосемитских рас. Эти кушиты, кем они были? Где они упоминаются в истории или легенде как эмигранты с равнин Индостана в северо-восточную часть Африки? Какие следы они оставили на долгом пути через Западную Азию, соединяющем Инд с Нилом? Как получилось, что, не отметив свой исход ни единым признаком цивилизации, они сразу же начали высекать обелиски и возводить пирамиды в своем новом доме, *шедевре* художественного Египта золотого века? На подобные возражения ответа нет.

В части № 4, завершающей статью, М. Поль Батайяр пытается согласовать свой “основной тезис” со взглядами М. де Гехе. Лейденский профессор полагает, что первые колонии джатов были основаны персами и арабами в седьмом веке; и М. Фаньян также говорит о надписях буддийскими иероглифами, повествующих о джатах в четвертом и пятом веках. Название племени, искаженное арабизацией, встречается в “Канале Зотт” (Zutt) близ Вавилона и в “земле Зотт”. Семьи “зоттов” были переселены в сирийскую Босру, Бостру или Старый Дамаск во время первых мусульманских завоеваний в седьмом веке (около 670 г. н.э.), а не в девятом (855 г. н.э.), как определил наш автор. Около 710 г. н.э. “зотты” и индейцы были переведены с Инда на Тигр (Хузистан); а между 714 и 720 г.н.э. определенное количество было отправлено с их четырьмя тысячами буйволов — “которые заставляют львов летать (!)” — колонизировать области Антиохии. Возможно, отсюда и название большого племени, известного в Египте и других местах как “Эль-халеп”, или “хелеби, алеппинцы”. Они стали достаточно могущественны в своих новых владениях, чтобы бороться с халифатом до 820-834 гг. н.э., когда они были покорены, и около двадцати семи тысяч человек были переселены в Багдад. Оттуда их отправили на северо-восток в Ханикин и на запад в Айин-Зарбу (?) в Сирии, место, впоследствии (855 г. н.э.) захваченное византийцами; и, наконец, “зотты” и их имущество были увезены и рассеяны по всей империи.

Пока все идет хорошо. Но наш критик добавляет к рассказу профессора де Гехе всадника. Он признает, что эта раса, зотты или джаты, возможно, превратилась в цыган — что нетрудно, поскольку они были цыганами. Но он утверждает, что они составляли слабое современное дополнение к его “кушита́м”, к расе, которая была представлена *ab antiquo* сикани и синти *et hoc genus omne*.

Далее позвольте мне *мимоходом* отметить вульгарную ошибку, ныне устаревшую, которая, смешивая хинди с урду-забаном или диалектом кэмп,^[141] сделала хинди убогим современным языком, хотя его литература так же стара, как самые ранние английский и французский. И здесь мы можем отметить, что, хотя *ромни-тибский* с точки зрения лексики является сестрой хинди, грамматика существительного с сохранившимися регулярными падежами относится к более отдаленной эпохе. Частично это пракрит, частично синдхи, диалект, многочисленные резкие согласные которого заставляют нас подозревать, несмотря на доктора Трампа, неарийский элемент. Помимо доисторического заселения трансиндийских регионов индо-скифами, отмеченного во времена Александра, мы находим еще одно, относящееся к гораздо более поздним временам. Бактрийское царство, ставшее независимым через шестьдесят девять лет после смерти великого македонянина, просуществовало сто тридцать лет и было разрушено примерно в 126 году до н.э. “белыми гуннами”, китайскими татарами, переправившимися через Яксарт. Следовательно, возможно, дравидийские брахины все еще обитают среди арийского населения. Очевидная аномалия, заключающаяся в том, что дикие и бродячие цыгане сохранили в Европе древние формы, которые вымерли на старой родине, уже была учтена; я

также могу причислить к причинам сохранения полное отсутствие письменности, что также доказывает раннюю дату исхода цыган.

§ 4. “Notes et Questions, etc.,” “Sur le mot Zagaie, etc.”

Я рассматриваю номера 4 и 5 не по порядку даты, потому что они являются простыми иллюстрациями к номерам 3 и 6. Из первого мы узнаем, что, когда французы оккупировали Алжир в 1830 году, они обнаружили, что город и его территория частично заняты цыганами, которые не смешивались с арабами или кабилами (Kabáíl или племенами), с евреями или европейцами. Они говорили на своем родном языке, и их часто навещали их сородичи из Венгрии и других частей Европы. Предполагается, что эти цыгане, возможно, пришли из Испании и, возможно, что они двинулись на восток из Марокко, поскольку в Блиде проживает много представителей этой расы. Вопрос становится интересным, когда мы обнаруживаем, что египтяне *гхагары* утверждают, что они эмигранты с Запада. По словам библиотекаря Алжира, покойного М. Бербрюгера в 1846 году, они были известны как Guesáni, произносится как G'sani или G'záne (Геззани), женское число единственного числа - Gezzána (Геззанех).^[142] Здесь, конечно, М. Поль Батайяр без труда обнаруживает через Дзану и Цана “искажение истинного имени *Цигани* или *Чингани*”. Я бы заметил, что последняя форма, сохраняющая гнусавость оригинального “Чинганех” и арабизированный “Джинганех”, гораздо предпочтительнее изуродованного “*Цигане*”, принятого впоследствии (1875 г.) с такой помпой и таким размахом труб.

Семья, выселенная из дома на нынешней улице Шартр, была найдена лежащей на соломе в окружении человеческих черепов, змей и других орудий их труда. Будучи изгнанными, они шумно угрожали своим обидчикам всевозможной чертовщиной, но, как обычно, в конце концов подчинились. У мужчин, по-видимому, не было занятий; женщины обычно бродили по улицам небольшими группами, обычно матрона, за которой следовали четыре или пять девушек, крича: “Геззане! кто хочет знать будущее?”^[143] Дурке,^[144] или прорицательница, носила бубен; и при гадании она помещала на головку своего барабана немного квасцов и древесного угля, а также камешки, бобы или зерна пшеницы и ячменя; они представляли “стихии”, воду, огонь и землю, показывая таким образом, что процесс был грубой формой арабского ритуала. геомантия. Иногда “спа-жена” делала пассы над головой консультанта, держа в руке кусок сахара; это напоминает нам о магах Марокко и Египта и их загипнотизированных “ясновидящих”. Между 1837 и 1838 годами эти цыгане удалились в Сахару, или пустыню, и теперь они посещают город только караванами. Их женщины, татуированные и раскрашенные, как бедавийя, обычно одеты в лохмотья и украшены обычной мишурой, кольцами и гирляндами.

Интересной темой, но отнюдь не легкой в обращении, был бы орден дервишей, известный как Айссава, также “называемый *Адра*, по названию одного из их фестивалей”.^[145] На них обратили внимание множество авторов, один более невежественный, чем другой. Эти люди, вероятно, цыгане, если судить по аналогии с дервишами рифаи, которые будут замечены при входе в Египет. То же самое можно сказать о Наилет, Альме (Álimeh) или танцовщице из Алжира, которая присоединяется к Аулад Наил^[146], крупному и богатому племени бедавинов, населяющему внутренние регионы. Точно так же цыгане наваара, живущие дальше на восток, происходят от народа Бени навар. В молодости эти налетчицы выставлены на всеобщее обозрение, но в последующей жизни они становятся верными женами; то же самое говорят о

египетских гагарах и нач-девушках Индии. Согласно одному авторитетному источнику, среди мозабитов есть два или три цыганских племени, которые живут за счет проституции своих женщин в караванах. Любопытно сравнить строгое целомудрие цыганских девушек в Англии и Испании, да и в Европе в целом, где ошибка привела бы к неминуемой смерти, с их раскованностью в жизни в других местах. Но Рома - эторасовый курьез для зазывал, и от него можно ожидать обеих крайностей.

Остается только рассмотреть статью № 5, в которой обсуждается происхождение слова Zagaie или Sagaie, испанского и португальского Azagaia, небольшой разновидности мавританского копья, которое мы называли assegaí, перенося его на метательный дротик расы басету или кафиров. Мы видели (§ 3), что месье Поль Батайяр дал этому термину таинственное расовое название *Tsigane* (Чингане), и нет причин повторять то, что было сказано о его происхождении. Мы можем принять его изречение: “Есть слова, история которых, если бы их знали, пролила бы яркий свет на человеческие миграции и родство народов в очень древние века”. Но здесь вместо освещения мы находим внешнюю тьму. Сравнение Загайе, Гезума и Гайса достаточно неудачно; но еще хуже переносить асsegай в южноамериканскую речь. Демерсей, описывая парагвайское племя “пайагас” (пайагуа, или индейцы-каноз), называет их копье *пагайе*, “которое, - замечает наш автор, - мне, по-видимому, позволено отождествлять с сагайе”. Это опять же трансцендентальная этимология, применяемая к этническому злоупотреблению. Пагаи здесь - это просто популярное европейское, и особенно французское, искажение такапе или тангапе, паддл-дубинки из железного дерева, заточенной как меч и используемой всеми морскими племенами Восточной части Южной Америки. Наконец, корик, мехи, называемые так цыганами Малой Азии, - это *нетурецкий* язык, а искаженное арабское Kor.

На этом заканчивается мое подробное ознакомление с четырьмя статьями М. Поля Батайяра; хотелось бы надеяться, что нововведения, внесенные в них, оправдают объемность.

СНОСКИ:

[106] Ниже приведены его рекламируемые работы; он любезно снабдил меня копиями всех, кроме первых двух, которые вышли из печати:

1. *De l'apparition et de la dispersion des Bohémiens en Europe*. Перепечатано из Библиотеки Академии художеств, 1844, в 8 экземплярах по 69 страниц; и снова в 1849 году М. Франком. Я понимаю, что в этой, своей первой статье, автор знал “Зотт”, но проигнорировал “Джаты”.
2. *Nouvelles Recherches sur l'apparition des Bohémiens en Europe (particulièrement dans l'Europe Orientale,—avec un appendice sur l'arrivée de dix ou douze mille Louri, Zuth, ou Djatt en Perse entre les années 420 et 440)*. Из той же библиотеки, 1849 г., в 8 экземплярах по 48 страниц, *petit travail* (как называет это автор), содержащий его первое упоминание о джатах.
3. *Les derniers travaux relatifs aux Bohémiens dans l'Europe Orientale*. Из “Крмического ревью”, том II пятого года (1870-71). Перепечатано Париж: Франк, 1872. В обращении с цыганами джаты теперь становятся важным элементом.

4. *Notes et questions sur les Bohémiens en Algérie*. From the Bulletin of the *Société d'Anthropologie de Paris, Séance du 17 Juillet*, 1873. Перепечатано в Париже: А. Хенмейер, 1874.

5. *Sur le mot Zagaie ou Sagaie, et accessoirement sur le nom du soufflet de forge primitif*. Из Бюллетеня Общества антропологов Парижа, Сеанс 21 мая 1874 года.

6. *Sur l'origine des Bohémiens ou Tsiganes, avec l'explication du mot "Tsigane."* Lettre à la *Revue Critique*. Париж: Франк, 1875. В этой последней публикации критикуется мое отождествление цыган, джатов и т.д.

[107] *Embéo e Majáro Lucas u др.*, ныне редкие. В этой версии сохранены многие испанские слова, использованные падре Сцио, вместо преобразования их в чистый "цыганский". См. Заимствование.

[108] Например, когда заимствование заставляет Чай обозначать людей Египта или сынов Неба, когда оно просто обозначает детей, являясь диалектической разновидностью хинди Чокра, Чокри.

[109] Вторая "Циганида" находилась в руках покойного М. Пьера Ассаки, возможно, сочиненная одним из его родственников.

[110] Ром (мужчина), маск. петь.; Рома (мужчины), маск. множественное число. Ромни, Romniá, женщина, женщины; Romaní, прилагательное, принадлежащее мужчине. Отсюда наши фразы "ромовый парень" и "возня ромманов". Lom - это просто популярное неправильное произношение Rom, а Ro - вульгарная аббревиатура. Последнее слово я бы вывел из коптского [греческого: ρωμε: rôme] (romé), мужчина.

[111] Языковая связь, возможно, была преувеличена М. Александром Г. Паспати, *Этюд о Чингисханах в Богемии Османской империи* (Константинополь, 1870) и другими, где они утверждают, что "вся история человеческой расы существует без сына". идиома."

[112] Поскольку у всех евреев есть особые еврейские имена для синагоги, помимо известных миру нееврейских фамилий, цыгане также являются бинаминальными. Таким образом, Стэнли - это Бар-энгры (каменные парни); Куперы - Вардо-энгры ("любители колес", бондари); Херны - Балоры (волосистые парни); Смиты - Петул-энгры ("любители подков", кузнецы); а Ловеллы - Камо-мескры (влюбленные парни). Посмотри на *Цинкали*.

[113] Геты, готы.

[114] *История Синда*, стр. 246, 247 и Примечания, стр. 411; *Наука, или Несчастливая долина*, Том II., стр. 116-19; *Журнал Бомбейского азиатского общества*, стр. 84-90; без включения грамматики и словаря.

[115] *Скинд, или Несчастливая долина*, Том II., стр. 116-19.

[116] Ссылается главным образом на личные наблюдения капитана Постанса о Scinde, глава iii.

[117] Оба этих утверждения были изменены последующим опытом. Джаты не иммигранты, и их язык не является искаженным панджаби. Он связан с синдхи; но ему недостает тех

хитросплетений и трудностей, а также того изобилия грамматических форм, которые, отличая последний от его пракритских сестер, делают его столь ценным для филологического сравнения неоарийских языков. Народный язык долины Синд сохранил многие формы, которые мы тщетно ищем в его родственных языках, и он заметно более свободен от иностранной примеси, чем любой другой из североиндийских диалектов наших дней - панджаби, хинди и бенгали. Фактически, он оставался относительно устойчивым к той первой стадии разложения, которая атаковала Праkrit древних. Следовательно, доктор Трамп (*лок. цит. по*) считает его непосредственным производным от *апабхраниши*, которое древние грамматисты ставили ниже всего в шкале пракритской речи. “В то время как все современные наречия Индии, - говорит он, - уже настолько деградировали, что почтенный родной язык (санскрит) едва узнаваем в ее выродившихся дочерях, синдхи, напротив, сохранил наиболее важные его фрагменты и создал для себя грамматическую структуру, которая намного превосходит по красоте исполнения и внутренней гармонии свободные и уравновешенные построения своих сестер”.

[118] Каждый наблюдатель замечал цыганский взгляд, который как бы закрывается, как только владелец устаёт или *скушает*; у него также замечательный “отстраненный” взгляд, как будто он смотрит поверх вас. Борроу (*The Zingali*) описывает это как “странный взгляд, не похожий ни на что другое в этом мире”. И снова он говорит, что “тонкая глазурь покрывает его в состоянии покоя и, кажется, излучает фосфоресцирующий свет”. Это, безусловно, поразительный контраст с маленькими глазами еврея с толстыми веками, косыми свиными чертами лица китайца и продолговатым зрением древнего Египта, которое в профиль выглядит как анфас.

[119] На языке джат а Каум - это клан.

[120] Выделенные курсивом слова приведены во втором издании.

[121] Автор этой хорошо известной персидской истории Синда утверждает, что джаты и белучи произошли от одних и тех же предков.

[122] Я не могу не подозревать о некоторой связи между названием цыганского племени и именем графов Сапари, одного губернатора Фиуме, а другого командующего *армейским корпусом* в Боснии.

[123] *Вечный зов в Европе*. Ein Vortrag von Carl Hopf. (Gotha, 1870.)

[124] *Des Bohémiens et de leur Musique en Hongrie*. (Париж, 1859.)

[125] Буквально - потомок Лота; в народе - распутник, хам.

[126] [Арабское слово - [арабский: *العود*] которое в настоящее время транслитерируется как Эль—` Уд.-Расшифровщик.]

[127] *Ueber die Mundarten und Wanderungen der Zigeuner Europa's*. Von Dr. Franz Miklosich Denkschriften der k. Akademie der Wissenschaften. (Wien, 1872-77.)

[128] *Этюд и др.*, стр. 15; см. также *Derniers Travaux*, стр. 37.

[129] [Хотя Варввара [санскрит: *वर्वा*] - это то, что появилось в оригинальной книге, в некоторых формах письма крест на нижнем круге обычно опускали, поэтому Барбара

[санскрит: षड्ढ]также возможно. В хинди—Википедии искомое слово указано как *Barbara* [Санскрит: षड्ढ].-Переписчик.]

[130] Здесь смягченное французское произношение проявило себя наихудшим образом, полностью денатурировав персидско-арабское слово.

[131] [Текст расшифрован так, как он был в оригинальной книге. Однако *Sín* на арабском и персидском языках пишется [Арабский:].—Транскрибатор.],,

[132] [Санскрит транскрибируется так, как написано в книге. Однако это слово будет транслитерироваться как *Naṭ A. Nath* будет [санскрит: षड्ढ—Переписчик.]

[133] *Aziat. Res.*, VII. 451.

[134] *История Георги*, Часть I., стр. 338. Современные армяне называют цыган боша, возможно, от Бокча, которым русские цыгане обозначают Венгрию.

[135] Я немало удивлен, увидев такого ученого, как мистер Гладстон, заявляющего, что “Кадмос означает чужеземца” (*Гомер: Букварь.*). Месье Фрере (*Canon Chronologique*) предполагает, что “Старец” с его шестнадцатью буквами поселился в Беотийских Фивах в 1590 году до н.э., или примерно за полтора столетия до основания Трои (1425 год до н.э.).

[136] “Бронзовый век”, *Revue des Deux Mondes*, 15 июля 1877г.

[137] [Глава xxxi. 22.]

[138] Заимствовать; *El Gitanismo*.

[139] Тамерлан — это испорченный нами Таймур -то есть длинный, хромающий Таймур. Цыгане называют Асмодея Бенги ланго, хромого дьявола, дьявола на двух палках. Немало венгерских чинганей сопровождали наполеоновские армии в Испанию.

[140] Например, Робертс об Иезекииле (гл. xxix. и xxx.).

[141] В Италии сформировался урду-Забан, где солдаты, набранные из множества провинций, каждая из которых говорит на своем собственном диалекте, не говоря уже о *патуа*, выработали особую речь. Офицеры обязаны изучать этот “пиджин-итальянский”.

[142] Множественное число женского рода не приведено; по аналогии можно предположить, что это Ганазине.

[143] Тот же клич, который использовали египетские цыгане: смотрите Заметки фон Кремера.

[144] Буквально - дальновидящий. Персидское слово *dúr*, далекий или отдаление, зародыш. *dort* и англ. *forth* широко используется в хиндустани, а его составные формы часто встречаются в турецком языке.

[145] Ид эль-Зуха, он же Курбан Байрам, фестиваль ежегодного паломничества в Мекку.

[146] [Арабское слово — [Арабский: أَوْلَا د], которое в настоящее время переводится как *Ouled Ná'il*.-Расшифровщик.]

Часть II

ТОПОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ЦЫГАНАХ И ДЖАТАХ

ГЛАВА IV

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР ЦЫГАН В ЕВРОПЕ

Прежде чем перейти к топографической части моего предмета, возможно, было бы неплохо кратко ознакомиться с историческими свидетельствами о ромах, населявших Европу в пятнадцатом и шестнадцатом веках. Греллман, классик в области “Хинганологии”,^[147] доказал, что последнее переселение в Западную Европу началось не из Богемии, а из Венгрии и прилегающих стран, включая (Старую) Румелию и Молдавию. В 1417 году около трех тысяч человек поселились в Молдавии, в то время как в конце того же года орды татар, так тогда называвшихся, появились перед воротами ганзейских городов на балтийском побережье, сначала Люнебурга, а затем Гамбурга, Любека, Висмара, Ростока и Штральзунда.^[148] В следующем году они мигрировали в среднюю Германию, в Мейсен, Лейпциг и Гессен; и вскоре повернули свои стопы в сторону Швейцарии, войдя в Цюрих 1 августа 1418 года. Там они разделили свои силы. Один отряд пересек Ботцберг и внезапно появился как “сарацины” перед провансальским городом Систерон. Основные силы, возглавляемые “герцогами, графами и отрядом рыцарей”,^[149] повернули к Эльзасу, прорвались через Страсбург и остановились под стенами Нюрнберга.

Нелегко определить дату их прибытия в Испанию, где они, возможно, жили в гораздо более древние времена; действительно, в XV веке в народе считалось, что местом их рождения был Пиренейский полуостров.^[150] С другой стороны, многие испанцы считают их немцами и называют их язык “Германия”, цыганский немецкий.

В 1433 году они вторглись в Баварию, а оттуда распространились по Германии, Дании и Швеции.

Их первое появление во французском христианском мире, по-видимому, произошло, когда племя из ста тридцати двух душ под предводительством “герцога”, “графа” и десяти “рыцарей” напугало жителей Парижа 17 августа 1427 года. Паскье, очевидец, который фиксирует прибытие этих “кающихся христиан” в Париж, где они поселились в Ла Шапель, за городом, наделяет их уродливыми чертами лица и жесткими черными волосами.^[151] Если он прав, то орда либо долго жила в Африке, либо имела сношения с неграми и негроидами. Нет более постоянной характеристики современного цыгана, чем его глаза, чем длинные, жесткие, черные индо-татарские волосы.

Из старой работы[152] похоже, что цыгане переселились в Англию около 1500 года, хотя это точно неизвестно. Писатель в своей книге, опубликованной в 1612 году, говорит: “Такого рода люди около ста лет назад начали собираться в южных краях. И вот что, как мне сообщили, и я могу заключить, было их началом: некоторые египтяне [*так в оригинале*] изгнали свою страну (вероятно, не из-за своего хорошего положения), прибыв сюда, в Англию; которые за причудливые уловки и устройства, не известные здесь в то время среди нас, были почитаемы и вызывали большое восхищение; настолько, что многие из наших английских бездельников присоединились к ним и со временем научились их хитрому обману. Речь, которую они использовали, была правильным египетским [*так в оригинале*] языком, с которым наши англичане, общаясь, по крайней мере, выучили свой язык ”.

Впервые мы слышим о них в Италии в начале пятнадцатого века. 11 июля 1422 года орда численностью не менее ста человек во главе с “герцогом” разбила лагерь перед Болоньей, проходя мимо Форли, куда, как утверждали некоторые из них, они прибыли из Индии. В Болонье эти “кроткие индусы” заявляли, что им предстоит искупительный визит к папе римскому.

В других местах они стали “кающимися”, которые, изгнанные сарацинами из своих домов в Нижнем Египте, признались в своей святости и были приговорены к семи годам скитаний и рассеяния в качестве епитимьи. Так пало на их головы преступление тех “порочных язычников”, их предков, которые отказали в глотке воды Деве с Младенцем, спасавшимся от гнева Ирода. Это было всего четырнадцать столетий спустя, и мы знаем, что *lenta ira deorum est*. О них было процитировано сорокалетнее рассеяние Иезекииля: “И сделаю землю Египетскую пустынею посреди стран опустошенных, и города ее среди городов опустошенных будут опустошаться сорок лет; и рассею египтян по народам, и рассею их по странам” (xxix. 12). Были также вспомнены грозные изречения пророка против древних египтян, которые были “тростниковым посохом дома Израилева”, чтобы объяснить их рабство и бродяжничество. Поэтому некоторые заявляли, что жестоко обращаться с этими псевдопилигримами - греховно.

Цыгане отправились в Рим и получили папскую охранную грамоту через двадцать лет после своего первого появления в Болонье. Лицемерная легенда обеспечила им пропуски и паспорта от европейских держав, которые в то время были вовлечены в опасные Османские войны. Их более или менее поддерживали император Сигизмунд и епископ с тем же именем, которые в 1540 году н.э. в Фюнф-Кирхене использовали их для литья чугуна и пушечных ядер в пользу турок; Ладислас II, король Венгрии, и другие властители. Цыгане, несомненно, подражали евреям в том, что они стояли между двумя воюющими сторонами и предавали их обоих ради своей собственной выгоды; и это, несомненно, было частью причин преследований, которым подвергались две рассеянные расы. Чисто религиозные движения такого рода редки в истории; но они многочисленны, когда религия смешивается, как это всегда было и всегда будет, с политикой.

Вскоре общественное мнение изменилось, и наступила естественная реакция. Лоренцо Пальмирино, 1540 г.н.э., заявил в одной из своих книг “что цыгане лгут”, и жизнь, которую они вели, была жизнью не кающихся, а “собак и грабителей”. Теперь они были обвинены во всех преступлениях средневековья — шпионаже в пользу неверных, поджогах, профессиональных отравлений и других формах убийств, каннибализме, колдовстве и ворожбе, хулении Бога и святых и личном общении с отвратительным дьяволом в облике серой птицы.

В 1499 году, вскоре после учреждения Святой Канцелярии в 1481 году н.э. и изгнания евреев в 1492 году н.э., “Великий прагматик”, подписанный Фердинандом и Изабеллой в Медина-дель-Кампо под влиянием Хименеса де Сиснероса, архиепископа, который позорно порвал с маврами Гренады, официально атаковал расу бродяг.[153] Он постановил, что египтяне и пришлые ремесленники, *кальдереро*, должны поселиться в качестве крепостных на шестьдесят дней, а по истечении этого срока покинуть королевство под угрозой суровых личных наказаний. Этот указ был продлен при Карле V. Кортесами Толедо в 1523 году и Мадрида в 1528, 1534 и 1560 годах с условием, что “те, кого в третий раз уличат в бродяжничестве, должны стать пожизненными рабами своих похитителей”. При робком Филиппе III в 1619 году профессор теологии Толедского университета доктор Санчо де Монкада обратился к королю с речью, оправдывающей массовое истребление представителей расы, даже женщин и детей, словами: “Ни один закон не обязывает нас растить волчат”.

Следуя примеру католических королей, Аугсбургский сейм 1500-1548 годов, отменив все предыдущие уступки, изгнал цыган из Священной Германской империи на аналогичных условиях. Этот указ также был возрожден в 1530, в 1544, в 1548, в 1551 и в 1577 годах, в последний раз подтвержденный полицейским постановлением во Франкфурте. В 1545 году Верховный трибунал Утрехта наказал цыгана, не подчинившегося указу о ссылке, поркой до крови, разрезанием ноздрей и бритьем головы, прежде чем его отвезли на границу.[154]

В Англии либерал и протестант Генрих VIII.[155] санкционировал Акт парламента о преследовании цыган до истребления; и он был возобновлен Филиппом, Марией и Елизаветой.

Французский король Франциск I последовал примеру своих соседей и при Карле IX. преследование было возобновлено Генеральными штатами, собравшимися в Орлеане в 1561 году, которые издали декрет об истреблении с помощью стали и огня. Другой подобный эдикт появился в 1612 году. Карл V, помимо своих прокламаций в Испании и Германии, приговорил цыган Нидерландов к зачислению в армию под страхом смертной казни, и это было подтверждено Генеральными штатами в 1582 году. Фанатичная Польша в 1578 году издала закон, запрещающий гостеприимство цыганам и изгоняющий тех, кто их принимал. Пий V проявил себя столь же бесчеловечно, и цыгане были изгнаны из герцогств Пармского и Миланского, из Венецианской республики и Датского королевства. Швеция отличилась самыми суровыми законами о высылке в 1662, 1723 и 1727 годах.

Из-за этого варварства возникла поговорка цыган: “Закон короля уничтожил закон цыган”. Последнее заключалось в верности друг другу; кодекс содержал только три заповеди, из которых первые две были адресованы женщинам:

“Ты не должен отделяться от рома (цыганского закона)”.

“Ты должен быть верен своему Отцу”.

“Ты заплатишь свои долги римлянам”.

Эти драконовские законы против цыган отмерли в ходе развития цивилизации и получили смертельный удар от рук великой и славной Французской революции 1789 года.

Теперь я предлагаю собрать серию заметок на тему цыган и джатов, которые нелегко достать студентам; многие взяты из книг, малоизвестных широкой публике, и немало таких статей собрано мной. И с целью навести некоторый порядок в разбросанных племенах мы начнем с самого дальнего Востока, со старой родины.

СНОСКИ:

[147] *История Богемы*, французский перевод 1810 года.

[148] “*Эдинбургское обозрение*”, “Происхождение и странствия цыган”, июль 1878 г., поддержало мнение Ф. Батайяра о том, что между 1417 и 1427 годами в Европе был единственный скаутский отряд.

[149] [“Они появлялись в различных отрядах под командованием вождей, которым они признавали повиновение и которые носили титулы герцогов и графов” (*Вайсенбурх*).]

[150] Это мнение опровергается Франциской де Кордовой; однако в “*Истории гитанос*” Дж. Н., опубликованной в Барселоне в 1832 году, прямо говорится, что гитанос, которых он особо отличает от цыган, происходящих от арабских или мавританских племен, пришли с побережья Африки как завоеватели в начале восьмого века.

[151] [Хойланд пишет: “Когда они прибыли в Париж, почти у всех из них были проколоты уши с одним или двумя серебряными кольцами в каждом, которые, по их словам, были уважаемыми украшениями в их собственной стране. Мужчины были черными, их волосы вились; женщины удивительно черными, и все их лица были покрыты шрамами” (*Исторический обзор цыган*).]

[152] Работа S. R. в формате кварто, опубликованная с целью выявления и разоблачения “искусства жонглирования” в 1612 году.

[153] Об особых преследованиях в Испании и Португалии при Филиппе III. (1619), Филиппе IV. (1633), Карле II. (1692) и Филиппе V. (1726), указы которых действовали до 1749 года, см. *El Gitanos*. [“Немецкие писатели говорят, что король Испании Фердинанд, который считал хорошей работой изгнание полезных и прибыльных подданных - еврейских и даже мавританских семей — в гораздо меньшей степени мог быть виновен в неприличии, наложив руки на непослушное потомство цыган. Эдикт об их истреблении был опубликован в 1492 году. Но вместо того, чтобы перейти границы, они лишь прятались в укрытиях и вскоре после этого появлялись в таком же большом количестве, как и раньше” (*Хойланд*).]

[154] [“Даже в наши дни цыганам во многих частях Германии запрещен въезд в город; жители также не позволяют ему жить на улице, на которой они живут” (*Симсон*).]

[155] [“Чужеземный народ, называющий себя египтянами, не использующий ни ремесел, ни торговых подвигов, который пришел в это царство и перешел из удела в удел, с места на место, в большой компании; и использовал большую тонкость и коварные средства, чтобы обмануть людей, держа их в руках, чтобы они с помощью хиромантии могли отличить мужские и женские лица”. состояния; и таким образом обманули людей ради их денег; а также совершили множество отвратительных уголовных преступлений и грабежей” (22 *Генрих VIII*, с. 10).]

ГЛАВА V

ЦЫГАНКА В АЗИИ

§ 1. Панджабские джаты

Мы находим, что джаты хорошо и обильно описаны еще в 1835 году подполковником У. Х. Слиманом.^[156] Он называл их “джатами”, с долгой гласной, и повсюду относился к ним как к индусам низкой касты или, скорее, без касты. Их первоначальная среда обитания находилась на берегу Инда около Мултана, одного из центров индуистской мифологии, а оттуда они распространились по долинам Джамна и Чумбул. Они были попеременно грабителями и мирными крестьянами примерно до 1658 года н.э., когда они ограбили злополучного Дара Шикоха, сына шаха Джехана, Могола. Обогатившись на этом подвиге, они стали знатью и раджами страны; и они тратили огромные суммы на строительство фортов, таких как Бхаратпур, Матрас и Гохуд, и на общественные работы, такие как четырехугольный сад в Диге. Подстрекаемые любовью к завоеваниям и грабежам и объединенные чувством национальности, которое можно назвать патриотизмом, они стали бы, если бы не маратты и англичане, господствующей расой в Индии. Судьба, однако, была против них, и те, кто жил между Индом и Джамной, объединились в нана-шаки, или сикхов. Что касается происхождения его “джатов”, полковник Слиман напоминает нам, что султан Махмуд увез с собой в Индостан в 1011 году н.э. около двухсот тысяч пленных, трофеев своей экспедиции.

Путь новой веры вскоре превратил могущественных подданных и трудолюбивых крестьян в боевую касту, и каждый джат стал солдатом. С другой стороны, те, кто жил вдоль Джамны и Чамбула, никогда не вдохновляясь боевым духом и не объединяясь под началом какого-либо завоевателя, продолжали пахать. Таким образом, внешнее влияние в совокупности сделало джатов беспокойными, и постепенно они направили свои стопы на запад.^[157]

Опять же, Чингисхан в 1206 году н.э. и его потомок Турмахурн, которые в 1303 году н.э. вторглись в Индию и увели множество пленных, возможно, дали толчок движению на запад. Наконец, примерно два столетия спустя, великий Завоеватель, которого Европа, по-видимому, определила под сектантским прозвищем “Тамерлан”, пронесся по Северной Индии в 1398-1400 годах н.э., и его орда, должно быть, вызвала значительное рассеяние более слабых племен.

Здесь я могу заметить, что джаты населяли долину Индии, откуда легко эмигрировать на запад; другие племена, такие как натсы, причудливо связанные с цыганами, ни в коем случае не находились в столь благоприятном положении для исхода. Первоначально цыгане, должно быть, были изгоями, а не индуистскими париями, как некоторые предполагали; хотя они, возможно, позаимствовали у тех арийцев жертвоприношение коня и сожжение мертвых — последний обычай устарел в Европе, и теперь в огонь бросают лишь несколько предметов одежды умершего. У них были слова для обозначения Бога (Deob) и Дьявола (Bad God—Benga), “Джа ли бенга” (Иди к дьяволу) было популярным ругательством. Они не придерживались

алфавита: столь умная раса, несомненно, не утратила бы письменности, и они стали номинальными христианами и мусульманами в подражание тем, среди кого поселились.

Джаты все еще наполовину кочевники, и, возможно, в древности они вели полностью кочевой образ жизни. Они разводят крупный рогатый скот и грубые ветеринары. Они любят музыку, как и все эти расы; и их танцы в точности повторяют танцы египетских цыган, сходство, на котором еще предстоит настоять. Их выплавка железа, как и у племен махабалешвар, точно такая же, как у цыган. Их игра с мечом подобна игре индусов, в то время как цыгане в Шотландии используют прямой удар прямо вперед, [158], конечно, не научились в Индии. Говорят, что деревенские джаты лепят головы младенцам; возможно, идея возникла из-за того, что матери мыли младших детей шампунем. Гадание, по-видимому, произрастает на почве, а хиромантия явно происходит из Индии. Заклинание змей также распространено среди них. Как доказывает их история в Пенджабе, они склонны к грабежу и насилию. Наконец, хотя история страны повсеместно выводит их из Страны Пяти рек, современная дата мусульманских летописей не является доказательством того, что они были расой глубокой древности.

Полагая, что джаты, вполне возможно, вызвали последнюю волну арийской эмиграции, цыган, западный поток, которому, вероятно, предшествовали многие другие, я попытался во время моей последней поездки по Синду весной 1856 года привлечь коллег по работе к иллюстрированию их этнологии и филологии. Способные лингвисты, такие как подполковник Данстервилль, коллекционер Гидрабада, и другие, были готовы помочь мне. Но я был сильно разочарован невнимательностью некоего профессора, который встретил меня в Милане перед моим визитом в Западную Индию и Синд. Он никогда не видел моей Грамматики и словаря, которые он хотел переиздать; но он с энтузиазмом принял мое предложение нанять сотрудников в Долине Инда с целью доказать или опровергнуть его любимую теорию о том, что цыгане - это синдхи, которые долгое время жили в Афганистане. [159] У этого профессора, конечно, не было личного опыта; все, что он написал по этому предмету, было почерпнуто только из теории. Наглядные уроки пока не популярны в Италии; легче посетить верблюда в Ботаническом саду, чем верблюда в пустыне, и мы вряд ли можем ожидать, что *литератор* проявит интерес к сбору новых фактов.

§ 2. Джаты Белочистана.

Следующий интересный отрывок заимствован из "*Страны Белуджистан*", [160] А. У. Хьюза (Лондон, 1877):

Возвращаясь к рассмотрению расы джатов Качх Гандавы, можно упомянуть, что везде, где они встречаются — а, судя по утверждению Массона, их можно увидеть не только в Панджабе и Синде и в странах, лежащих между реками Сатледж и Ганг, но даже в Кабуле, Кандагаре и Герате, — они сохраняют свой местный язык, джатки. Считается, что в этом языке существует множество диалектов, и Мэссон вполне может предположить, что труд рецензирования не будет сочтен совершенно бесполезным. По-видимому, фактом является то, что джаты в некоторых местах сохраняют призвание странствующих цыган, и это особенно заметно в Афганистане; и не исключено, что некоторое сходство в их языке и привычках вполне возможно проследить между ними и бродячими расами Зингари, которые распространены на столь значительной части Европы. Джаты Восточного Качи, предполагаемые потомки древних гетов,

относятся к классу земледельцев и верблюдоводов и отличаются трудолюбием и миролюбием, но подвергаются ужасным нападениям и разграблению со стороны мародерствующих белуджей с соседних холмов. Они, так сказать, исконные жители этого района, ринды,^[161] Белуджи и брауи поселились в стране, по-видимому, совсем недавно. Джаты многочисленно подразделяются между собой, число некоторых племен достигает, как говорят, почти сорока. Некоторые из них известны под названиями Аба, Хаура, Калхора, Хокар, Мачни, Манджу, Палал, Пасарар, Тунья и Ваддера. В общем, все они мусульмане суннитского толка”.

Поскольку ислам утвердился в этих странах до нашего десятого века, а индуизм Нижней долины Инда и Мултана восходит ко временам Александра Македонского, первоначальная эмиграция цыган, в которых едва сохранились следы индуизма, должна была быть либо пришлыми язычниками, либо расой глубокой древности.

§ 3. Персидские цыгане.

Капитан Ньюболд, посетив цыган в Синде, Белочистане и Мултане, нашел их на “великой равнине Персеполя; в цветущей долине Шираз в горах Бучлигар; на выжженных равнинах Даштистана и Халдеи”. Он считает, что их можно проследить до Каспийского моря и, вероятно, далеко за его пределами, а также на востоке до пустынь Герман и Мекран. Они мало влияют на скудную пищу и неинтересную жизнь в пустыне. Совершенно отличные от пасторальных “илият”, бедуинов ближней Азии, туркмен, курдов и других кочевников, которые разбивали лагерь вдали от жилищ оседлых людей, эти племена кочуют из города в город, из деревни в деревню, всегда разбивая палатки рядом с более трудолюбивыми, на чьей доверчивости они частично существуют здесь и в других местах.

Предполагаемые профессии персидских цыган - кузнецы и жестянщики, лудильщики железа, изготовители просеивающих сит, скотоводы и гадалки; они также работают с золотом и подделывают текущие монеты Персии и Турции. Другие - зингары (изготовители седел); и Ньюболд добавляет, очевидно, без достаточных оснований: “Отсюда зингане, курдское племя, предположительно цыганского происхождения, итальянское, испанское и немецкое слово, обозначающее цыган, зингари и т.д.”. Наконец, они продавцы амулетов и снадобий, фокусники, танцоры, шуты и резчики деревянных чаш.

Мастера этих искусств кочуют отдельными группами; но их не следует путать с независимыми племенами бродяг и отверженных из различных племен, которые ведут бродячую, вороватую цыганскую жизнь, но не являются цыганами. Их персидские соседи считают, что они имеют отдельное происхождение; но идентичность черт и языка доказывает, что они принадлежат к одному и тому же роду. Они делятся на два класса: каоли, или гурабти, сирийский курбат и гавбар. Оба имени спорного происхождения, и даже персы и цыгане расходятся во мнениях. Обычно предполагается, что Каоли является искажением Кабули (человек из Кабула). Сэр Джон Малькольм утверждает, что из этого старого и почтенного города Дакрам-и-Гур ввез в Персию двенадцать тысяч певцов и музыкантов; а танцовщиц Персии и по сей день называют Каоли. Говорят, что Хурбат, частью которого является Курбат, предполагает идею странствий. Слово “Гавбар” столь же неясно; оно могло бы означать “тот, кто получает удовольствие от скота”; но персы называют пастуха “Ган-бан”, а не “Гав-бар”. Истинные каоли и Гавбар, которые, как и их братья в Синде, Сирии и Египте, внешне исповедуют Эль-ислам, редко, если вообще когда-

либо, вступают в браки с персами, турками или арабами. И хотя последние считают их отличными от себя по происхождению, фактически индусами, будут ли их жалкие парии, гаобар, претендовать на честь называться сайфидами, или потомками Апостола?

§ 4. Сирийские цыгане.

Согласно Ньюболду, цыгане Палестины и Южной Сирии[162] называются навер; в то время как в Малой Азии и Северной Сирии они называют себя Курбат, Румех и Джингане (Chinganeh). Значение имени Курбат сомнительно, но предполагается, что оно означает только странника из своей страны, чужака, происходящего от арабского корня Гараба, “он ушел далеко”. Два последних термина, которые он носит, относятся к испанским Romani (?) и Zincali, а также к немецкому Zigeuner. Они верны характеру своей расы; они презируют быть пастухами или землепашцами; и они питаются, как стервятники и падаль, легковерием и суевериями человечества. Отшельники интеллектуального мира, они манипулируют простыми сыновьями и дочерьми городов, притворяясь искусными в оккультизме, особенно в хиромантии. Некоторые из них танцоры и менестрели, в то время как другие торгуют чарами, снадобьями и ядами. Подобно своим английским собратьям, эти мужчины являются глубокими знатоками в обращении с лошадьми, осликами и ловле дичи силками; но вместо того, чтобы мастерить горшки и чайники, они прядут хлопчатобумажную и шерстяную пряжу для своей одежды и палаток, а также плетут и чинят корзины из ивняка. Это, а также изготовление деревянных шкатулок были любимыми ремеслами цыган, когда они впервые попали в Европу.

Зимой они разбивают лагерь на окраинах больших городов, в своего рода наполовину палатке, наполовину хижине, которую легко убирают. В погожие месяцы они выходят на равнины или горы, где осматривают палатки или руины, но никогда не удаляются далеко от мест обитания своей добычи - человечества. Их миграции, если они регулярны, невелики; и они никогда полностью не покидают страну, если только их не прогоняют абсолютные преследования.

Шейх Рассчо, глава алеппских цыган и ответственный за их подушный налог, сообщил Ньюболду, что его племя разделено на тридцать домов, из которых он мог вспомнить названия только двадцати восьми. Приводить эти имена несущественно, но это, очевидно, мусульманские имена мужчин, которые, вероятно, принадлежали к “главам домов”. Старый цыган заявил, что Курбат, Навар, Румели и Чингане были из одной семьи и жили в Сирии и Малой Азии с момента сотворения мира.

Эти люди ничем не отличаются физически от европейских мастеров. У них одинаковые стройные, хорошо сложенные фигуры, рост чуть ниже среднего, смуглая кожа, довольно выступающие скулы и прямые черные волосы. Угол лица скорее индуистский и татарский, чем туркменский, и у них длинные волосы, как у индусов, конский хвост. Темные глаза не являются неизменным явлением; в горах Антиохии их цвет иногда бывает серым или голубым, и то же самое время от времени встречается у арабов Петры и Пальмиры, у сирийцев, зевеков и других народов Малой Азии. Причиной является сильное смешение кровей. Зебеки Смирны теперь назначены представлять бандитские регулярные войска Турции в противовес бандитской полиции. Азиатский цыган обладает также той особенной, неопишуемой внешностью и выражением глаз, которые так сильно развиты у цыган Марокко и мавританской Испании, “чертой, которая, подобно клейму на лбу первого убийцы, клеймит эту замечательную расу по

всему земному шару, и, однажды замеченная, никогда не забывается". 'Дурной глаз' - не последняя из сил, которыми суеверно наделен этот народ; и если есть хоть капля правды в чрезмерных (?) доктринах животного магнетизма, то невозможно представить себе глаз, столь хорошо рассчитанный, обладающий такой мощной магнетической силой".[163]

Никто никогда не видел, чтобы эти цыгане молились или совершали какие-либо религиозные обряды; некоторые из их старейшин, такие как друзья и другие сирийские племена, делают обрезание своим детям и соблюдают внешние обряды Эль-ислама.

Шейх Рассчо мог бы повторить с различными ошибками арабскую формулу веры, опустив вторую половину: "Мухаммад - Апостол Аллаха". Он сказал, что он и его племя признают одно высшее, вечное, всемогущее Существо и верят в существование после смерти, состояние награды и наказания, связанное с метемпсихозом. Он опроверг обвинения, выдвинутые против Курбата сирийцами, мусульманами и христианами в том, что они поклонялись звездам или созидательному принципу под символом. Он также отрицал, что они ненавидели угря и знаменитую черную рыбу из Антиохийского озера, подобно евреям, для которых Закон Моисея, который, кстати, в равной степени обязателен и для мусульман, делает его нечистым, потому что у него нет плавников и чешуи.[164] Ньюболд, однако, был уверен, что курбаты, которые, подобно индийским париям, сдирают кожу с животных, умирающих естественной смертью, пожирают туши всех животных, кроме человека и свиньи.

По словам турок и сирийцев, курбатские девушки не так целомудренны, как их европейские сестры; тем не менее, до свадьбы они носят "лакто дикло", определенную ткань, в знак и в залог незапятнанной девственности, которую разрешается снимать только жениху. Женщины одеваются так же, как представители низших слоев общества в Сирии, но у них больше украшений из серебра и меди, колец в ушах и носу, нарукавников и браслетов, щиколоток и браслетов-брекетов. Они прядут, ухаживают за домашней птицей, утками, кошками и детьми и готовят в точности как английские цыганки. Особенно они предсказывают судьбу, практика которой, ограниченная определенной кастой, но запрещенная для других, кажется своего рода жречеством.

У курбатов, как и у их собратьев по всему миру, нет письменных знаков или условных обозначений для букв или слов. Их шейх сказал Ньюболду, что, хотя они сами не умели писать, двое мужчин в племени умели писать. Поскольку, однако, ни люди, ни образцы их письменности не были представлены, вывод, сделанный из этого и других подобных исследований, заключался в том, что "письменные знаки или символы их языка, или, скорее, жаргона, либо утеряны, либо известны лишь немногим, которые суеверно хранят их в секрете".[165] На базарах Сирии говорят по-арабски или по-турецки; дома они используют свой собственный язык.

Следующий скудный список курбатских слов был получен viva voce от племен Алеппо и впоследствии был проверен путем сравнения с племенем близ Антиохии:

Словарь: Курбат-Думан.

Родственник.

Английский.

Курбат.

Duman.

Father	bábúr	bábúr.
Мать	Аиды	Аиды <i>и</i> Аны.
Брат	бхаиру	беравау.
Сестра	Бхану	Кочи.
<i>Природные объекты.</i>		
Солнце	гахам	гахам.
Луна	heiúf	heiúf.
Звезда	астара	астара.
Эйр	вал <i>и</i> вай	каннад хава.
Небеса,	хуай	геннадий.
Земля	бар, ард (араб.) <i>или</i> турра	бар.
Огненный	огонь	ар.
Water	rání	hou (Pers. áb, áo).
Rain	bursenden	bárán.
Снежный	хиф	сургут.
Облачный	буллит баруди	.
Зажгите	цхек	ар <i>и</i> айдинлик.
Море	дунгуз (тюрк.)	дайре <i>и</i> дунгуз.
Гора	тулл (At. tall)	гиелла.
Весенний	хани	хани.
Камень	в	кавере.
Соль	лоу	хой.
Молочный	кир (санак. Чел.) <i>и</i> леббен (арх.)	шир (чистокровный персидский).
Ячмень	джоу (jau)	джоу.
Пшеница	гейсуф	гианнам.
Железный	нал	халлик.
Ночной	арат	шоу (чел. шуб, шао).
Дэй	бедис	гиундес.
Лук	луссун, пияз	riyáz.
Дурра (Холкус, Сорго)	ак	ар.
Рисовые	бриньи	шелковицы.
<i>Животные и т.д.</i>		
Заяц	кундер	кундер.
Dog	súrunter	kúchek.
Кот	псик	кадизор.
Лошадь	гхора <i>или</i> агхора	аспид.
Mare	míno	míno.

Задница	харра	харри.
Овца	бакра	хайду.
Корова	гуру	кайкуз.
Бык	груф, <i>или</i> майя гуру	мешюк.
Домашняя птица	джейш-чумари	мирришк.
Свинья	донгуз (тюрк.)	донгуз.
Кэмел	аубба, ашт	аштур.
Ворон	кил, хашзейк <i>и</i> танук	серех.
Змеиный	санб, самп	марр (чел.).
Рыба	маччи	маччи.

Части человеческого тела.

Покажи	пальцем по-английски, ангул	печи.
Рука	кустум, кустур	даст.
Глаз	акки <i>и</i> анхи	челюсти.
Волосы	Вал <i>или</i> бал	халлуф.
Ухо	кан <i>и</i> каннир	прик.
Шея	гургура	кантлагу.
Колено	лулука, чокьюма	коппаку.
Зубы	дандейра	гиолу.
Возглавьте,	сэр, чир	мурраш.
Плоть	марси	гошт.

Разные существительные.

Хороший	астал, чал	чал.
Яйцо	ано	хайли.
Кольцо	ангуштери	дастури.
Бог	Ханарже	Аллах.
Корабль	гхемми, дуронгайе	гхемми.
Лодка	шатур	шатур.
Война	лагиш, кавай	кавай.
Христианин	куттур (собака?)	носару (назарянин).
Door	Káři (Turk.)	карі.
Мальчик	чагу	лавак.
Девушка	лафти	кечике.
Вор	куфт	хаюк.
Палатка	чадер (чел.)	чадер.
Нож	чири	хаир.
Веревка	кундори	кундори <i>и</i> сиджум.

Книга	киталь	китах, мушулле.
Город	виар	viár.
Деревня	дех, дияр	deh, diyár.
Мост	къенпри (тюрк.)	къенпри.
Замок	килла	калла.
Рарер	kághaz	kághaz.
Хлеб	манний	нан.
Дом	кури <i>или</i> кири	мала.
Король	падшах	Бегиртмиш.
Люблю	манкамри <i>и</i> камри	камри.
Месяц	му, мас	виха, мас.
Цвет	тавул	тавул.
Год	дас-ди-мас, варрас <i>или</i> баррас	де-ди-мар <i>или</i> да-ди-виха.

Личные и притяжательные местоимения.

Я	мужчина	ман.
Ты	то	к.
Он	хуи	хуи.
Мой	маки <i>или</i> ман ки	маки <i>или</i> ман ки.
Твой	ки <i>или</i> той ки	к ки <i>или</i> той ки.
Его	хуэй ки	хуэй ки.

Кардинальные числа.

Один	экз.	Думан - это
Два	ди.	то же самое, за исключением <i>sih</i> для
Трех	turrun.	“три” и <i>deh</i> для
четырёх	чар <i>или</i> штар.	“десять”.
Пять	пендж.	
Шесть	шеш.	
Семь	футов.	
Восемь	весов.	
Девять	на <i>или</i> ну.	
Ten	das.	
Eleven	das ek.	
Twelve	das di.	
Thirteen	das turrun.	
Четырнадцать	дас чар.	
Пятнадцать	дас пендж.	
Шестнадцать	дас шеш.	

Seventeen	das heft.
Восемнадцать	дас хешт.
Nineteen	das na.
Двадцать	лет <i>или</i> бист.
Двадцать один	вист экв.
Двадцать два и т.д.	Первый день и т.д.
Тридцать	си.
Сорок	чхил.
Пятьдесят	пенджех.
Шестьдесят	туррун вист.
Семьдесят	турунов вист дас.
Восемьдесят	часов вист.
Девяносто	лет жизни.
Сто	печальных.
Двести	ди сад.
Тысяча	хазар.

Прилагательные.

Заболел	нумшти	бимар, руар.
Плохая	кумнаррей	киона.
Добрый	день	.
Большой	дуронкай, ослик	мазин.
Малый	туронтай, торанки	чучук (чел. кучик).
Black	kálá, kálo	káni, shippia.
Белый	паннаррей	страдалец.
Рыжая	лори, лоли	кунну.
Желтый	зард	зара, культ.
Зеленый	карк	суккуль.
Голубая	найли	нила.
Холодный	сиа	суки.
Горячий	тотти	кхунни.

Наречия.

Много	бхуйих	пхурги.
Немного	тораки	энника.
Хватит	бази	нар.
Здесь	вешли, итан, идхур	бундех.

Глаголы.

Прийти	ра́	} обязательно	ра.
--------	-----	---------------	-----

Уходить			джо.
Съесть	хм	} обязательно	хам.
Выпить	рііп		рііт.
Привести	нан		Винни.
Чтобы погадать	фал		вуннакериму.

[Приведенный выше список напечатан в точности так, как написано Бертоном; но оказалось невозможным проверить его по другим источникам.]

§ 5. Цыгане Хаурана, Юго-Восточная Сирия.

В январе 1871 года я несколько раз сопровождал дамасский паломнический караван; и в Мазарибе в Хауране, хорошо известной станции, недалеко от которой был отравлен испанец Али Бег эль-Аббаси, я обнаружил три цыганские палатки. Заключение называли себя Навар, что является популярным термином по всей стране. Точно так же, как испанские цыгане притворялись набожными христианами, “живущими в мирных католических традициях”, так и глава маленькой группы, которую я обнаружил, настаивал на том, чтобы все его соплеменники родились мусульманами, очевидно, не одобряя подозрения, что они принадлежат к “устаревшей вере”, христианству, с которым невежественные верующие путали все более поздние вероучения. (Таким образом, эти люди спасли себя от изгнания, когда султан “Байезид” изгнал всех цыган из Османской империи.) В доказательство своего утверждения он процитировал стих из Корана с особенным акцентом. Штаб племени и резиденция главного шейха находились в Газзе, а Мухаммад и его “прискорбная свита” отправились на север, намереваясь пробыть четыре или пять дней в Мазарибе — фактически, пока караван будет проходить мимо. Их специфическими промыслами были обработка металла и изготовление сит, так они утверждали; но к этому их соседи добавили грабеж и мелкое воровство, а также торговлю ослами и лошадьми. По словам моего информатора, многие из его людей посещают хадж, несомненно, чтобы пустить пыль в глаза мусульманам.

Мои сирийские спутники сравнили общий вид темнокожих, загорелых жителей Ашдана и обнаружили определенное сходство между румами и женщинами некоего арабского племени, стоявшего лагерем неподалеку от Дамаска; но длинные, жесткие, гладкие волосы с завитками в виде утиного хвоста, карие белые глаза, чей особый взгляд ни с чем не спутаешь, выступающие татарские скулы и рот неправильной формы наводили на мысль об индуистском происхождении и физиономии. Борода была длинной и несколько волнистой, возможно, из-за того, что многие поколения жили в жаркой засушливой стране. У некоторых были порезы на лицах, как у “богемы”, когда они впервые въехали в Париж. Их женщины, украшенные серьгами и ожерельями, браслетами и щиколотками из меди и мишуры, были макбеттианскими ведьмами; и оба пола, как и отверженные в Индии в целом, по-видимому, питают отвращение к холодной воде. Я попробовал объяснить им несколько слов синдхи, введенных в хиндустани, когда их лица приняли обычное озадаченное выражение, а глаза, казалось, закрылись и подернулись пленкой. О магии и гадании они не стали бы говорить с незнакомцем, но они с готовностью передали мне следующие слова: Ag, огонь (чистый хинди); Ake, глаз (Aukh); Chirí, нож (Churi); Goraу, лошадь (Ghora); Kálá, оракул (чистый хинди); Munám, хлеб (арабское искажение?); Pánaу,

вода (Ranî); Зари, рот (?). Беседуя друг с другом, они бегло говорили и произнесли несколько арабских слов.

Навары появляются вместе с восточными бедавинами, Вульд Али и другими примерно в начале лета и занимают хижины, построенные из тростника, палок и глины. Крыши сделаны из шкур, утяжеленных палками. Они собирают урожай и, как говорят, работают намного усерднее, чем средний земледелец. Конечно, их обвиняют в краже домашней птицы. Они плохо говорят по-арабски и разговаривают друг с другом на своем родном языке; поэтому крестьяне делают вид, что презирают их. На самом деле, здесь, как и везде, они составляют между собой странное содружество — странники, самозванцы и фокусники.

§ 6. Цыгане Дамаска.

Консул Э. Т. Роджерс, мой предшественник в Дамаске, сделал следующие краткие заметки и попросил у меня разрешения опубликовать их. Его долгое пребывание здесь привело его к изучению предметов, которые ускользали от внимания проходящего мимо путешественника.

Я совершенно отчетливо помню, что сирийские цыгане или люди, похожие на них, были разделены на три отдельные семьи, не допускавшие смешанных браков и, как мне сказали, говорящие на двух разных языках:

“(1) ГИПЕРССЫЛКА на Nawar заниматься обычными цыганскими занятиями: воровством, гаданием, мастерством, посещать праздники и свадьбы в качестве странствующих музыкантов, жонглеров и т.д.;

“(2) Зуттов обычно видели с дрессированными животными, козами, ослами и т.д., выступающими на улицах; и

“(3) Барамаки, которые уделяют больше внимания торговле лошадьми. Они кузнецы и кузнецы, и обычно встречаются на окраинах изолированных деревень или вблизи лагерей небольших арабских племен, где они выпускают жеребцов для племенных целей. Они покупают вышедших из строя лошадей и кобыл хорошей породы и очень ловко ухаживают за ними и делают их пригодными для продажи”.

Мистер консул Роджерс также показал мне сделанный им набросок мальчика—зутти с дрессированной козой, которую несут на бамбуковых прутьях - обычное зрелище в Индии.

СНОСКИ:

[156] *Блуждания и воспоминания индийского офицера и т.д.* (Лондон: Хэтчард.)

[157] Полковник Слимман, однако, не идентифицирует свои “связи” с цыганами.

[158] [“Как я часто упоминал, всех цыган регулярно обучали особому методу обращения с дубинкой в сражениях. Я склонен думать, что часть венгерских упражнений с мечом, практикуемых в настоящее время в нашей кавалерии, основана на цыганской манере нападения и защиты, включая даже прямой выпад вперед, который цыгане выполняют дубинкой”. — Симсон, *История цыган*.]

[159] Недопустима, поскольку там афганские джаты.

[160] [*Белуджистан, Белуджис. и др., так в оригинале Хьюз*.]

[161] Знаменитое племя белохов, считающее себя цветком нации.

[162] [“Епископ Покок до 1745 года упоминает о встрече с цыганами в северной части Сирии, где он обнаружил их в большом количестве, выдающих себя за мусульман, живущих в палатках или караванах, торгующих дойными коровами вблизи городов, производящих грубые ковры и обладающих гораздо лучшим характером, чем их родственники в Венгрии или Англии” (Симсон).]

[163] Испанцы описывают эту особенность своей расы - удивительно блестящий глаз, в отличие от маленького органа с толстыми веками еврея и свиного глаза китайца.

[164] “И всего, что не имеет плавников и чешуи, не ешьте; это нечисто для вас” (Втор. xiv. 10).

[165] То же самое относится и к племенным знакам бедавинов.

[166] Название племени в Сирии - Навар. За два года проживания и долгих путешествий я ни разу не слышал терминов “думи” и “зутт”. Последнее также ускользнуло от самого внимательного наблюдателя, капитана Ньюболда. Что касается различия этого офицера между джатом и джат, он услышал первый термин от меня в Карачи в 1848 году, когда изучал мою грамматику и словарный запас, в то время как джат он позаимствовал у капитана Слимана и других, которые писали о Панджабе, понимая, что эти два племени - одно и то же.

ГЛАВА VI

ЦЫГАНКА В АФРИКЕ

§ 1. Египетский Гаджар или Гхагар

Если и есть что-то стойкое в цыганской традиции, так это утверждение, что цыгане изначально пришли с берегов Нила - что Египет, по сути, дал им местное жилище и имя. Тем не менее, любопытно отметить, что это страна, и единственная страна, где племя рома, сохранившее физиономию и занятия своих предков, очевидно, утратило свой древний арийский язык или, скорее, заменило его ублюдочным *марго*, в основном заимствованным из арабского. [167] Также не похоже, что это явление относится к современному времени. Ожидалось, что очень редкая итальянская комедия середины шестнадцатого века “*Чингана*”, произносимая как “Чингана”,

откроет сокровища филологических знаний; но при исследовании выяснилось, что цыгане говорили только на искаженном арабском.

Следующие страницы в основном взяты из хорошо известной работы *Эгиптени* др. (Лейпциг: Брокгауз, 1860), написанный известным востоковедом Альфредом фон Кремером. Как будет видно, он тщательно изучил “зигунер” или “эгиптен”, “гхагар”; в то время как Лейн весьма небрежно обращается с этими интересными семьями цыганской расы, народом странников, у которых нигде нет дома, и у которых везде есть приют.

“На берегах Нила, ” говорит фон Кремер, чьи слова я сейчас процитирую, как и в других местах, - мужчины-гагары, подобно Поллоям Геродота, лудильщики, вожаки обезьян, танцоры на канате и заклинатели змей; в то время как женщины - ханны, проститутки и гадалки. Они очень многочисленны; они торгуют ослами, лошадьми и верблюдами, и, как разносчики (Баддаа), они управляют почти всей *мелкой торговлей* в стране. Гагары покупают товары оптом в Каире и часто посещают две ежегодные ярмарки в Танте; майская ярмарка была учреждена примерно в 1853 году и называлась Маулид Эль-Шилкани (праздник рождения шейха Эль-Шилкани), который похоронен примерно в трех часах ходьбы от Бени-Суэфа. Таким образом, они нередко становятся богатыми.

“Хави”^[168] (заклинатели змей) и пожиратели змей (Рифайджех) живут в Каире; и многие путешественники видели отвратительное зрелище, не подозревая, что ‘звонаря’ прикрывало платье дервиша. Эти классы полезны для натуралиста, поскольку у них всегда есть запас живых или мертвых змей, с ядовитыми клыками и без них, ящериц, уромастиксов, тушканчиков, шакалов, волков, хорьков (*Stinkthiere*) и так далее. Они находят и ловят змей с удивительной ловкостью: вооруженные кусочком пальмовой ветви, чтобы простукивать стены и потолки, и трубкой, звук которой привлекает рептилий из их укрытий, они редко терпят неудачу в поимке, поскольку в старых домах Каира в основном водятся безобидные змеи. Этот поступок, конечно, вызывает благоговейный трепет у невежественных людей, и никто не осмеливается войти в комнату, когда Хави объявил ее одержимой змеями.

Термин “гагар” или “гаджар” является общим; люди, по их собственным словам, разделены на племена, которые, однако, все представляют себя чистокровными арабами и странствующими иммигрантами с Запада.^[169] Дата возникновения этого движения, по-видимому, неизвестна; но его реальность подтверждается тем фактом, что все без исключения принадлежат к школе малики, преобладающей в Марокко и на Северо-Западе Африки. По профессии они бродяги и получают письменное разрешение на передвижение либо в полиции, либо у шейха Гильдии дервишей рифаи.

“Самое многочисленное племя в Египте - гавази;^[170] в каждом городе, поселении и деревне есть представительницы этих архи-соблазнительниц, чья личная красота делает их опасными. Они называют себя барамаки,^[171] и происходят от персидских Бармекидов, исторического дома, разрушенного халифом Харун-эр-Рашидом. И все же они очень гордятся своим бедавинским происхождением и ведут жизнь сынов пустыни, живя в палатках, которые переносят с ярмарки на ярмарку. Девы - танцовщицы, старухи-любовницы;^[172] девушки редко выходят замуж до получения квалификации, и они часто берут в мужья своих рабов. Слуга Гази, как правило, не более чем слуга, который приводит ей новых знакомых и играет на дудке

или барабанах, когда она танцует. Известны случаи, когда эти девушки выходили замуж за деревенских вождей; и их последующая жизнь столь же правильна, сколь распутной была их юность (сравните с. 145, "*Арабские пословицы*" Буркхардта: Лондон, 1830). Гавази говорят на цыганском жаргоне, который используется всеми другими племенами.

“Цыгане Саида (Верхний Египет), которые называют себя ‘Саидех’, имеют чисто азиатские, а не африканские черты лица, с темно-коричневой кожей, пронзительными черными глазами и гладкими волосами, тоже черными. Женщины татуируют свои губы, руки и грудь обычно синим цветом, носят тяжелые медные серьги и вешают на шею нитки синих и красных бус. Они гадают по панцирям мышц, осколкам стекла, цветным камням, таким как агаты и яшмы, кусочкам окрашенного воска и так далее, которые носят на плечах в кирбе, или сумке, обычно из кожи газели. Усевшись на циновку или ковер, женщина опустошает свой мешок и, выбрав один предмет, который должен представлять человека, который платит, извлекает свои откровения из этой группы. Деньги требуются на различных этапах процесса; и в конце цыганка дарит своему нанимателю несколько кусочков камня или цветного воска в качестве талисманов.^[173]

“Этих людей можно увидеть на улицах Каира, одетых как феллахи (крестьянки), в таубах или длинных рубашках из хлопка домашнего изготовления, окрашенного в цвет индиго, но без синтиян (панталон) и бурки (носовой сумки). Их черты сразу отличают их от мусульман и коптов; и, кроме того, их отличают овечьи шкуры или шкуры газели, наброшенные, помимо сумки, на плечи. Они часто посещают базары и прогуливаются по главным улицам больших городов, особенно летом, когда Нил начинает подниматься; и их любимые возгласы: "Нибеджин-эз-зейн!" (Мы показываем добро, *то есть* удачу), "Таал! шуф эль Бахт" (Приходите и посмотрите на свою судьбу) и "Нидмор эль Гайб!" (Мы находим потерянное).

“В столице проживает большая компания женщин-гагар, которые спекулируют на доверчивости публики; и их квартал - Хош Бардак, когда-то прекрасный квартал, а теперь убогая дыра за этим благородным сооружением - мечетью Султана Хасана. Я посетил его в ноябре 1877 года и обнаружил, что дворы все еще заняты. Люди, лудильщики и кузнецы, торгующие серьгами, браслетами, амулетами, и другими металлическими изделиями, на поверхностный взгляд в точности напоминали феллахов. Очевидно, они забыли свое любимое ремесло - гадание. Более того, им не нравился термин "Гхагар". Есть, или, скорее, была, еще одна колония в Маср-эль-Атике (Вавилоне или Старом Каире). Третья разбивала лагерь в основном зимой и весной возле деревни справа от дороги Каир-Шубра, и я полагаю, что они все еще там. Их соперники, магрибийские (Северо-Западная Африка) фокусники и маги из центральных регионов, которых в Дарфуре^[174] составляют наибольшее количество, известны тем, что сидят на улицах и играют на картах или песке.^[175] Предсказание по знакам, нарисованным на песке (Ильм эль Рамль), является древним на Востоке и играет большую роль в "*Арабских ночах*".

Другие племенные названия - халеб или хелеби (алеппинцы), Шах'айни и *Tat-a-a-a-a-a* (Тат'ар). Людей последнего класса, почти всех кузнецов или жестянщиков, также называют А'гвадат или Муа'мерратидже.^[176] Среди других гхагаров есть много кузнецов, которые делают латунные кольца, которые носят на пальцах и суставах рук, в ушах, носу и на шее.

“Вожди-обезьяны, которых так много в Каире, особенно в квартале Эзбекидже”,^[177] Курайд,^[178] так называемый из Кирда, обезьяна, также принадлежит к цыганским племенам; и они в основном поставляют бахлаван,^[179] гимнастов или силачей, спортсменов и особенно

борцов, которые часто посещают ярмарки и фестивали. Во время "Идентификации Дахидже"[180] они кишмя кишат в столице.[181]

“Все эти подразделения говорят на одном и том же ротвелше, или "воровской латыни", которую они называют El Síṁ. Это объясняет идею, преобладавшую в середине прошлого века, а именно, что цыганский язык был вымышленным; "Германия", как говорят испанцы; общепринятый жаргон; речь тюремной птицы, меняющаяся в зависимости от орды.[182] Происхождение и полный смысл термина Síṁ не определены; но предполагается, что он означает нечто скрытое;[183] и применяется к нечистой и позолоченной ‘золотой проволоке’, импортируемой из Австрии. Говорят, однако, что упомянутый выше Бахлаван использует другую речь; я не смог собрать доказательств этого и не считаю информацию полностью достоверной”.

Следующий словарь был составлен Фон Эремером в Каире, где он убедил многих гаг часто посещать консульство, особенно Мухаммеда Мервана, который напыщенно именовал себя “шейхом всех заклинателей змей Египта”. Он также консультировался со многими цыганками из Верхнего Египта; они, по-видимому, говорили на несколько ином диалекте, и слова, взятые у них, различаются буквой S. Все цифры, за исключением одной искаженной арабской, следующие:

ЦИФРЫ.

- 1, ГИПЕРССЫЛКА[184] (Этрусский, максимум): согласно Ньюболду (*лок. цит.*), Хелеби, Великобритания; Навер, Великобритания.
- 2, Мачаю (очевидно, чисто арабская двойная форма): Хель. Дуи; Нау. Ду.
- 3, Тулит (Ы) или Телат (Салас) Махат (три): Хель. Дуи-эк (*т. е.* 2 + 1) или Сиг (чел.); Нет. Сусо (Sih).
- 4, Руби (И), или Арбаах Махат (четыре единицы), и так далее: Эл. и Нау. Чар, или Дуи фи дуи (“фи” - чисто арабское “в”).
- 5, Хумис (Ы) или Шаммалех (*то есть* рука): Хель. Пенк, Пенг; Нет. Фоуи.
- 6, Серия (Ы): Привет. и Нет. Пенк-эк (5 + 1).
- 7, Соби: Привет. и Нет. Пенк-и-дуи (5 + 2).
- 8, Тумин (Ы): Хелл. и Нау. Истер или Хештер (Нашт, чел.).
- 9, Тива (Ы): Привет. и Нет. Энна, Нау или Пенг-и-дуй-фи-дуй (5 + 2 из 2).
- 10, Ушир (Ы): Привет. Das, Des, Desh; Naw. Халахех.

Очевидно, цифры фон Кремера изменены ровно настолько, чтобы их было трудно разобрать в поспешно произнесенном предложении; в то время как у Ньюболда они написаны на персидском и хинди.[185]

Словарный запас.[186]

- Вода, *Моге* (очевидно, Майч, Мойе), *Химбе* (И). Ньюболд: Х. Хемби, Шерибни (чел.) или Пани (хинди); Г. Пани; и Н. Оах.
- *Хлеб, *Шенуб*, *Бишлех* (И).
- Отец, Аб (араб.) или *А'руб*;[187] мой отец, *Абамру* или *А'руб*.

- *Мать, *Кодде*, мн. *Кадайд*; моя мать, *Коддету*; это также означает в общем женщину: Х. Амамри; Г. Кудди.
- * Брат, *Сем'а* или *Хавидж* (от Akkawí, прил. братский?); мой брат, *Сем'ай*; твой брат, *Семаак* или *Хавиджак*;[188] также в общем смысле мальчик, отрок, юноша: Х. Хувиджи; Г. Бурди.
- Сестра, *Семаа*[189] или *Ухт* (чисто арабский); твоя сестра, *Сем'атак*: Х. Хавишти; Г. Мараш; Н. Марас: также в общем смысле девушка, lass, например, *Семаа бахиле*, симпатичная девушка.
- *Ночь,[190] *Ghalmúz'a*: Н. Dámúd; G. Rátse.
- *Лошадь, *Сох'ли* (Сох, ржание), *Хусанайш* (Ы) (от Хусан, жеребец): Х. Сохли; Г. Гера (хинд.).
- *Асс, *Зувелл*: Х. Зовилли; Г. Харис (чел. Кхар).
- *Верблюд, *Хантиф*: Х. Хантиф; Г. Хант (задн.), Аштр (чел.).
- Буффало, *Эн Наффахех* (от арабского Нафх, дующий, воздуходувка?).
- * Ягненок, *Мизгал*, *Мингаш* (от классического арабского Najā'ah), *Хурраф* (араб. Харуф) (И).[191]
- Дерево, *Худруман* (Ахдар, зеленый?), *Шагараиш* (араб. Шаджар) (Ы).
- Плоть, *адване Махзуза* (И).
- Домашняя птица, *Эн-Неббашех* (Набш, царапающий землю): Х. Чурия (Хинд.); Г. Кагмия; Н. Бура.
- *Жир (заменитель), *Баруах*.
- Призрак, ангел, дьявол, *Аструм* (Шум, араб, дурное предзнаменование?).
- Ад, *Ма-анвара*, ма, то, что является светом, *то есть* огнем, от нур, анвар, свет, зажигает (например, *добавь эль-ма-анвара*, зажги огонь); не саиди, *Эль-Муганвара* (Ы).
-
- Финики, *маахли*, *Махалли* (сладкие).
- Золото, *Эль-ма-асфар* (желтое для Эль-ма-асфара, транспозиция), *Мидхабеш* (И) (искажено с Дахабского).
- *Серебро, *Битуг*.
- Айрон, *Хадидаиш* (араб. Хадид): Х. Меган; Г. Систа; Н. Шир.
- *Кукуруза, *Духуби*, *Духуба* (И): Х. Дахуба; Г. Гиу; Н. Гиудем (чел. Гаудум).
- Охотник, *Дабайби* (от Díb - охотник на волков?).
- *Волшебник, *Тур'ай*.
- Камень, *Хоггер* (араб. Хаджар, Агарь; уменьш. Худжайр): Х. Хаджар; Г. Пат.
- *Земля, регион, *Анта*, множественное число. *Anáti*. [192]
- * Дядя, *А'руб*; и тетя, *А'рубех*.
- Молоко,[193] *Рагван*, *Хирван* (Ы) (араб. Рагвах, молочная пена).
- Лук, *Мусанум*, *Мубсалче* (Ы) (араб. Базальный): Н. Mustunum; G. Пияз (чел.).
- Сыр, *Эль-Мехартеме*, *Махартеме* (Ы).[194]
- * Кислое молоко, *Рассол*, *Мишш* (арабское "Лаван").
- Пшено, *Хандавиль*, *Мугаддирийе* (блюда, состоящие из смеси риса и чечевицы, из Джудры, оспы).
- *Фасоль, *Бухус*. [195]
- *Собака, *Санно*: Х. и Г. Сунно.

- Волк, *Диббиш* (араб. Диб).
-
- Нож, *Эль-Хуса*: Х. Тиллуме; Г. Матва, Чури (хинд.); Н. Чири.
- Нога, *Даррагех* (араб. Дарадж, шаг), *эр-рагалех* (араб. рейл, ригл) (Ы), *Мумешаят* (Ы) (Маши, ходьба).
- Голова, *Камукха*, *Думакхе* (Ы) (чел. Дамаг, мозг): Х. Рас; Г. Сэр (хинд.), Шерит, Камохти.
- Глаз, *Бассасех* (Бассасех, она, которая видит?), *Приветствие* (Ы): Х. Хазара; Г. Анкхи (Хинд.).
- *Вор, *Дамани*: Х. Говати; Г. Думани, Кало; Н. Шовути.
- Рука, [\[196\]](#) *Шаммалех* (араб. Шамала, он собирал; Шимал, левая рука?), также двое под номером пять: Х. Кумаште; Г. Гадно, Кустур (Августушти?), Чанг (чел.); Н. Фаутак.
- На север, *Бахариш* (от Бахара, моря, *то есть* в сторону Средиземного моря).
- Юг, *Киблайш* (Кибле по-арабски, место, где находится граница, *то есть* Мекка).
- Восток, *Шаркаиш* (араб. Акула; отсюда, вероятно, сарацинский).
- Запад, *Гарбайш* (Гарб, откуда, вероятно, Маурус, мавр).
- Кофе, *Магасваде* (Ма асвад, то, что черное).
- *Одежда, [\[197\]](#) *Сарме* (Ы).
- Башмак, *Меркубаиш* (араб. Merkáb).
- Нос, *Зенунаиш*.
- Ухо, *Виду* (араб. Узу); твоё ухо, *Видуамрак* [\[198\]](#) (Ы) или *Мудаушех* (Ы): Х. Вуду; Г. Киркавия.
-
- Корова, *Мубгарше* (Ы) (араб. Бакар): Х. Мубгурша; Г. Гом (Гоа, чел.?).
- Бык, *Мутвареш* (Ы) (араб. Таур): Х. Мутвариш; Г. Майя, Гоно (самец коровы?).
- Река, *Мистабхар* (Ы) (от Бахр, море или река).
- Пальма (дерево), *Минхалеш* (Ы) (араб. Нахль).
- Палатка, *Эль-Микквашеш* (Ы) (араб. Хайше).
- Лес, *Махшабеш* (араб. Хашаб).
- Солома, *Тибуайш* (араб. Тибу).
- Христос, *Эль-Аннави* (эль-Набби, *The Пророк?*).
- *Эгг, *Мугахрада* (И): Х. Мехахалед; Г. Вайн.
- Огонь, [\[199\]](#) *Эль-Мугаувара*, (Ы): разожги огонь, *Валайш эль-Мугаувара*.
- *Еда, *эш-Шимле*.
- Мешок, *Миграбеш* (араб. Кирбе, Gırbeh).
- Рука, *Эль-Кеммашех*; у меня болит рука, *Кеммашту ва'ани* (араб. Камаша, он собрал, подобрал; последнее слово чисто арабское.).
- Волосы, *ша'арайш* (Ы) (араб. Шаар): Х. Хара; Г. Бал или Вал (хинд.).
- *Табак, *Тифтаф* (Возможно, образованный как турк. Tutun).
- Гора, *Мигбалиш* (Ы) (араб. Джебель, Египет. Гебель, откуда Монте-Гибелло): Х. Гебель (араб.); Г. Мелуш, Дурум; Н. Кох (чел.).
- *Противный (прил.), *Шалаф*. [\[200\]](#)

Глаголы.

- *Иди, *Упал*; Я пошел, *Упал* (араб., окончание—айтер, айт). Исполняющий: Х. Фил; Г. Джа (задн.).
- Приди, *утиб*; он пришел, *Гадат*. Грядущий: Х. Иг; Г. Утело или а (Хинд.).
- * Скажи, *Агму*; Я сказал, *Агему*.
- Бей, *Илбиг*; он ударил, *Хабаш, Хабаш* (Ы) (химьяритский?); он все еще наносит удары, *Хай йихбиг* (Ха фа хаза эль вакт; вульгарно-египетский).
- *Мы ели, *Ракхайна* или *Шамална* (араб. мы собрались). Чтобы поесть: Х. Эшна, Шемб; Г. Хаба, Джала; Н. Аркус.
- Садись, *Ватиб*.
- Мы выпили, *Маввайна* (от *Мавн* - волна?); Я выпил, *Маввагт, Гамбол*. Пить: Х. Ханниб; Г. Маувак.
- Он отрезал, *Шафар*.
- Он звал, плакал, *Наббат'а*.
- *Он умер, *Энтена*.
-
- Он убил, умертвил *Тена*; он убивает *Итни*.
- * Он спит, *Идмух*; Я спал, *Даммахт*. Спать: Х. Думак; Г. Собелар; Н. Сук.
- * Он едет верхом, *Йита алван*.
- *Он дает, *Йикиф*; он дал, *Каф*.
- *Он ворует, *Йикниш*; он украл, *Канаш*. Грабить: Х. Гунвани; Г. Чураби (Хинд.); Н. Лахис.
- *Он готовит, *Иттабиг*; он готовил, *Табаг* (араб. Табакса).
- Он увидел, *Хасеб*.
- *Он смеется, *Биарра*.
- *Садись, *Укриз*.
- Вставай, *Утиб*.
- *Он женился, *Эткаддад*.

“Из этих филологических фактов, ” говорит фон Кремер в заключение, “ я не делаю никаких выводов, поскольку материал, возможно, слишком скуден, чтобы оправдывать дедуктивные выводы. Очень прискорбно, что старые оригинальные слова выходят из употребления, заменяясь косяком или жаргонизмом из арабского языка в соответствии с чисто условным планом, изменением окончания, как Киблы для Киблы. Также очевидно, что гхагары отказались от народных названий своих собственных цветов, солнца и луны, земли и огня, а также от других терминов, используемых во всем мире ”.

В словаре Ньюболда, с другой стороны, мы видим отчетливые признаки восточного, а не западного провинциализма, как говорит автор: “Существует заметная разница в трех диалектах, или жаргонах; язык гагар больше всего напоминает язык курбатов, или сирийских цыган. Цыганский диалект в работе Борроу содержит больше слов индийского происхождения, чем жаргон хелеби и навар. Хелеби состоит из большого количества слов арабского корня, указывающих на длительное пребывание в Йемене или других частях Аравии. Его цифры, которые также используются гхагарами, когда требуется секретность, имеют явные признаки

восточного, или персидского, происхождения. Обычно хелебиты используют вульгарные арабские цифры, используемые по всему Египту.[201] ... Цифры наваров, очевидно, персидского происхождения... Все племена отрицают наличие каких-либо характерных для них письменных знаков,[202] и среди них редко можно найти того, кто умеет писать на обычном арабском языке страны. Однако один уважаемый копт сообщил мне, что у них есть тайные символы, которые они тщательно скрывают. Мне кажется вероятным, что все эти племена имели одно общее происхождение в Индии и соседних странах на ее западной границе, и что разница в жаргонах, на которых они сейчас говорят, объясняется их пребыванием в различных странах, через которые они прошли. Несомненно, что цыгане - чужаки и изгои на земле, которая дала им имя и которая, как долгое время предполагалось, дала им рождение”.

В Синде я встретил капитана Ньюболда и с помощью моего покойного друга Джеймса Маклауда, тогдашнего таможенного инспектора в Карачи, снабдил его кратким словарным запасом. Его исследования расширились, когда он обратил внимание на манеры и привычки странствующего племени под названием джаты, чей замечательный внешний вид сильно напомнил ему цыган Египта и Сирии. Он видел племя, живущее в палатках и грубых передвижных хижинах в лесу Балут, недалеко от Джуджи, между Карачи и Индом. Отсюда он сделал следующие выводы:

“После моего визита на берега Инда я более чем когда-либо убежден, что от берегов этой классической реки первоначально мигрировали орды цыган, которые рассеяны по Европе, Азии и северным границам Африки. Диалекты, на которых говорят многочисленные племена, населяющие территории, прилегающие к Инду, от моря до заснеженных гор Гималаев и Татарики, имеют с диалектами, на которых говорят цыгане, определенное фамильное сходство, которое, как и их физические особенности, невозможно спутать. В настоящее время я считаю невозможным указать на какое-либо конкретное племя и сказать: ”Это прародина цыган”; но насколько продвинулись мои исследования, я скорее склонен думать, что эта особая раса ведет свое происхождение не от одного, а от нескольких племен, составляющих семью человечества, обитающих на берегах Инда или рядом с ними”.

Исследования капитана Ньюболда в Египте, где ему помогали шейхи рома, дополняют исследования фон Кремера и доказывают, что последний в первую очередь обратил внимание на семьи Гавази и Гагар. Первый разделил бы бродяг на двоих — хелеби и их жен, фехемис (мудрых женщин), которые практикуют хиромантию и гадание и с величайшим презрением смотрят на своих дальних родственников гхагаров или Гаджар, чьи лучшие половины - музыканты и танцовщицы на канате. Хелебиты, которые, очевидно, получили свое название от Х'абель (Алеппо), утверждают, что происходят от Эль-Йемена, и заявляют, что на заре истории их расы великий царь преследовал и изгнал их. Затем племя скиталось по Сирии, Египту, Персии и Европе под предводительством нескольких братьев-вождей, чьи могилы до сих пор считаются священными. Хелебиты ограничили свои странствия долиной Рифа или Нила и дельтой. Они редко заходят глубоко в пустыню, за исключением тех случаев, когда совершают вылазки, чтобы продать лекарства для скота или купить измученных животных у возвращающихся караванов паломников, а некоторые совершают паломничество, чтобы заслужить титул Хаги.

Шейхи говорят о четырех племенах, разбросанных по Египту, и каждое включает в себя пятьдесят семей, число которых, как имел основания полагать Ньюболд, сильно и намеренно

недооценивается. Согласно хелебитам, присягнувшие вожди получили от суверена Египта право беспрепятственно передвигаться по стране и привилегию освобождения от налогов. Однако Мухаммед Али-паша вынудил их заплатить подушный налог, из-за которого их численность составляет всего двести семей вместо, возможно, пяти тысяч. В 1847 году паша приказал людям, не проживающим в своих родных деревнях, вернуться в них, что вызвало большие страдания и сцены насилия и страданий. Цыгане поняли намек, ночью разбили свои палатки, побросали пожитки и поклажу и вообще исчезли. Они искусны в маскировке и не уступают пальму первенства европейским собратям в хитрости и обмане. Удивительно умные и быстрые в получении информации, они могли бы стать отличными шпионами во вражеском лагере. Женщины во время своих остановок на окраинах городов и деревень, а также во время беготни по улицам, базарам и кофейням с удивительным тактом и точностью собирают всю необходимую информацию, касающуюся личной истории тех, на ком они, как можно ожидать, будут использовать свое призвание предсказывать будущее. В этом секретном разведывательном отделе им помогают мужчины, которых, как говорят, много на официальной работе, хотя неизвестно, что они цыгане. Во всяком случае, они общаются с местными жителями на месте и с незнакомцами в караван-сараях и других общественных местах.

Хелеби, ведущие бродячий образ жизни, обычно разбивают палатки или переносные хижины на окраинах городов и крупных деревень. Первые во всех отношениях напоминали жилища бедняков-бедавинов и не содержали ничего, кроме убогой мебели для лошадей и ослов, циновки, кухонных горшков и тому подобных предметов первой необходимости. Внешне все указывает на самую убогую бедность, за исключением только огромной массы мяса птицы, баранины и пикантных овощей, кипящих в большом котле, подвешенном на знакомых перекрещенных палочках над тлеющими углями большого костра, что доказывает многим чувствам, что забота о горшочках с мясом в древнем Египте не перешла к расе, нечувствительной к их очарованию. Все они отрицают распространенное обвинение в употреблении в пищу собак, кошек и другого мяса, которое мусульмане считают нечистым.

Мужчины-хелеби якобы являются торговцами лошадьми и ослами, верблюдами и черным рогатым скотом. Они претендуют на большие навыки в ветеринарном искусстве, но их честность не вызывает восхищения у тех, кто знает их лучше всех. Не имея известной религии, священников или молитвенных домов, это племя, подобно гагарам и всем остальным, придерживается Эль-ислама или преобладающей религии, когда того требуют политика или удобство. Они хоронят своих мертвых, но у них нет определенных мест погребения. Мужчины женятся на девушках из племени гхагар, но не отдают своих дочерей Гхагару. Говорят, что пояс целомудрия даже делают из плетеных вещей, подобных нубийским, и срезают в первую брачную ночь. Женщины, хотя и сами целомудренны, будут действовать как Милость по отношению к нееврейским мужчинам и женщинам; и их обвиняли в различных непристойностях за деньги. Мусульмане и копты заявляют, что они похищают детей, и, конечно, клянутся, что это не так. Женщины никогда не вступают в брак с незнакомцами, и в этом отношении они такие же строгие, как индуисты. Они не отличаются чистотой ни внешности, ни одежды. В этом отношении, а также в своей страсти к безделушкам из меди, серебра и слоновой кости, они напоминают некоторых коренных женщин Индии. Их особой привилегией является практика хиромантии и гадания. Фехеми берет правую руку спрашивающего за кончики пальцев и слегка загибает их назад, чтобы сделать линии более заметными. Она бормочет заклинание, со всей серьезностью читая книгу судьбы, а затем зачитывает результат; конечно, ее рука должна быть скрещена серебряным крестом. Я должен добавить, что хиромантия - одно из многих суеверий,

зародившихся в Индии, и во всем мире линии, выступы, промежутки и другие распределения рук одинаковы.

Ньюболд сравнительно мало говорит о гагарах, которые утверждают, что происходят из того же племени, что и хелеби, и которые говорят о братьях в Венгрии, в то время как язык оригинала сохранен. Сравнительно бедные внешне и по привычкам бродяг, они имеют семейное сходство с хелеби и сирийским курбатом. В летние месяцы они бродят по возделанным землям, разбивают палатки и кайши. Излюбленный способ добывания средств к существованию - носить кувшины с водой и петь на праздниках в честь дня рождения святых и т.д. В погожее время года. В странствиях они предпочитают города. В древней Аравии у них были гетто, как в Старом Каире и других местах.

Поскольку они облагаются избирательным налогом, они заинтересованы в занижении своей численности, которая вряд ли может быть меньше шестнадцати тысяч. Когда трактирщик уезжает за границу, они потихоньку перебираются через Нил и находят убежище в какой-нибудь деревне на окраине пустыни. Нанеся им первый визит, который вызвал у них подозрения, Ньюболд вернулся на следующий день и, к своему удивлению, обнаружил квартал совершенно пустынным. Впоследствии, однако, завязалось более тесное знакомство.

За редким исключением, все гхагары - воры. Якобы мужчины - спортсмены, вожак обезьян и шуты, посещающие несколько ярмарок. Они также работают по металлу и торгуют лошадьми. Женщинам не разрешается заниматься хиромантией и гаданием, поэтому фемиды их презируют. Многие из них превосходно танцуют на канате; другие - музыканты, играющие в основном на талле, разновидности кастаньет. Они также практикуют женское обрезание мусульманским девушкам, делают уши и ноздри, татуируют губы и подбородки.

Египетские навары были потомственными разбойниками, как и некоторые племена в Индии. Арабское племя Билли защищало их и даже нанимало на работу, а отношения покровителя и клиента были такими же, как у вождей горных племен и фермеров, работающих на их землях. Мухаммеду Али-паше удалось приручить это незаконное племя, которое на протяжении поколений доставляло огромные неприятности его предшественникам, по принципу "вор ловит вора". Он нанимал их в качестве полицейских и сторожей в своих загородных поместьях и разрешал им получать 50 процентов. на имущество, возвращенное у привлеченных к ответственности грабителей. С тех пор они редко нарушали закон, за исключением Каира, где меньше шансов на разоблачение. Они вступают в браки с феллахами, или местными египтянами, от которых по телосложению и одежде их едва ли можно отличить. Внешне они исповедуют мусульманство и мало общаются с хелебитами и гагарами. В 1847 году их начальником был некий шейх Юсуф, один из самых известных воров в Египте.

§ 2. Гзана Алжира и Марокко.

Эта раса интересна тем, что она показывает происхождение Дарб эль-менделя, Египетского Волшебного зеркала, известного индусам как Ауджан. Впервые это было замечено в Индии ученым доктором Херклотсом, который в 1832 году опубликовал ценнейший том о нравах и обычаях мусульман хинди. К сожалению, британская публика неверно истолковала его

название и приняла за кулинарную книгу. Следующим, кто заметил это, был мистер Лейн (*Современные египтяне*, Том II, глава xii) в 1835 году. Он рассказывает нам, что двое европейцев, англичанин и француз, научились вызывать этот феномен; и завершает он обычной для своего времени формулой осуждения: “Ни я, ни другие не смогли обнаружить никакого ключа, с помощью которого можно было бы проникнуть в тайну; и если читатель точно так же не в состоянии дать разгадку, я надеюсь, что он не позволит приведенному выше отчету вызвать в его сознании какую-либо степень скептицизма по отношению к другим частям этой работы”. С тех пор в *Zoist*, в *Магнитном журнале* и подобных публикациях. взялся за эту тему и проследил ее от Корнелия Агриппы и доктора Ди до самых деградировавших из существующих дикарей, австралийцев:

Ниже приводится отчет доктора де Пьетра Санты о двух способах очарования, используемых “магами” Французской Африки (Алжир)[203]:

“Первое составляет часть багажа всех арабских *гзанесов*, цыганок, колдуний и гадалок. Когда кто-то хочет поразить воображение множества, абсолютно необходимо найти явления, которые понятны всем и в которых каждый может немедленно убедиться сам. Среди таких явлений нет более очевидного, чем сон. Поэтому для *Гзане*, чтобы неоспоримым образом доказать свою моральную силу и сверхъестественное влияние, важно, чтобы она была в состоянии усыпить в определенный момент человека, который прибегнет к ее оккультной науке. Она использует следующие средства:

“На ладони она описывает каким-то черноватым красящим веществом круг, в центре которого отмечено пятно такого же черного цвета. После пристального разглядывания последнего в течение нескольких минут глаза тяжелеют, они моргают, и зрение путается; вскоре тяжесть сменяется сном, а сон - своего рода бесчувственностью,[204] которой цыганка пользуется, чтобы более надежно использовать свои маневры. Я излагаю вам простой факт без комментариев и отказываюсь от каких-либо претензий на определение его важности.

“Давайте теперь перейдем ко второму способу очарования. На столе, покрытом белой скатертью, стоит бутылка, обычно наполненная водой, и рядом с ней горит маленькая лампа. Испытуемого удобно усаживают на стул и просят посмотреть на яркую точку, расположенную перед ним на расстоянии нескольких шагов. Через несколько минут веки тяжелеют, затем они постепенно опускаются, и наступает сон. При нервном темпераменте также проявляются учащенное сердцебиение и головная боль.

“Чтобы придать этим явлениям сверхъестественный оттенок, марокканец, цыган или марабу поджигает за столом определенное количество бензоина; и пока пары распространяются по комнате, человек, подвергающийся процессу, впадает в состояние полного обезболивания”.

Борроу упоминает в “Берберии” различные “секты странников”, в которых он проницательно подозревает цыган и которых он изображает худшими персонажами. Первые - это “бени арос” (?), которые бродят по Фесу и имеют свои дома в высоких горах близ Тетуана. Симпатичная, хорошо сложенная раса, они нищие по профессии, отъявленные пьяницы, склонные к грабежам, убийствам и женоподобным преступлениям. Они называют себя маврами, и их язык арабский. Вторые - “Сиди Хамед ау Муза”, названные так в честь своего святого покровителя. Во многих отношениях они немало напоминают цыган, но говорят на шилха, или диалекте этого

языка. Они зарабатывают себе на жизнь прыжками, акробатикой и фокусами с мечом и кинжалом под звуки дикой музыки, которую женщины, сидя на земле, извлекают из своих грубых инструментов.

§ 3. Цыгане во Внутренней Африке.

Принято считать, что цыгане распространились далеко на юг от Марокко и Берберии. Заимствуем высказывания Дар-буши-фал (гадалок), что если они не цыгане, то последних невозможно найти в стране. Многочисленные в Берберии, они бродят большую часть года, занимаясь воровством, гаданием и торговлей мулами и осликами. Их постоянные деревни известны как “Чар Сехарра”, деревни ведьм. Они могут изменить окраску животного и превратить белого человека в черного как уголь негра, после чего продают его в рабство. Говорят, что они владеют особым языком, который, не являясь ни арабским, ни шилха, понятен только их собственной касте. Борроу часто беседовал с ними, но он пренебрегал своим любимым Шибболетом - Пани (вода). Их лица описываются как чрезвычайно худые, кожа - смуглая, а ноги - как тростинки; “когда они бегут, сам дьявол не может их догнать”. Их орудиями гадания являются масло, тарелка, полная муки, или туфля, положенная в рот. Это злые люди и могущественные чародеи, которых боится сам император.

М. Поль Батайяр (*Заметки и вопросы*) ссылается в поисках информации о цыганах на “Путешествие на север и центральные вечеринки Африки”, “Путешествие Денхэма и Клаппертона”, переведенное Эйрисом и другими (Париж, 1826, 3 тома. 8vo). Эти авторы, по его словам, делают вид, что ассимилируют арабов-“шуаа” из Борну с цыганами. Действительно, они прямо заявляют, что их арабский - почти чистый цыганский. Это, однако, несовместимо с другим отрывком, в котором говорится, что эти “шуаи” импортировали в Борну арабский, на котором они говорят чисто.

Я могу найти только[205] что женщины арабов племени Шуаа описываются как “очень необычная раса, почти не имеющая сходства с арабами севера: у них прекрасные открытые лица, с орлиными носами и большими глазами; цвет их лица светло-медный; они обладают большой хитростью и мужеством и внешне напоминают некоторых наших женщин”. Наиболее образованные цыгане в Англии, особенно женщины; и их арабский - почти чистый египетский. Впоследствии майор Денман обнаружил “шуаа племени Валид Саламата, простирающихся на восток до самого Чада”. Он отмечает их отличие от феллахов и их практику посылать грабительские отряды в Мандару. Мы также слышим об их мастерстве в охоте и использовании копья верхом на лошади.

СНОСКИ:

[167] В Испании это называется “Germania”, что, однако, относится не к истинному цыганскому, а к косному сленгу или “воровской латыни”; французское *argot* и итальянское *gorgo*, простое цыганское наречие, в котором содержится всего несколько слов цыганского.

[168] Лейн (глава xx), в целом столь корректный, впадает, по словам Кремера, в ошибку, когда он объясняет Хави просто как “исполнителя трюков с ловкостью рук” (*Ташеншпилер*); происхождение слова *Хаууех*, “змея”, показывает его значение. Среди синаитских бедавинов почти в каждом племени есть чиновник по имени Хави, который, как предполагается, устойчив к ядам и обладает способностью останавливать раны и излечивать их своим дыханием. Необходимым условием для этого служения является то, что мать должна заставить своего ребенка проглотить, прежде чем он попробует другую пищу, лепешку, состоящую из семи зерен ячменя, семи зерен пшеницы, маленького скорпиона и шершня, все растертых и смешанных вместе (*Пустыня Исхода*).

[169] В Алжире, как и в Марокко, полно цыган, в том числе дервишей айсави.

[170] Гази (множественное число *Ghawazi*) по-арабски означает “тот, кто сражается за веру” или “победитель неверных”. Европа многому научилась во время русско-турецкой войны (1877); но наши газеты нелепо злоупотребляли термином “Гази Мухтар”, поскольку Мухтар-паша Гази хуже любого “сэра Смита”. По мнению некоторых авторитетных источников, египетские цыгане взяли этот титул, чтобы удовлетворить свою восточную тягу к высокопарности. Но, я бы заметил, в персидском языке это синоним слова “канатоходец” или “придворный”; и, возможно, оба они происходят от гхагарского “Газия”, означающего женщину (?).

[171] Происхождение термина - персидское *jeu de mots*. “Бермекам” означало бы, что я - Бармак; Бар-макен, я ужинаю этим. Это были слова, произнесенные Джафаром “Бармекидом”, когда его отравленное кольцо заставило загреметь камни на руке Оммиадского халифа (Абд эль Малика) — общее и популярное суеверие. Вполне возможно, что эта достопамятная семья принадлежала к цыганскому племени, столь распространенному в Персии. Согласно Ибн Халикану, первым великим предком был директор или великий настоятель монастыря в Балхе под названием Нан-бухар (молодой источник), явное искажение Нава бихара, что на санскрите означает “новый монастырь”.

[172] Следовательно, англичанин определил религию цыган как “веру в гадание”.

[173] Капитан Ньюболд (стр. 288) рассказывает любопытную историю о фехеми (мудрой женщине), которая бросила каури в таз с чистой водой и пробормотала над ним заклинание; когда горшок начал закипать, скорлупа вылетела — несомненно, под действием какого-то химического вещества - на расстояние нескольких футов. Часть воды выплеснулась вместе с легким взрывом, похожим на звук капсуля, брошенного в огонь.

[174] Слово должно быть написано Дар-Фор, место жительства или область племени Фор.

[175] Последний материал изначально использовался в арабском Дарб эль Рамл (бросание песка), кратко называемом Эль Рамл (песок), то есть в геомантии.

[176] В разговоре фон Кремер процитировал имя Сабайджех, “сломанное множественное число”, о котором не известно ни одного единственного числа, поскольку у старых арабских историков оно чередуется с Зутт. Ньюболд перечисляет среди “отдельных классов” гагара меддахин, Гаррадин, Бармеки (*Barmekides*), Валад Абу Тенна, Байт эль Рифаи (?), Хеммели и романи (стр. 292).

[177] Это было написано до 1863 года; в 1877 году старое место стоянки узбекских татар превратилось в своего рода парижский квартал.

[178] Кремер дает “Курудати”; слово обычно имеет уменьшительную форму Курайд, маленький Кирд (павиан).

[179] От персидского *Pahlewán* - храбрый, борец, атлет.

[180] Обычно пишется “Ид эль-Зуха, великий мекканский праздник, когда приносятся жертвы”.

[181] Их активные привычки делают их прекрасной расой. Ньюболд говорит, что “одной из самых великолепных женщин, которых он когда-либо видел на Востоке”, была канатоходка— гагарка из дворца одного из каирских беев; он жалуется только на то, что она изуродовала себя татуировкой нижней губы и подбородка - практика, очень распространенная среди арабских женщин Сирии и Египта.

[182] В конце 1763 года венская *газета* напечатала письмо венгерского капитана Секели де Доба. Последний рассказывал, как протестантский пастор, учась в Лейдене, познакомился с несколькими малабарскими юношами, которые говорили о провинции Зингания (конечно, зигюнер) и чей язык был языком цыган. Он составил словарный запас примерно из тысячи слов и, вернувшись домой в Алмаш или Алмас, недалеко от Коморна, обнаружил, к своему удивлению, что “лудильщики” их понимают. Грамматики хиндустани, опубликованные в Англии (1773) и Португалии (1778), позволили Греллману, Ричардсону, Марсдену, Людольфу и другим твердой рукой проследить сходство. См. Майо и Киндале, которые на стр. 45 впадают в вульгарную ошибку, утверждая, что “монголо-хиндустанский жаргон” начал использоваться в Индии только после завоеваний Моголов. Эти авторы заявляют, что, когда знаменитый Меццофанти из Болоньи в 1832 году сошел с ума, он никогда не путал цыганский с другими тридцатью двумя языками. Также говорят, что в *переводе святого Луки* Борроу сохранилось несколько испанских слов из падре Сцио. Что касается *испанского* аргоса “Германия”, словарь был опубликован примерно в середине прошлого века Хуаном Идальго; и хотя в основном устаревший, бесполезный фарраго был текстуально воспроизведен в *Справочнике Академии*.

[183] Обычно это объясняется как сокращение от *Símiyá*, слова, образованного в подражание *Kímiyá* (алхимия).

[184] Любопытно отметить, что это слово чисто этрусское и не встречается ни в одном другом известном мне языке.

[185] Newbold добавляет:

- 20, Юкси или Екси; 21, Йиркси ва и т.д.
- 30, Юкси ва дес (30 и 10); 31, Юкси ва дес ва и т.д.
- 40, Камаки или Кумаки.
- 50, *Kamáki wa des*, etc.
- Камаки ва юкси, 60 лет.
- 70, *Kamáki wa yuksi wa des*.
- 80, Дю Камаки (2 сороковых).
- 90, *Du Kamáki wa dés*.

- 100, Эл. Банк, Сад (чел.) или Дуи Камаки ва юкси (2 сороковых + 20); Нет. Beni.
- 1000, Des Bank (10 hundred); das Sad.

[186] Я отметил звездочкой слова, которые кажутся оригинальными или, скорее, не связанными с арабским языком. Список сравнивается со словарями Ньюболда, Х. (Хелеби), Г. (Гхагар), Н. (Навер).

[187] Вряд ли у них найдется два слова для обозначения “отца”, так что А'руб, вероятно, диалектичен. Ньюболд дает хелебийское слово Gárúbi; Ghagar, Bálo, Mánsh; Náwer, Байаби.

[188] Два придаточных местоимения — (мой) и ак (твой) — также являются чисто арабскими.,,

[189] Эта форма женского рода (в противоположность Майа, мужскому роду), Сем'а, от Sem', также является арабской. Ньюболд добавляет:

- Жена: Х. Кудах; Г. Газия; Н. Гад.
- Муж: Х. Эль-баранех; Г. Мараш; Н. Марас. Из них последние два, очевидно, заимствованы из санскр. Манушья; Прак. Mánus.
- Мальчики: Х. Ламбун, Сумгун; Г. Чабо; Н. Совайти.
- Девочка: Х. Ламбуни, Самгуних; Г. Сома, Чабо или Чай; Н. Бубур.

[190]

- День: Х. Мерракриш; Г. Чебиш.
- Дождь: Х. Матр (араб.); Г. Бурсанден (чел.), Мога; Н. Авг. Два последних могут быть санск. Мегха, облако.
- Сноу: Х. Телж (араб.); Г. Гараби.
- Облако: Х. Рейм (араб. Гайм); Г. Баруд.
- Свет: Х. и Г. Нур.

[191]

- Овцы: Х. Хахайя; Г. Бакра (задн.).
- Заяц: Х. Эмеб (араб.); Г. Кунду.
- Кот: Х. Гутта (араб.); Г. Беркука.
- Маре: Х. Шлие; Г. Агораи. Первое - арабская форма женского рода от Сохли, жеребец; второе - Лань.
- Боров: Х. Хангир (араб.); Г. Халлуф (араб.); Н. Сегель хармин (?).
- Ворона: Х. Граб (араб.); Г. Ментуф, кил.
- Змея: Х. Табун (араб. Туубан?); Г. Самп (хинд.).
- Рыба: Х. Семек (араб.); Г. Маччия (хинд.).

[192]

- Море: Х. Бур (араб.); Г. Пани (санскр.).
- Источник: Х. Айн (араб.); Г. Мога (Майет, корр. Араб?).
- Колодец: Х. Бир (араб.); Г. Гибини.

[193] Молоко: Х. Милланиш, Хелва (араб. Халва, сладкое?); Г. Рагун, Рагеби, Чути; Н. Раван.

[194] В этом, как и в других случаях, саидский диалект, по-видимому, отбрасывает акцент.

[195]

- Ячмень: Х. Мухариш; Г. Джан (санскр. Чел.).
- Зерно Дурры: Х. Мегидхурра; Г. Дарине.
- Рис: Х. Руз (араб. Чел.); Г. Барну, Фукия, Удбух (*т.е. тетбух, готовь ты!?*).
- Хлеб: Х. Шемун, Мушмул; Г. Марей; Н. Нан (чел.).

[196]

- Палец: Х. Сабуа (араб.); Г. Августушти (хинд.).
- Гриф: Х. Рекль (араб.); Г. Шерити.
- Колено: Х. Руггал или Кумайхту; Г. Шанг.
- Зубы: Х. Синнан (араб.), суван; Г. Данди (хинд.), Синнам.
- Мясо: Х. Удван; Г. Маас (Хинд.).
- Перд, мас.: Х. Либ; Г. Киаб.
- 2025
- Живот: Х. Бату (араб.); Г. Бурри; Н. Босах.

[197] Кольцо: Х. Хатим (араб.); Г. Августир (хинд.).

[198] Терминал, амрак, может быть их работой, бизнесом, собственностью; фактически, синоним вульгарного битака.

[199] В каждом арабском диалекте есть та или иная благозвучная форма выражения огня; простое слово Нар было бы неблагоприятным, наводя на мысль об адском огне.

[200] Newbold добавляет:

Существительные.

- Бог: Х. Аллах; Г. Аллах; Н. Аллах.
- Дьявол: Х. Шайтан (араб.); Г. Иблис (араб.); Н. Хармир (Харами?).
- Христиане: Х. Гирайе; Г. Баламу.
- Нееврей, *т.е. не цыган*: Х. Хушно; Г. Чаджу; Н. Кегане.
- Удача (fortune): Х. Бахт (чел.); Г. Буджи; Н. Сохри.
- Яд: Х. Сун (араб. Сумма?); Г. Зунгали; Н. Мубаха (араб. разрешенный?).
- Люблю: все используют Хебб (Хабб, араб.).
- Блудница: Х. Бесканан; Г. Бесиньян, Габу; Н. Гад эль-Харам.
- Зона целомудрия: Х. Хаг; Г. Дилк; Н. Фоуи (Футах, салфетка).
- Имя: Х. Исм (араб.); Г. Рубон (*то есть ваше имя*); Н. Минас.
- Год выпуска: Х. Шахр (араб.); Г. Юк Садис.
- Король: Х. Дази, Зилк; Г. Эль-рейбо, эль-бурро (род. Бара, комар?).

- Город или деревня: Х. Гавути (Хинд.); Г. Гав (Хинд.); Н. Дези (Хинд.).
- Переход: вся Хунтава (ошибка или искажение Кантарала?).
- Дом: Х. Низб; Г. Кир (Гхар, Хинд?).
- Дверь: Х. Баль (араб.); Г. Капу (турок.).
- Вережка: Х. Хебл (араб.); Г. Дори (хинд.).
- Бумага: на всех используется Варке (арабская).
- Книга: все используют Китаб (араб.).

Прилагательные.

- Больной, уставший: Х. Табау (араб.).
- Плохие: Х. Баттал (араб.); Г. Билби.
- Хорошо: Х. Тайиб (араб.); Г. Сашо (чистокровный цыган).
- Великие: Х. Кабир (араб.); Г. Бара (хинд.); Н. Бари.
- Маленькие: Х. Сугайяр (араб.); Г. Торанки (хинд.).
- Черные: Х. Асвадиш (корр. Араб.); Г. Кало (хинд.).
- Белый: все используют Альяр (араб.).
- Холодно: Х. Мелладиш (корр. Араб.); Г. Мемудрих.
- Горячие: Х. Махрариш (корр. Араб.); Г. Гару (чел.).

Наречия.

- Много: Х. Кетир (араб.); Г. Бхут (хинд.).
- Немного: Х. Мефрамраш; Г. Тераки, Тукрани (корр. Хинд.).
- Достаточно: Х. Кеффи (араб.); Г. Бас (чел.), Нанния.
- Здесь: Х. Хене (араб.); Г. Сайд.
- Там: Х. Хунах (араб.); Г. Орилех.

[201] Это доказывает одну из двух вещей: во-первых, что цыгане покинули Индию до того, как индусы позаимствовали западный иероглиф у финикийцев; или, во-вторых, цыгане были низкой кастой, которая, подобно париям и другим, игнорировала письменность.

[202] Например, во время путешествия они раскладывают на выступающих камнях и примечательных деревьях камешки, обрывки ниток и тому подобные предметы, указывая дорогу, по которой они прошли.

[203] Письмо, написанное из Алжира и опубликованное в "*Медицинском союзе*" от 2 января 1860 г.

[204] Очевидно, что это гипноз, названный так доктором Джоном Брэйдом из Манчестера, брэйдизмом континентальных писателей. Открытие было сделано в 1841 году. См. *Нейрипнологию, или Обоснование нервного сна, рассматриваемую в связи с животным магнетизмом*. Примерно в 1849 году, воспользовавшись исследованиями докторов Дж. Б. Додса и Филиппса, некий мистер Стоун ввел в Англии модификацию гипноза, которую он нелепо назвал *электробиологией*; его цинковые и медные диски были цивилизованной преемственностью чернильной кляксы.

[205] Повествование о путешествиях в 1822-24 годах. На фолио изображены две женщины с короткими африканскими волосами.

ГЛАВА VII

ЦЫГАНЕ В ЕВРОПЕ

§ 1. Цыганка в Венгрии

Чиганы, как их называют, появились в начале пятнадцатого века и, как предполагалось, бежали от преследований моголов. Король Сигизмунд, отец героического Джона Хуньяди, [206] разрешил им поселиться в его королевстве, и закон называл их “простыми крестьянами”. В 1496 году епископ Сигизмунд в Фунф-Кирхене приказал использовать железные пушечные ядра цыган против турецких захватчиков Венгрии; и его храбро поддерживали против турок король Зиндело, герцоги Мигель и Эндрю, графы Мануэль и Хуан, “благородный рыцарь” Педро и вождь Томаш Полгар.

Реформы 1848 года застали их в состоянии рабства, *adscripti glebae*, которые не могли законно уволиться с места своего рождения. Их положение было хуже, чем у валашского крестьянина, который говорит о своем надменном мадьярском магнате: “Господин - это господин, рожденный в аду”. Около сорока лет назад мистер Пейджет [207] говорит, что цыган выставляли на продажу в соседней провинции Валахия. В Венгрии плохого старого *режима* отношения крестьянина-землевладельца, какими бы тяжелыми ни были его обязанности, никогда не были отношениями господина и раба. Если земледелец решал отказаться от своих *посевных земель*, земли, которую он занимал в наследственное пользование, он мог идти куда ему заблагорассудится. Практически это было редкостью; это было равносильно отказу от средств к существованию, и он предпочитал платить налоги, в то время как все дворяне были свободны, и отвратительное бремя “Роботизированной” *барщины*, или принудительного труда два, а в некоторых случаях и три дня в неделю. Поэтому он ненавидел воинскую повинность, единственное средство его цивилизованности, установленное Австрией в 1849 году. [208] Но чиганец, как бы глубоко ни укоренилась его любовь к свободе, никогда не сохранял ту крупицу свободы, за которую цеплялся венгр.

Хотя сейчас чигани юридически свободен, глубокое уважение ко всему аристократическому относит его к правящей касте. В Трансильвании “мадьяр” является отличительным термином как для класса, так и для расы. Чиганцы, которые не ассимилируются с бережливыми саксами, предпочитают быть простыми прихлебателями в замке венгерского магната, поскольку в Англии прошлого они носили его имя; и они исповедуют ту же веру — католическую, протестантскую или никакую другую. Несмотря на их неизлечимую склонность к воровству, им доверяют как посыльным и перевозчикам; подобно староиспанским *marriero*, они образуют общую “компанию по доставке посылок”. И они вездесущи, потому что ни одна дверь не остается незапертой, чтобы цыган не проскользнул внутрь и не украл. В старые времена они были самыми

эффективными шпионами за христианами и мусульманами и лавировали между ними в своих интересах. Они также были лучшими контрабандистами; они выкапывали сокровища и ради *пайеток* золота мыли трансильванские притоки Дуная. Время от времени они отправлялись в грабительские походы, которые распространялись на Италию, Францию и Испанию. Валахи до сих пор обвиняют их в подстрекательстве, которые, очевидно, таким образом пытаются скрыть злоупотребления, являющиеся результатом их непомерной жажды мести, уродливого выживания дикарского характера. Эти люди забывают, что “проклятия, как цыплята, возвращаются домой на насест”, и будут играть с огнем, даже если это причинит им вред.

Жилище оседлого цыгана еще более примитивно, чем у валахов. Хижина сделана, как у африканцев, из плетеных палочек, а в щели забит щебень. Перед входом в хижину часто стоит повозка кочевников, двухколесная и наклоненная, и всегда стоит треножник, поддерживающий железный горшок — зрелище, подобное алому плащу, когда-то знакомому нам, но теперь исчезнувшему из Англии. Со временем земля зарастает травой, а поскольку лачуга редко бывает выше семи футов в высоту, она скорее похожа на раздутый муравейник или курган, чем на жилище человека. И все же у оборванного заключенного, чьи дети разгуливают в природном наряде, ловкие руки. Он лучший кузнец в стране и мастерски и даже со вкусом изготавливает простые деревянные изделия для домашнего обихода. Несмотря на свое убогое окружение, он сохраняет хорошее настроение, поет под музыку и играет на скрипке в часы досуга.

Вряд ли мне нужно повторять общие места о музыке венгерских цыган и легенды о Каталани и Листе. Бродячие оркестры, одетые в цивилизованные одежды и играющие на различных инструментах, уже некоторое время хорошо известны в столицах Европы. Так велик контраст между своим искусством и своим окружением, что более чем одного пассажира подозревают в данный *martavellous* подарок жалких рвется “язык принес с собой в изгнании их из другого и более высокого состояния бытия”. Я нахожу в нем только соединение восточной мелодии с западной, высокую науку первой, столь мало ценимую невежественными англо-индийцами, с совершенной практикой последней.

Несмотря на абсолютную неалфавитность, эти люди обладают странной способностью будоражить сердца своих слушателей. Они играют на слух, в стиле, непревзойденном при лучшем обучении, на скрипке, виолончели и цитре, с которыми Лондон теперь знаком. Песни, часто собственного сочинения, рассказывают захватывающую национальную историю таким образом, что производят неизгладимое впечатление на незнакомого человека. Теперь это выражение смятения, битвы и поражения, за которым следует долгий вопль горя, страстной скорби, в основном в минорной тональности. Затем это внезапно переходит к майору в диком порыве радости, триумфа, ликования, восторга, который вызывает у слушателя непреодолимое сочувствие. В нем есть все очарование контраста; крайностей, возбуждения и депрессии; подчинения и освобождения, восторга и отчаяния. Эти звуки лишают возбудимого венгра рассудка; он упивается музыкой, пока не опьянеет.

Цыган способен на благородное самопожертвование, и мистер Кросс рассказывает историю, которая доказывает это. Он миновал в дикой, романтической долине крутую, нависающую скалу, известную по всей стране как “Цыганский камень”. Предполагается, что примерно в середине прошлого столетия случился массовый голод, и чиганы, более бедные, чем их соседи, были вынуждены просить милостыню или голодать. Когда некоторые жестокосердные жители

деревни прогнали их, один бедняга отказался ехать, заявив, что его дети умирают от голода. “Тогда, ” сказал один из хамов насмешливым тоном, “ я угощу твою семью куском бекона, если ты прыгнешь с этого камня”. “Вы слышали его обещание!” - воскликнул Чиган, обращаясь к толпе. Не говоря больше ни слова, он выбежал из толпы, вскарабкался на скалу и совершил прыжок, который был равнозначен смерти.

Это именно то, чего мы могли бы ожидать в данных обстоятельствах от индуса. Система *бадли* — проще говоря, платить человеку за то, чтобы он “взял вину на себя” и был повешен за вас — лучшее доказательство.

Следует помнить, что венгр был первым, кто опубликовал статью об “индийском происхождении” цыганского языка. В конце 1765 года капитан Секели де Доба направил в *“Венскую газету”* интересное *коммюнике*. Он рассказал, что протестантский пастор Стивен Вали во время учебы в Лейдене познакомился с некоторыми малабарскими юношами, отправленными туда голландским правительством, и их диалект напомнил ему цыганский язык, который он слышал в своем доме в Алмаше. Они также заверили его, что в Малабаре есть район под названием *Зигания* (?), что наводило на сравнение с немецким *Zigeuner*. Под их диктовку он записал почти тысячу слов и, вернувшись к Алмашу, был удивлен, обнаружив, что чиган их понимает.

Затем действие происходит в первый период (1775-1800) изучения санскрита и зенда, сопровождаемый публикациями бенгальского, урду и других из восемнадцати языков пракрита, на которых все еще говорят на великом полуострове. Это привело к тщательному изучению цыганского языка. Знаменитый Меццофанти без колебаний присвоил ему высокое место среди тридцати двух языков, которые он изучал; и когда он сошел с ума (1832), он никогда не путал его с другими идиомами. Затем последовало, в 1837 году, *Евангелие от Святого Луки*, переведенное на испанский *Кало* “Цыганским борроу”, который, однако, вставил кастильские слова отца Сцио вместо того, чтобы образовать их от цыганских корней.

§ 2. Цыгане Испании.

У нас достаточно материала для изучения испанского цыгана, или фламанко, как его презрительно называют, вероятно, потому, что он прибыл в Андалусию в сопровождении фламандцев в первой трети пятнадцатого века. И все же несколько примечательно, что Европа вплоть до конца того столетия верила в чисто испанское происхождение цыган.

Паскье, описывая прибытие этих “кающихся” в Париж в 1427 году н.э., добавляет, что с того времени вся Франция была наводнена этими бродягами, но на смену первой орде пришли бискайцы и другие народы того же происхождения. Это наводит на мысль о ранней оккупации полуострова; хотя Франциска де Кордова в своей *“Дидаскулии”* заявила, что впервые о них узнали в Германии, и сейчас принято считать, что последняя орда вошла в Европу по большим дорогам из Андалусии и Болгарии, или, скорее, Греции, и они, должно быть, много лет жили в этих странах.

Северные испанцы обнаруживают в андалузской крови ярко выраженную цыганскую иннервацию.

В Испании, как и везде, цыган вызвал к себе ненависть своим систематическим пренебрежением законами *меума* и *теума*; в то время как он был защищен двумя совершенно разными условиями: первое - его бедностью ("Беден, как цыган" - это все еще пословица); во-вторых, он был шпионом, одинаково полезным как христианам, так и неверующим. И все же в действиях не было недостатка. В 1499 году под влиянием фанатичного архиепископа был опубликован *Gran Pragmatica* (Королевский указ) Медина-дель-Кампо, изгоняющий на шестидесятидневный срок египетских и иностранных ремесленников (*caldereros*) и запрещающий возвращаться под страхом нанесения увечий. Эта прагматика была возобновлена при Карле V. Кортесами Толедо и Мадрида с дополнительным наказанием в виде вечного рабства для тех, кого уличат в блуждании в третий раз. Тем не менее, в 1560 году, во время его свадьбы в Толедо с Изабеллой Французской, цыганские танцы стали частью празднеств. Он был относительно мягок и, смягчив старые строгие законы, приказал изгоям жить в городах. В 1586 году тот же король разрешил им продавать свои товары на десяти ярмарках и базарах на определенных условиях.

Эти кочевники собирали информацию из всех слоев общества, и женщины с их черной магией, колдовством и чертовщиной, хиромантией, приворотными зельями и ядами проникали во все тайны. Святая канцелярия, учрежденная в январе 1481 года, пренебрегла преследованием таких нищих, и сильная рука закона не смогла сделать ничего, кроме как повесить нескольких ведьм. Тикнор отмечает: "Воодушевленный изгнанием евреев в 1492 году, а также изгнанием мавров в 1609-11 годах, доктор Санчо де Монкада, профессор Толедского университета, обратился к Филиппу III. в речи, опубликованной в 1619 году, он призывал этого монарха изгнать цыган, но ему это не удалось".

Другой авторитетный источник утверждает, что он сам в 1618 году подготовил мемориал на этот счет, добавив: "Очень порочно терпеть такую пагубную и порочную расу". Кордова, написав в 1615 году, обвинил их в подготовке за несколько лет до этого организованного нападения на город Согрово, когда свирепствовал чума, и заявляет, что город был спасен от этого искусством некоего волшебника, который имел таинственные отношения с бродягами.

Обвинения в каннибализме стали всеобщими, основанными, вероятно, на том факте, что цыгане не брезгают мясом отравленных ими животных.

То, что многие из преследуемых отверженных были вынуждены бежать из страны, мы вскоре увидим на примере бразильских морерий; а когда религиозное рвение остыло, его место заняли политические интересы, что привело к великим судебным преследованиям. Филипп IV в 1633 году запретил цыганам одежду и диалект, изгнал их из гетто и, объявив смешанные браки незаконными, стремился сплавить бродяг с другими подданными. В 1692 году Карл II приказал им не заниматься ничем, кроме сельского хозяйства. Указ был обновлен в 1695 году, и статья 16 угрожала наказанием всем, мягким и простодушным, кто помогал им и подстрекал к этому. Филипп V. в 1726 году изгнал из Мадрида нескольких цыганок, которые подавали прошения в пользу своих преследуемых мужей. Девятнадцать лет спустя (1745) он приказал беглецам вернуться в его владения под страхом огня и стали, отказав им даже в праве убежища в священных местах. Этот ужасный указ был возобновлен в 1746-49 годах.

Наступили лучшие времена. Расовая ненависть и жестокость, от которых страдали цыгане, постепенно стали считаться пережитками прошлых веков. Уже в 1783 году испанский дон Карлос последовал примеру германского императора Иосифа в 1782 году и отменил ультрадраконовские законы, направленные на вымирание народа, и заменил их декретами, резко контрастирующими с Прагматикой 1499 года; он даже угрожал болью и наказаниями тем, кто препятствовал цыганам в их занятиях. Фактически, гитано, больше не египчанину, было разрешено вступать в смешанные браки со своей кастой, были признаны его семейные права, и ему было разрешено выбирать свое собственное ремесло. Ему было запрещено только носить какую-либо специальную одежду, демонстрировать свои высказывания на публике или заниматься постыдными делами своего призвания. Вкратце, после того, как на протяжении веков преследований он был социальным изгоем, он стал подданным. Это изменение следует отнести только к французской философской школе и работам энциклопедистов, которые в настоящее время привели к величайшему благу современности - первой французской революции 1789 года. Она создавала людей и граждан там, где находила крепостных и рабов.

Эти гуманитарные меры имели свои естественные последствия. Под влиянием терпимости цыгане во многом утратили ту дикость, которая отличала их в глубине гор Толедо, Сьерра-Морены и диких Альпухаррас. Они стекались в долины Эбро, Тежу и Гвадианы, где многие, разбогатев и мало заботясь об общности благ, утратили большую часть своей кастовой преданности и страха перед своими согражданами-христианами. И седобородые не преминули пожаловаться, что цинкало быстро превращается в гачо или бусно - оскорбительные термины, применяемые к нецыганам.

Предполагается, что испанских гитанос насчитывается от пятидесяти до шестидесяти тысяч, и возросшая терпимость общества быстро приводит к их концентрации в крупных городах. Их предостаточно в Мадриде, Кадисе, Малаге, Гранаде, Кордове, Сьюдад-Реале, Мурсии, Валенсии, Барселоне, Памплоне, Вальядолиде и Бадахосе. В некоторых частях Верхнего Арагона и в горах Альпухаррас они скорее троглодиты, чем орды кочевников. Даже в северных провинциях, Старой Кастилии, Астурии и Галисии, где их раньше больше всего ненавидели и боялись, теперь им разрешено свободно селиться. Ожидается полная ассимиляция с учетом положения, которое они заняли в таких местах, как Кадис и Малага. Они начинают получать образование в стране, где их едва ли 20 процентов. можете прочитать, и где гранд последнего поколения был кем-то вроде *чалана* из высшей касты (бондарь лошадей) или *тореро* (тореадор) — своеобразные профессии Гитано. Хотя они сохраняют цыганские традиции, некоторые из них в основном занимаются торговлей скотом и владеют обширными мясными лавками; они держат постоянные дворы и таверны; они имеют дело с крупнейшими торговцами; и они живут в роскоши. Житано из бедных слоев покупают и обменивают животных; выступают в роли жокеев и наездников на скачках; посещают арену для боя быков (особенно в Андалусии); мастерят гвозди и скобяные изделия, как в Гранаде и Кордове; и плетут разноцветные корзинки, которыми славятся Мурсия, Валенсия и Барселона. Их женщины продают домашнюю птицу и старые тряпки; готовят булочки (*бунуэлос*) и кровяную колбасу (*морсильяс де сангре*); работают поварами в тавернах; являются превосходными контрабандистками; и находят в толковании снов, продаже зелья и гадании наиболее прибыльные отрасли. Они поют и играют на различных инструментах, сопровождая музыку самыми сладострастными и распущенными танцами и позами; но горе тому человеку, который добьется от этих баядерок каких-либо благ, помимо их провокационного показа. От Инда до Гибралтара контраст непристойности в языке и песнях с телесным целомудрием — лача е друпю, “позор тела”, как они это называют, — всегда был

отличительной чертой. Ни один бордель в Европе не может похвастаться содержанием цыганки.^[209] Мать тщательно следит за своим ребенком и учит его сохранять предпосылки для Рома, мужа-цыгана. При заключении браков они сохраняют старый еврейский и мусульманский обряд, который исчез из Испании только с воцарением австрийского дома. Даже Изабелла Кастильская, когда она выходила замуж в Вальядолиде за Фердинанда Арагонского, позволила продемонстрировать свои “оправдательные доказательства” гостю на свадьбе. Цыганские браки, как и браки индусов высшей касты, влекут за собой разорительные расходы; пирушка длится три дня; “язычник” приглашается бесплатно; а изобилие мяса и напитков часто делает жениха пожизненным должником. Я объяснил эту практику в Индостане желанием доказать, что первый брак - это *тот* брак.

Испанские цыгане замечательны красотой в ранней молодости: великолепными глазами и волосами, правильными чертами лица, легкими и хорошо сложенными фигурами, легкой походкой и грациозной осанкой. Их локоны, как и у индусов, иссиня-черные, без намека на завивку; и они сохраняют характерный взгляд. Форма совершенна, и у нее особенный вид, которому приписывается способность возбуждать *грандиозные страсти*- одна из привилегий глаза. Я часто отмечал его неподвижность и блеск, который вспыхивает подобно фосфоресцирующему свету, блеск, который в некоторых глазах обозначает безумие. Я также отметил “отстраненный взгляд”, при котором кажется, что вы смотрите на что-то за пределами вас, и чередование фиксированного взгляда с остекленевшим или снимающим зрачок.^[210] Отсюда и английская песня:

Блестящий (?) глаз цыганского юнца

Пронзил сердцевину моей груди,

Подвиг, о котором никто не догадывается под небом

Могло ли это сработать раньше.

А в Испании замечено, что цыган часто завоевывает жену Босно.

Женщины более словоохотливы и распушенны в манерах, чем мужчины. Эти характеристики в сочетании с абсолютнейшим отвращением к другим благосклонностям, даже к ножу, объясняют, сколько сыновей вельмож и крупных чиновников принимали участие в ночных оргиях, а днем поддерживали запрещенную касту. Более того, Гитана защищала себя тем, что владела семейными тайнами. Помимо предсказаний и продажи настоев, у нее был запас *Raiz del buen Baron* (доброго человека, *то есть* дьявольского корня), он же сатанинская трава, которая облегчала тяжелое бремя. На ярмарках, пока мужья хлопотали и торговались, хорошие жены зарабатывали деньги с помощью процесса, называемого *coger á la mano* (ловить за руку); то есть ловко воровали монеты в процессе обмена. Среди других злоупотреблений есть одно, называемое по-цыгански *Юхано баро* (великий трюк), переведенное *gran socaliña* (великий трюк) Джермимо де Алькала в его романе “История Алонсо, мозо де мучос амос” (“юноша со многими дядями”), написанном в начале семнадцатого века. Богатых и алчных вдов уговаривали хранить драгоценности и деньги в темных и малолюдных местах с мыслью найти зарытые сокровища. Бесполезно говорить, что цыганка была единственной, кто выиграл от сделки.

Мы читаем, что старая цыганская одежда неоднократно запрещалась законом; но испанская традиция не сохранила воспоминаний о том, что это была за одежда. Я почти не сомневаюсь,

что иммигранты пятнадцатого века в какой-то степени сохранили индуистский костюм, пагри (головной убор) и дхоти (поясная повязка). И так, в Москве я видел, как цыганские танцовщицы облачились в настоящие хиндустанские начни, чоли, или корсаж, и пешваз, или юбку со множеством складок. Некоторые авторы предполагают, что “живописные бродяги” Калош позаимствовали свою необычную одежду у мавров.

В наши дни зажиточные испанские цыгане носят более или менее богатый андалузский костюм. Он обожает белое полотно, особенно “желтую рубашку”, часто с оборками и вышивкой. Материалы: лен и хлопок, шелк, плюш, бархат и сукно. Любимые оттенки - синий, красный и цвета маркировки. Короткая куртка или пелерина (*замарра*) расшита и украшена лягушками (*аламарес*) или большими серебряными пуговицами; жилет в основном красного цвета, талию поддерживает пояс из малинового шелка с бахромой на концах; комбинезон сужается к лодыжкам, где они переходят в сапоги или козырьки (*борсегуи*), тапочки или сандалии (*альпаргаты*). Наконец, длинные прямые локоны, которые свисают на щеки, как у польских евреев, увенчаны цыганским *сомбреро* или свиным чепцом, а иногда и красным каталонским *горро* (шляпкой), похожей на glengarry.

Цыгане также сохранили платье, которое до недавнего времени носили в Андалусии, а теперь постепенно устаревает. Блестящие волосы собраны в узел Дианы на шее и украшены цветами самых ярких оттенков; они уложены лентами на висках, и все они часто прикрыты вышитым платком. Накидываемый на плечи плащ большего или меньшего размера едва прикрывает лиф и короткую, облегающую нижнюю юбку (*сая*), расшитую, украшенную пучками лент, тесьмой и другими дешевыми украшениями.

Испанские цыгане не сохранили, в отличие от венгерских, своей старой привычки совершать длительные походы с целью попрошайничества и грабежа. Следовательно, они утратили практику *Патерана* или *Тропы*, дорожных знаков, которыми они обозначают направление. Это веточки меха или аналогичные кучи свежесобранной травы, расположенные на небольшом расстоянии. На перекрестках знаки расположены справа от следующих. Иногда они чертят на земле крест, более длинная ветвь которого указывает путь, или прибавляют один кол к другому. Норвежские цыгане оставляют своими кнутами на снегу отметину, называемую Фаано; она напоминает мешок с закрытым ртом. С течением веков они утратили ту чудесную способность следовать следу которую их сородичи на берегах Инда сохраняют в совершенстве. У них сохранился особенно пронзительный свист, которым славились гуанчи. С помощью знаков и свиста две стороны могли общаться друг с другом; и если происходило что-то особенное, отправлялись гонцы сообщить об этом.

На цыганский язык смотрели как на обычный жаргон, а его индийское происхождение, как было показано в других местах, не признавалось до середины прошлого века. Более того, он был основан совместно с Germania (воровской латынью), словарь которой, собранный Хуаном Идальго из Сарагоны, попал в *Академический словарь*. Единственные цыганские слова, которые в нем содержатся, - это те, которые были заимствованы из Кало хулиганами времен Кеведо. Однако многие искажения и варварства были внесены в книги псевдолитераторами “белой крови”, которые гордились своим знанием цыганского языка. Например, Meriden означает Коралл; и поскольку в испанском удвоение согласной изменяет слово, изобретатель, чтобы выразить Corral (Загон, Крааль, скотный двор), создал самый варварский термин Merridden. Это была работа *поклонников* (любителей), таких как монах-августинец Мансо де

Севилья из Картухи или картузианского монастыря в Хиресе, чья знаменитая порода лошадей привела их к непосредственному общению с цыганами. К счастью, однако, на этом языке говорили, а не писали; и таким образом, как утверждал мистер Бакл о легендах и преданиях, его чистота была сохранена.

Цыганские стихи обычно импровизируются под звон и постукивание гитары, иногда под гитару и кастаньет, и часто без музыки. Многие из того, что было напечатано, кажется поддельным, непонятым самим цыганами. Излюбленная форма - квартеты, более или менее тщательно зарифмованные; они запечатлеваются в памяти слушателей; и таким образом они передаются из уст в уста по всей Испании. Борроу приводит несколько переводов цыганских песен на цыганский язык. Песни фламенко Демофико на фонетическом андалузском языке, которые поют на ярмарках и рынках, в кафе и закусочных, на улицах и переулках Севильи, датируются прошлым столетием. Поэзия слаба, мораль не всегда безупречна, но чувство сильное и трогательное. Эти песни поют многие портные и цирюльники, в жилах которых нет ни капли цыганской крови. Их вряд ли можно принять за подлинно цыганскую работу.

СНОСКИ:

[206] Следовательно, вероятно, считается, что в венгерских хуньяди есть цыганская кровь. Говорят, что матерью Джона (1400 г. н.э.) была белокурая валаха Элизабет Марсиная, возможно, цыганской крови. Хорошо известна легенда о мальчике, забравшем кольцо своего неизвестного отца у галки-грабительницы, о его появлении в Буде и получении в дар города Хуньяд и шестидесяти деревень. Колокол турок впервые был услышан в захваченной Венгрии во время правления Сигизмунда. Иоанн Хуньяди изгнал их из Сербии и Боснии и тщетно предлагал создать лигу христианских держав. Когда Корвин скончался после сорокадвухлетнего правления, подданные сказали о нем и до сих пор говорят: "Король Матиас мертв, и Справедливость умерла вместе с ним".

[207] *Венгрия и Трансильвания*, 1839 год. До 1848 года Церковь, государство и дворяне были единственными землевладельцами; крестьянин, однако, имел разрешение занимать определенные участки (*сессиионные земли*) под своим господином.

[208] Мистер Эндрю Ф. Кросс, *"Вокруг Карпат"* (Блэквудс, 1878), заявляет (стр. 146), что эта "воинская повинность проводилась со всеми видами официальной жестокости". Австрия имела дело с покоренным и своеобразным, упрямым народом. Как нам сказали, ненависть лорда Пальмерстона к Австрии была лучшим доказательством симпатии Венгрии.

[209] В публичных домах Буда-Пешта и других крупных городов Австро-Венгрии часто бывает одна цыганка среди их обитательниц.

[210] Я нахожу свое мнение подтвержденным наблюдателем постарше: "Особенность цыганских глаз заключается главным образом в странном пристальном выражении, которое, чтобы понять, нужно увидеть, и в тонкой глазури, которая покрывает их в состоянии покоя и, кажется, излучает фосфоресцирующий свет" (*"Цыгане"*, Сэмюэл Робертс).

ГЛАВА VIII

ЦЫГАНКА В АМЕРИКЕ

Бразильские цыгане

Цыгане Североамериканской республики хорошо известны, и их эмиграция относится к современному периоду. Во время войн между Англией и Францией, последовавших за великой революцией, многие из них променяли бродячую жизнь на служение стране, будучи либо похищенными, либо под впечатлением, либо получив шиллинг. Конечно, получив пропуск в американские колонии, они дезертировали из армии, нашли друзей и осели в деревне. Полубандитские банды шотландских цыган в основном были разбиты таким образом.

С другой стороны, Южная Америка очень малоизвестна; и все же та часть, с которой я знаком больше всего, Бразилия, полна цыган. Когда Фердинанд и Изабелла Католички (1492 г. н.э.) издали указ об уничтожении мавров, евреев и гитанцев, последние попрятались в укрытия; они снова были объявлены вне закона Карлом V. (1582 г. н.э.); а Филипп III (1619 г. н.э.) издал из Белена в Португалии приказ всем цыганам покинуть страну в течение шести месяцев — приказ, возобновленный Филиппом IV. в 1633 году нашей эры. Для такой суровости была какая-то причина. “Властные нищие” приобрели дурную славу, став шпионами турок и сарацин; и если общее предубеждение против них было необоснованным, оно, по крайней мере, основывалось на прочном фундаменте — их ненависти к христианским бусно, гачо или нецыганам. Таким образом, в каждом приморском городе Бразилии, куда отправляли изгнанников, в настоящее время имелся цыганский *байрро*, или квартал, португальская Морерия (Moorery), соответствующая испанской Гитанерии, и немало напоминающая гетто итальянских евреев. Например, Рокко, ныне самая красивая площадь в великолепном Рио-де-Жанейро, в старину называлась Кампо дос Сиганос - Цыганское поле. Оттуда “египетские паломники” распространились по Внутренним районам, где их палатки часто привлекают внимание путешественников; и некоторые из них стали выдающимися преступниками, как цыган Бижу, один из главных головорезов, чья карьера закончилась повешением за убийства, которые надолго опозорили горы Мантикейра, которые я описал в *высокогорье Бразилии* (i. 63).

Бродя по провинциям Сан-Паулу и Минас-Жерайш, я часто встречал группы цыган, чья внешность, язык и занятия были европейскими. Здесь они, возможно, немного более жестокие и опасные, и путник смотрит на свой револьвер, приближаясь к их лагерю в сумерки; и все же они едва ли хуже “Морфетикос” (прокаженных), которым позволено бродить по стране. Популярные книги и рецензии игнорируют их, но крестьяне относятся к ним с отвращением и религиозным страхом. Они заявляют, что являются благочестивыми католиками, но на сегодняшний день они лучшие из протестантов, поскольку практически и энергично протестуют против всего этого. Их религия, по сути, воплощена в аксиоме: “*Cras moriemur* —посмертное отсутствие сладострастия”. Мы вполне можем поверить распространенному слуху, который обвиняет их в том, что они крадут домашнюю птицу и лошадей, а иногда совершают незначительные убийства.

3 мая 1866 года, когда я ехал из Рио-Кларо в Пирачикаву-Сан-Паулу, я посетил банду этих “паразитов”; и в сопровождении моих вооруженных слуг я провел ночь в их палатках. Сцена была знакомой: шатер кишел смуглыми детьми, с треугольника свисал горшок, а вокруг были расставлены лошади и пони для перевозки, а возможно, и для продажи. Черты и цвет лица были как у иностранного лудильщика; женщины, помимо роскошных украшений из меди, кораллов и бус, носили алые обертки для ног; а некоторые девушки были хорошенькими и хорошо одетыми, как достопамятная Селина из Бэгли Вуд, Оксфорд. Очевидно, они были владельцами негритянских рабов, возможно, беглых. По словам бразильцев, они любят *nomes esquisitos* (причудливые имена); Эсмеральда и Сапфира распространены, и они заимствованы у деревьев, растений и животных.

Их главные занятия - мелкая торговля и гадание, когда они за вознаграждение раскрывают все тайны “любви и закона, здоровья и богатства, потерь и крестов”. Они также “увлекаются” похоронами в течение всего дня и пьют, поют и танцуют всю ночь - обычные поминки. Я не мог заставить их говорить на их родном языке, но они, очевидно, понимали меня. Это желание скрыть свое цыганское происхождение я часто замечал в других местах. Вероятно, это пережиток времен их преследований. К счастью, сегодня в большинстве цивилизованных стран цыгане могут рассчитывать на равные права с другими мужчинами.

III. ЭЛЬ ИСЛАМ

ЭЛЬ - ИСЛАМ ИЛИ РАНГ МУСУЛЬМАНСТВА СРЕДИ РЕЛИГИЙ МИРА

Великий философ в незапамятные времена сообщил нам, что мы можем исследовать весь мир, и что ни в одном регионе, где жил человек, мы не сможем найти город без знания бога или отправления религиозных обрядов (Плутарх).

Этот апофтегм воплощает догму, несколько чересчур опрометчивую и размашистую. Необходимость Демиурга—Творца, столь привычная нашему уму, обычно кажется дикарям странной. Более дикие племена сингальских веддов, например, не имеют суеверий; эти дикари даже не научились бояться демонов. Она имеет лишь скудное влияние на воображение варварских людей. Буддисты и джайны после Сакья-Муни приписывали явления вселенной Свабхаве, или силе, присущей материи, Матре, и независимой от Ишвара-Карты, или Бога-производителя. Аристотель и Спиноза вместе с Пифагором верили, что мир вечен и что Бог не может существовать без мира, как высота без ширины. Отсюда “вечный нигилум” Гегеля — творение является всем для сотворенных существ — в прямой противоположности Кальвину, который полагал, что творение - это не переливание сущности, а начало ее из ничего. В наши дни кафиры Капской провинции, древние египтяне и вообще африканские расы, варвары и полуварвары, отнюдь не лишенные интеллекта и проницательности, никогда не были способны

постичь существование или необходимость Единого Бога. Для них, как и для множества цивилизованных философов — например, индийских чарваков, — Природа самосуца, Материя не имеет начала и бесконечна; фактически, мир - их Бог. *Ex nihilo nihil fit* - первый пункт их символа веры. Таким образом, абсолютное незнание какого-либо Бога было самым ранним духовным состоянием человеческой семьи.

Но благоговение присуще человеческой груди. В настоящее время человечество, выходящее из интеллектуального младенчества, начало обнаруживать абсурдность творения без Творца, следствий без причин. Однако пока что они не осмеливались возложить на Одно-Единственное Существо всю тяжесть мира материи, созидания, сохранения и разрушения. Человек, инстинктивно ощущающий свою никчемность, безнадежно попытался бы постичь идею чисто Духовного Существа, всемогущего и вездесущего. Охваченный благоговейным страхом перед замечательными явлениями и колоссальными силами Природы, преисполненный чувства личной слабости, он отдался потоку суеверных страхов и пал ниц перед природными объектами, как неодушевленными, так и одушевленными существами. Утешенный солнцем и огнем, облагодетельствованный ветром и дождем, облагороженный героем и мудрецом, уничтоженный дикими зверями, рассеянный потрясениями Природы, он впал в грубый, унижающий достоинство и трусливый фетишизм, веру страха и переходное состояние от крайней дикости к варварству.

В подтверждение этого мнения можно заметить, что эта религия — если фетишизм действительно заслуживает такого священного названия — в своей самой ранней форме не содержит следов Божества или Творца.^[211] Это систематическое поклонение персонифицированным элементам, произведениям и силам Природы, мужским и женским, поддерживаемое множеством единомышленников и подчиненных. Его триада - Индра, бог Эфира; Варуна ([греч. οὐρανός; уран]), бог Солнца; и Агни, бог Огня. Поскольку политеистическая триада Пуран тогда была неизвестна, Творец, Брахма, фигурирует в Ведах; хранитель, Вишну, стоящий ниже Индры, представляет небесный свод; Лассен доказал, что Сива был местным богом, впоследствии принятым брахманами в свой обширный Пантеон. Еще дальше от веры человека в те ранние дни находится смелая и оригинальная мысль Упанашид и Ведант, которой суждено было так скоро пасть перед формулами школ и сводов законов, Пуран и других традиций. Там Брахма, или Единый Всемогущий, сделан вершиной великолепной пагоды веры; вся вселенная, материя и дух, представлены как сама субстанция и развитие Демиургов. В поддержку их великого пантеизма Брахма-Сутра провозглашает человеческую душу частью Божества — *божественной особой аурой* - “отношения не хозяина и слуги, а целого и части”. Предполагалось, что творение является расширением сущности Творца, подобно тому, как математическая точка увеличивает длину, глубину и широту, наделяя пустое пространство свойствами фигуры. Из этой утонченной и метафизической догмы, из этой теоретической эманации бытия из Души Мира и вытекающего из нее отказа в Ней возникает доктрина Метемпсихоза, “подразумевающая веру в загробное состояние наград и наказаний и моральное управление творением”. Приверженец индуизма в настоящее время продвинулся так далеко, что стал символом вульгарного идолопоклонства народа. Благотворные животные объясняются как символы созидательной функции Брахмы и охранительной функции Вишну; дикие и свирепые звери олицетворяются как разрушительная сила Божества. Они почитают людей с великолепными способностями и славными поступками как обладающих большей божественной сущностью и более прямой эманацией, чем вульгарное стадо. Отсюда бессмысленное идолопоклонство необразованных людей. Отдельные формы, такие как

расщелина дерева, также выбраны для представления материально — *oculis subjecta fidelibus* — пассивной силы порождения, вертикальная скала, выражающая активность.

Таким образом полуцивилизованный человек объясняет безумства своего детства и оправдывает себя за то, что оставляет невежд во внешнем мраке символической веры. Но предшествует ли знание невежеству — объяснение басне? Или разумно предположить, что символу, типу, мифу когда-либо поклонялись или что люди когда-либо стыдились своих богов? Индуисты, да и многие христиане, все еще поклоняются быку и корове, скале, реке, идолу, реликвии и реальному изображению; они не преклоняют колени перед их метафизикой. Ученые объясняют их простым обожествлением. Однако для непрофессионала и эзотерика они по-прежнему остаются божествами; и любая попытка их аллегоризации была бы сочтена, как в Древней Греции, подобно реформе Эпикура, простым атеизмом. Мы должны, однако, по справедливости оценить эти древние догмы, превратившись в первобытных детей земли — человека в его младенчестве. [212] Мудрость Египта, познания Востока превратились в ребячество. Но “кто знает, какие яркие доказательства были распространены под маской их старого идолопоклонства? Кто не видит, что воображение, первая активная способность ума, была возвращена мифом, моральное чувство - басней, а первые неуверенные шаги в познании поощрялись заповедями, которые теперь кажутся детскими и абсурдными?” (Дабистан). Конфуций был так же склонен придавать первостепенное значение вторичным причинам, как и его предшественники. Признавая, что он ничего не знал о богах, он поэтому предпочитал избегать этой темы.

Древние персы, согласно Геродоту, который беседовал с ними, игнорировали дуализм, свою более позднюю схему. Отвергая образы богов и ангелов, они поклонялись без персонификации или аллегории эфирному огню, черпаемому из Солнца. Вселенная была их храмом, их алтарями *Pyraetheia*, или кругами из камней, в центре которых стояла киблой их простого игниколизма. Истинные пуритане язычества, они ненавидели грандиозные верования египтян, они разграбляли их великолепные гробницы, убивали их звериных божеств и пожирали их садовых богов. В настоящее время символизм начал вторгаться в простую и примитивную веру Ирана. Согласно Страбону, свету и огню поклонялись как наиболее подходящим символам духа и тонкого интеллекта. Зороастра заставили поверить в Бога, “Наилучшего, Нетленного, Вечного, Несотворенного, Неделимого и наиболее непохожего на все”; фактически, это абстракция, негатив. И все же Хайд, Анкетиль дю Перрон и другие современные люди изображают секту парсов с их сложной системой обрядов и церемоний, их легионом сверхъестественных существ, сил и влияний, а также заумным дуализмом, чистым игниколизмом древних гебров.

Но темная эпоха дикого атеизма, отыгравшая свое время, уже в фетиссизме, политеизме, пантеизме, догме метемпсихоза и идолопоклонстве раннего Востока может быть признана зарождением просвещенного теизма. Подобно догме о будущем порядке наград и наказаний во времена Моисея, это не было чем-то неизвестным, хотя и неисследованным. У индусов были свои Веды Шашвата, а у гебров - Акарана Зарвана. Первый правил триадами; второй был выше Ормузды, Солнца, и Аримана Ахура-маны, олицетворенного Принципа Зла. Итак, у греков был [греч. Θεός: Теос], а у римлян - Бог, игнорируемый разве что как теория. Арабы и мексиканцы в своем обширном политеизме все еще отличали Ала, Высшее Существо, от толпы низших богов, ангелов и дьяволов, посредников, подчиненных разумных существ, инкарнаций, переселений душ, эманаций, манифестаций и подобных земных представителей. Таким образом, здесь был зародыш мысли о вечном, несотворенном, нетленном и созидательном Божестве. Окутанная

туманом и тенями мошенничества священников и народного невежества, догма все же существовала; и ее свет был так утешителен для души человека, что никакая земная сила никогда не могла погасить его.

Ведическая шашвата была истолкована филологами как обозначающая Солнце. Акарана Зарвана (безграничное время) явно является синонимом достопочтенного Хроноса. Таким образом, мулунгу из Восточной Африки и улунгу кафиров в равной степени означают дух, солнце или небесный свод. Среди расы масаи, недалеко от Килиманджаро, Энгаи, Создатель, женского рода, Бог и дождь смешиваются.

Сходство веры, манер и обычаев и даже совпадение дозволенной и недозволенной пищи между Индией и Египтом слишком поразительно, чтобы объяснять его простой случайностью. Фетишизм одного в точности походил на фетишизм другого. Оба поклонялись олицетворенной Природе, или Манушья-Охакте; они возвысились до уровня бога и обожали объекты благодарности и почитания, надежды и страха. “Великое святое семейство” Индии стало на берегах Нила Осирисом, Исидой и Гором. Осирис, впоследствии олицетворенный как “воплощенная Доброта Всевышнего”, погиб, чтобы победить Зло, снова воскрес к жизни и стал Судьей живых и мертвых. Исида снова является дарующей Смерть, а Гор, или Хор, входом или повторным входом в Жизнь. Каждое мужское божество в обеих системах имело свою Шакти, или пассивную энергию, символизируемую женщиной. В обеих мифологиях священный скот. Яйца, лук и фасоль — излюбленные продукты питания нынешних мусульман - были запрещены и тем, и другим по мистическим причинам. Цветок лотоса, происходящий из Индии и связанный с суевериями обеих стран, исчез из Египта вместе с мусульманами, которые не ставят своей целью сохранение экзотики. В индийской мифологии это был Трисир, в Египте - Тевнон, в Греции и Риме - Цербер, трехглавый пес в Аиде, о существовании которого, должно быть, передавали от одного народа к другому. Индия поклоняется Священному Змею, современный мусульманин Египта обожает Змею Джебель Шейха Харида. Индуистские йоги и соньсяи до сих пор бродят по берегам Нила и падают ниц перед его разрушенными обломками. Общество в Индии было разделено на четыре большие отдельные группы — священников, солдат, торговцев и слуг. Египтяне насчитывали жреческий орден, военную касту, земледельцев, торговцев и ремесленников и, наконец, пастухов, их мерзость. Диодор Сицилийский перечисляет пять каст. Однако пятая, или пастухи, вероятно, не принадлежали к обществу; они были изгоями, соответствующими индуистской смешанной крови. В древней Персии жестких каст также было четыре. И поскольку арии или индусы Арьяварриты, Земли Людей, являются аборигенами Арианы и родственниками арийской расы, возможно, эта система искусственных и неестественных различий возникла в регионах Средней Азии. Действительно, сэр У. Джонс пришел к более широкому выводу, а именно, что три примитивные расы человечества, должно быть, первоначально мигрировали из обширного центрального региона Земли, и что этим регионом был Иран.

С течением времени пантеизм, который видит божество повсюду, даже внутри нас самих, рассматривал земных богов как земные сосуды, одушевленные искрой Вселенской Души. Низшие божества, объекты поклонения сабеев, такие как солнце, луна и неподвижные звезды, считались высшими силами-посредниками во Всемогушестве. Тысячи интерпретаций, физических, символических, мистических и астрономических, были сформулированы мудрецами Мемфиса. И как среди индусов, так и Божество Египта, хотя и было открыто

посвященным, старательно скрывалось для простых людей множеством Аватар и инкарнаций, переселений душ и подчиненных разумных существ.

История умалчивает об этом наиболее интересном предмете - ранней связи Индии и Египта. Однако в Аравии все еще сохранились следы его существования, хотя Уилфорд сильно преувеличил тему. По всему Оману и Восточной Аравии до наших дней сохранились следы кастовых предрассудков. Ни один кабили, или человек благородного племени, каким бы бедным он ни был, не станет Хаддадом (кузнецом), Шаммаром (сапожником, в хиндустани Чамар), Даббагом (кожевником) и Найялем (красильщиком). У индусов Маската есть Аватар. Каждый Пандит знает, что Шива и его жена под именами Капот-Эшвара и Капот-Эшвари посетили Мекку, и им там поклонялись в виде голубей мужского и женского пола. Это отмечает прямое сообщение вдоль побережья Королей-Пастухов. Опять же, возможно, что в ныне забытые века эфиопы переняли у индусов свои искусства, науки и цивилизацию, которые естественным образом поплыли на север вместе с Нилом.

Из Египта эти догмы перешли в Грецию, а из Греции - к расенийскому народу древней Этрурии. Это распространение, подтверждаемое сходством их верований, поддерживается старой традицией. Геродот объясняет басню о черном голубе, который улетел в Додону и там основал оракул на том основании, что он был основан пленницей из Фиваид. Очевидное сходство обрядов и церемоний, процессий и мистерий, вместе с историческим фактом, что величайшие умы Греции обучались у жрецов-философов Гелиспота и Мемфиса, являются основными косвенными доказательствами, из которых возникла блестящая теория Уорбертона о том, что знание "Тайного Единого" было сохранено эзотериками, но скрыто из страха перед профанами. Он был атеистом, который верил в Единственное Божество, потому что таким образом унижал и бесчестил вульгарных богов; а древние, самые благочестивые люди, торжественно разрывали на куски всех виновных в подобном нечестии. Однако Арканы были священны; под их сенью могла процветать любая догма.

Некоторые этнологи удивлялись поразительным совпадениям между космогонией этрусков и космогонией Моисея. Это чудо легко объяснить. Обе системы были заимствованы у египтян, "сведущих в древней учености" (Апулей).

Индия и Персия, как мы видели, оставили своему Божеству заумную философскую доктрину, простую абстракцию, "бесконечное и вечное Ничто". Простые усилия ума, они, вероятно, были добавлены позже, чтобы усовершенствовать и дополнить Пантеон. Они были погружены в глубочайший мрак, в то время как зрение человека было поглощено звездами и другими объективными творениями, знакомыми его глазам, а через них и его чувственному уму. Тогда самые древние философы теоретизировали о Всемогущем Творце, верили в него тайком и теоретически, но на практике предавали его забвению. Чернь кланялась не божеству, а обожествлению его атрибутов, которые они сделали материальными и близкими по духу.

Следует предположить, что Египет продвинулся на шаг вперед по сравнению с Индией и Персией, иначе столь многие из его догматов не были бы включены в Кодекс Моисея. Несомненно, египетские жреческие провидцы сделали своего Демиурга не простым существом, обладающим интеллектом, а доминирующей идеей в религиозной теории, в то время как низкопоклоннический фетишизм народа получил от них мистическое и заумное толкование. Но в этом заключалась их роковая ошибка. Священники были не только служителями религии, они были хранилищами всех отраслей полезных знаний, от медицины до

философии. По закону король был священником. Если член второй, или военной, касты поднимался на трон, он сразу же получал посвящение, ибо “сыны Божьи”, как называли монархов, не могли принадлежать ни к кому, кроме священного ордена. Образованные люди уважали и боготворили как прообразы и символы то, чему чернь поклонялась сердцем и душой. Но они держали при себе преимущества своего разума и изобрели мистерии и гностические церемонии - пурпурное одеяние религии, — чтобы скрыть ту Святую Истину, созерцание неприкрашенной прелести которой принадлежит человечеству. Они оставили своих собратьев, “самых религиозных из людей”, совершенно не знающих божественного знания, жалкими поклонниками Нила и пустыни, ихневмона и кошки. Действительно, они передали касте знания, которые являются силой среди полумодернизированных рас. Но церковный орден, даже в самых обширных иерархиях, является лишь частью народа; поэтому они разделили своих братьев-людей на священников и рабов. Горе тому, кто таким образом погружает человеческий разум во тьму!

Итак, мы видели, что фетишизм вытеснил атеизм в развивающемся сознании человека. Точно так же, как алхимия предшествовала химии, магическая физика - астрологии, а астрология - астрономии, фактически, как невежество и ошибки всегда прокладывали путь к истинному обучению, так и поклонение Природе было подходящим предварением поклонению Богу Природы. Теперь настало время для раскрытия теизма, религии Любви и единственной догмы, которая прочно укоренилась в сердцах и умах более благородных людей. Не имеет большого значения, каков был *способ действия* этого вдохновения. Любая информация, выходящая за рамки обычного понимания эпохи, справедливо называется откровением, и каждая нация получила что-то такое, от чего человеческая семья получила пользу (Дабистан). Мы можем предоставить фанатикам и чудотворцам, скептикам и атеистам обсуждать *ad libitum* неразрешимый вопрос, который, если его решить, принесет мало пользы человечеству.

Моисей, чей могучий ум извлек из мрака теизм, или веру в Единого Бога, чтобы она стала краеугольным камнем вероучения не нескольких посвященных мудрецов и изучающих эзотерику, а целого народа, который поделился с человечеством своим правом первородства, знанием божественной истины, полностью понимал фатальную ошибку своих наставников, египетских мудрецов-жрецов. Его история, искусно облеченная в форму басни в последующие века, по-видимому, такова. Обстоятельства случайного характера заставили его покинуть берега Нила и отправиться в восточные пустыни. Пока он кормилстада своего тестя-бедавина среди ужасных пейзажей и безмолвных, торжественных равнин Шура, он сосредоточил свой разум на патриотической задаче, гигантском плане превращения горстки униженных рабов в великую нацию и Избранный Народ. Там же он сделал те местные наблюдения, которые, увиденные сквозь туман древности и преувеличенные дополнениями и традициями последующих эпох, стали основой того, в чем никогда не бывает недостатка на Востоке, — чудес, знамений и явлений с небес. Сосредоточив свои силы и энергию в одиночестве — а нет такого укрепителя души, когда душа сильна, — он вернулся в Египет с целью приведения в исполнение своего грандиозного плана.

Но Моисей считал невозможным, не имея более сильной власти над своим народом, чем некоторые устаревшие догматы, почти забытые недостойными потомками патриархальных предков, в окружающей его атмосфере суеверий и под пагубной тенью враждебного и жреческого правления, возвысить до человеческого достоинства души поработанной,

презираемой и, следовательно, деградировавшей расы. Что может быть лучшим доказательством их вырождения, чем их требование узнать имя Бога?

Таково духовное состояние индийского парии, у которого есть свои идолы, но нет представления о Всемогущем Божестве, и который считает своих мертвых божеств ниже по достоинству живого Брахмана. Что может быть более показательным для их ментальной подчиненности египетским суевериям, чем их изображение Единого Всевышнего в виде теленка или молодого бычка, эмблемы Приапа во всем древнем мире? Они в равной степени уступали ему в физической силе. Манефон насчитывает их в 80 000 человек — поразительный показатель увеличения, учитывая их обстоятельства и социальное положение, для потомков семидесяти человек за короткий промежуток в 430 лет. Составители Книги чисел^[213] дают 603 550 бойцов в возрасте от двадцати лет и старше; это, вместе с женщинами и детьми, составило бы почти три миллиона человеческих существ — экстравагантная оценка.

Из этого состояния деградации должны быть подняты тысячи израильтян — должны вернуться к состоянию своих предков, смелых свободных вождей бедавинов. Поэтому они должны покинуть Египет и подготовиться морально и физически с помощью дисциплины обширной и ужасной пустыни, чтобы войти победителями в святую Землю Обетованную. Многие должны погибнуть от тягот, лишений и изнурительных путешествий по пустыне. Согласно Ибн Халдуну, евреи, униженные рабством, были неспособны противостоять филистимлянам или арабам Ханаана до тех пор, пока не вымерло старое поколение и новое не выросло в суровой жизни в пустыне.

Великий Законодатель, человек гневного нрава, как и все, кто совершает замечательные поступки, и мастер египетской учености, проявил при осуществлении освобождения своих соотечественников работу, замечательную саму по себе, силу воли, изобретательность, мощь слов и поступков, которые, увиденные спустя века сквозь тусклую атмосферу традиций и туман национального тщеславия, позволили ему предстать в глазах более поздних веков гигантом среди себе подобных. Он стал предметом басен, как физических, так и духовных. Иосиф Флавий говорит о его божественном облике и огромном росте. До наших дней у арабов Синая сохранились следы гигантских ступней и углубления, сделанные стержнем, который, должно быть, был выше мачты. Памятники Египта, столь полные мельчайшей информации, не упоминают ни Моисея, ни Исход. Миграция нескольких рабов-кирпичников была для народа, окруженного кочевыми племенами, событием слишком обычным, слишком непоследовательным, чтобы претендовать на строчку иероглифа. Но люди древности, в этом пункте обращая вспять наш современный стиль национальной генеалогии, всегда стремились возвеличить и украсить свое происхождение; а евреи, претендовавшие на самую древнюю и благороднейшую из родословных, не могли рассказать историю своего происхождения как нации, не возвысив ее простое сословие сотней басен и не приукрасив ее знаменами, чудесами и диковинками, прославляющими Избранный народ и его великого вождя.

В одном главном Законодатель просчитался со своими полномочиями. Он предлагал сделать из своих еврейских последователей расу чистых теистов, царство священников, святую нацию, не почитающую ничего, кроме Единого Всевышнего, поклоняющуюся ему без посредника и, следовательно, независимую от храмов и жреческих каст, а также от длинного списка церемоний и священных принадлежностей, с помощью которых иерархии укрепляют и увековечивают свое господство. Но еврейский разум был совершенно не приспособлен для восприятия чистой истины. Среди ужасных сверхъестественных сцен, которые, по их

собственным рассказам, предвещали провозглашение Бога Израиля, с битвами и разрушениями, чудесными бедствиями, огнем и разверзшейся землей, всегда готовой наказать тех, кто отрицал свое Божество или не повиновался его слугам, этот замечательный народ находился в постоянном состоянии бесполезного упрямства и бессильного бунта. Глубоко пропитанная стойкими суевериями Нила, упрямая раса стала скорее раздражительной, чем сильной под воздействием болезненных тренировок в пустыне, они жаждали возвращения в рабство и умоляли о нем, и ни у кого не было глаз, чтобы пристально смотреть на явленный свет Откровения, исходящий от их лидера и законодателя.

Обнаружив, после своего возвращения из временного затворничества и выхода на пенсию,^[214] что его избранный народ поклоняется расплавленному тельцу, богу Апису, и *играет*— другими словами, представляет сцену египетского разврата — Моисей в гневе разбил первые Скрижали Закона (Исх. xxxii. 19). Они состояли просто из Десяти заповедей, запрета делать богов из золота и серебра, простых указаний по строительству глиняного жертвенника и краткого гражданского и уголовного кодекса, заключенного в трех главах. После очередного срока в сорок дней и ночей, проведенных в одиночестве среди ужасных и впечатляющих сцен, которые были свидетелями его размышлений во время кормления стад Иофора, а теперь стали свидетелями разочарования в его ранних устремлениях, Моисей вернулся с кодексом (Исх. xxxiv.) лучше соответствует болезненному состоянию еврейской души. Из этого соотношение ритуала и моральных предписаний составляет десять к двум. Это жреческая система, вера в праздники и жертвоприношения, в святые дни и церемонии, намеренно ассимилированные с теми египетскими идолопоклонствами, с которыми были знакомы умы людей, но привязанные к поклонению Иегове, их Богу. Законодатель больше не гнушался заимствованиями из символической религии, особенно в церемониальном богослужении, которого поначалу он, по-видимому, избегал. Ковчег и дарохранительница были древними образцами у египтян, памятниками их миграции на Север. Урим и Туммим (Ра и Теней) были Солнцем и олицетворяли Справедливость — Свет и Истину. Элохимами были Кнеф и Птах, руководящий дух и созидательный интеллект Всевышнего. Дух Божий, который двигался над поверхностью вод, снова является Божеством Кнеф. Молчание, с которым следовало поклоняться Иегове, по-видимому, было идеей, заимствованной у Амона Ра, Невыразимого Слова, подобного индуистскому “Аум”, которое никогда не должно произноситься о человеке. Дерево Жизни, плоды которого превращали в богов тех, кто их вкушал, было простым символом задолго до того, как день Моисея вошел в индийскую и египетскую мифологии. Он сохранился в ранних верованиях христиан и даже оставил свои следы в Тубе, или райском дереве Эль-Ислама.

Космогонию Моисея можно проследить до того же источника. Образование земного шара, столь отличное от современной теории; разделение материи на четыре элемента: огненный свод, воздух, море и землю; и происхождение животных из праха - все это было египетскими догмами. Еврейский историк придерживался теории вечности материи, теории древней философии в целом.

В сотворение человека (Быт. i.), которое мы понимаем фигурально, имея в виду божественное подобие душе, праведности и истинной святости, евреи верили буквально и физически. Как Господь создал человека по своему образу и подобию, так и человек в ответ очеловечил Божество. У них был личный Бог со смертным обликом и человеческими страстями, который ненавидел хананеев не за их собственные грехи, а любил евреев не за их собственные заслуги,

а ради их предков. “Разгневанный Бог” и “ревнивый Бог Моисея” отражают ортодоксальное мнение даже современных евреев.[\[215\]](#)

По мере того, как мы возвращаемся к невежеству древности и обращаемся к метафизике диких рас, мы обнаруживаем, что личность Бога, описание его формы и описание его действий и страстей выдвигаются на первый план. Дикари и варвары не могут верить, не очеловечивая свой Великий Дух. С другой стороны, мусульмане отвергают этот догмат. Среди них некоторые секты, такие как байзави, отрицают и считают нечестьем утверждать, что даже в будущем глаза блаженных узрят Аллаха.

Опять же, Еврейский рай - это пережиток старой легенды, распространенной по всему восточному миру. У индусов была своя Сатья-Юг, у персов - Эриена-Виги, а у греков - свой Золотой век. Однако следует отметить, что, хотя мы размещаем Сад на земле, ученые-раввины помещают его на первом, или самом низком небе, которое является точным отражением этого нижнего мира. Сакья Будда учил, что человеческие существа впервые появились в результате призрачного рождения. Они были великолепны и счастливы, чисты и бесстрастны, пока один из них не попробовал вкусное вещество, произведенное землей. Примеру последовали остальные; таким образом, чистота пришла в упадок, господство приобрела империя чувств, избыток последовал за потворством своим желаниям, а вырождение - за избытком. Та же легенда была сохранена в более грубой форме Эль-Исламом. Адама заставили есть пшеницу, и поэтому он стал подвержен человеческим немощам. Священные писания магов содержат предания о миграционном походе народа Ормузда под предводительством их патриарха Джамшида из Эриен Виги, или чистого Ирана, который, как предполагают гебры, был первобытным местом обитания их расы и находился недалеко от Балха, древней Бактрии. Это был край всех наслаждений, пока Ариман Злой не сотворил в его реке Зимнего Змея. Что касается обитателей Рая, наших прародителей, то можно упомянуть, что многие ученые мужи Востока, так же как и Запада, предполагали, что Адам до сотворения Евы был андрогинным, то есть одновременно мужчиной и женщиной (Мирабо).

Обнародование нового кодекса Моисея не было популярно среди евреев. Сдерживаемый в своих патриотических намерениях, Законодатель, однако, мужественно продолжал начатую им подготовку. Долгие-долгие годы Избранный народ странствовал в опасностях и трудностях по всему региону, который всегда и во всех отношениях был приспособлен для того, чтобы произвести выносливую, суровую и воинственную расу. И когда все было подготовлено для завоевательного дела, великий Вождь не захотел возглавлять экспедицию в Землю Обетованную. В своем последнем поступке он продемонстрировал великодушие, которое поддерживало его всю жизнь, полную труда и разочарований, подлинную силу и величие его ума. Отбросив суеверия относительно человеческого тела, которым учил Египет, и сопротивляясь искушению, которое могло соблазнить более мягкую душу, а именно процессии скорбящих и мавзолею в качестве последнего пристанища, он сделал для себя то, что сделал для своих последователей: он бродил по пустыне, пока не пробил его час, он выбрал руководителем экспедиции более молодого и энергичного человека, и, наконец, он умер, оставив место своей могилы по сей день неизвестным. Однако он завещал миру космогонию, историю и этнографию, составляющую суть древних восточных знаний и по сей день, возможно, самый интересный документ подобного рода, когда-либо созданный человеком. Он дал своим последователям кодекс, в котором высочайший интеллект сочетается с опытом и продуманностью в самых тривиальных вещах; например, порядок расквартирования не может

быть улучшен в нынешнем столетии. Он оставил людей там, где нашел рабов, преемника, обученного осуществлять любимый план и надежду всей его жизни, и, наконец, имя, которое будет плыть по течению времени, пока не сольется с океаном вечного забвения.

Но Моисей оставил свое устроение несовершенным. Он боялся возвращения своих последователей к темному идолопоклонству Нила. Поэтому он имел дело лишь с неясными намеками на воскресение, на иную жизнь, на грядущие награды и наказания — могучий рычаг, с помощью которого религия движет нравственным миром человека. То, что так оно и было, подтверждается следующим фактом: пророки и другие люди, сменившие Моисея, смотрели на будущее практически, а не с философским безразличием, и во всех своих планах выделяли загробную жизнь человека. Более того, эта догма, как мы видели, была известна, и хорошо известна, всем полукцивилизованным расам людей. Однако в вероучении Моисея чисто временная система вознаграждений и наказаний заменила то будущее возмездие, которое было так разработано в индуистской, гебрской и египетской системах. Это был большой недостаток в его грандиозном плане. Надежда и страх перед грядущей жизнью, перед миром, в котором очевидные несоответствия преходящего земного состояния будут объяснены и исправлены, где страдающая добродетель восторжествует, а торжествующий порок будет страдать — склонность к этой вере заложена природой в саму душу и сердце человека. Подобно почитанию, оно скорее инстинктивно, чем логично, является проявлением чувства, а не результатом интеллекта. Бесполезно спорить с догмой, основанной на таких основаниях. И в моральном управлении миром это представляет такую выгодную позицию для всех, кто хотел бы дисциплинировать и возвышать человечество, что это культивировалось в каждой системе, никем не запрещенной. Евреям, однако, пришлось учиться этому важнейшему символу веры во время вавилонского пленения у ассирийцев, гебров и других язычников.

Более того, Иегова Моисея был несовершенной концепцией не только в личностном плане. Божество, это правда, было снято с плотной завесы тайны, которой его окутали ученые Индии и Египта. О его существовании было объявлено не какой-то касте или классу; об этом было объявлено всему народу. И все же он был Богом Авраама, Исаака и Иакова, а не Богом Вечности - Богом всех людей. Местное божество, его культ и знания были ограничены одним народом, лишь малой частью человеческого рода. Таким образом, Моисей, по сути, был благодетелем евреев, но он не был благодетелем человека.

Вскоре на мировой арене появился новый Реформатор. Еврейский кодекс начал приходить в упадок задолго до его появления; ибо формы веры, будучи всего лишь земными вещами, подчиняются тому вечному закону, который каждому началу предопределяет конец. Его упадок ускорили политические потрясения. Пленение евреев снабдило их множеством новых и странных догматов веры, унаследованных от их языческих хозяев. Отсюда возникли ереси и расколы, которые еще больше ослабили древнее здание, пошатнувшееся под воздействием времени, новых верований народа и потрясений, вызванных происходящими событиями. Саддукеи, придерживаясь буквы, отвергли дух Книг Моисея. Фарисейское суеверие, основанное на традиции — этом землистом сплаве, который когда-либо добавляли к чистой руде небесного откровения, — быстро подрывало храм иудаизма. Идолопоклонство постепенно исчезало из страны; но противоположная крайность, библиопоклонство, если использовать современное слово, посеянное на обширной почве жреческой гордыни и кастовых предрассудков, быстро распространилось по миру иудаизма. Чтобы устранить этот ядовитый нарост, реформировать народ Израиля, Иисус из Назарета начал свое служение.

Человек скромного состояния, но гордого происхождения, Основатель христианства проповедовал символ веры в соответствии со своими обстоятельствами. Его догматами были ессеи, третья секта философствующих евреев. “В то время как фарисеи нагромождали традиции на первоначальную структуру системы Моисея, а саддукеи строго сохраняли и придерживались простоты этой структуры, ессеи отдавали весь свой разум установлению и осознанию ее морального значения”. Таким образом, они были суфиями, спиритуалистами и гностиками иудаизма. Больше всего их было в Александрии, тогда великом центре, где греки и римляне, индийцы и персы встречались с арабами и египтянами. Разновидность философов-отшельников, они называли себя врачами душ и тел ; они жили в добровольной бедности, строгом целомудрии и безоговорочном повиновении гражданской власти; они были пуристами в языке, не оказывали сопротивления и ненавидели политические действия.

Такие принципы, публично провозглашенные как глас с небес, были, конечно, оскорбительны для правящих группировок в Иерусалиме. Люди, также стекавшиеся на проповедь нового Пророка, были разочарованы тем, что он провозгласил им духовное царство, а не наследие богатства, великолепия и славы, столь ясно обещанных им провидцами прежних поколений. Их лишь слегка отталкивал прообраз или символ. Реформатор редко пользуется популярностью, а реформа - опасное дело среди такого поспешного и своевольного народа, как евреи. Но учение Христа предназначалось не только для евреев; он готовился распространить среди человечества знание о Едином Всевышнем, когда, пав жертвой козней священников, Назаретский Пророк принял позорную смерть. Но он дал толчок прогрессу человечества, систематизировав религию высочайшей нравственной красоты, показав, чем может стать несовершенная раса; и трудом своей преданной жизни он учредил коллегия преемников, которые после него могли бы проповедовать благу вест всем народам земли.

Пророк из Назарета провозгласил, что его миссия заключается в установлении и подтверждении Закона Моисея. Как это впервые появилось, христианство было скорее сильно окружающей его слабостью, чем своей собственной силой. Это была система для отшельников и аскетов. Реформатская вера изобиловала также тем, что на Востоке обычно предоставлялось бардам и мистикам, а именно принципами почти сверхчеловеческой красоты, часто изложенными в высшей степени поэтичным языком, принципами, не созданными единым разумом, а текущей чеканкой филантропии с незапамятных времен. Ислам на всем Востоке оставил свои принципы в наследство поэтам, и они хорошо выполнили свой долг перед человечеством. Из литературы индусов и персов, египтян и арабов было бы легко составить кодекс морали и закон доброжелательности, настолько чистый и дружелюбный, насколько когда-либо приходил в сердце человека. Вся практика суфия состоит в поиске Божественности не как “популярного благоразумного и корыстолюбивого преданного”, а из горячей любви к Богу и человеку. Он “провозглашает невидимую истину превыше видимого утешения”; его полное смирение может столкнуться с ужасами вечной смерти, причиняемой божественной Волей; “у него есть нечто даже более высокое, чем вечная выгода”.

В конце концов, однако, эта почти сверхъестественная мораль, включенная в вероучение в ущерб его практической направленности; эта замена любви справедливостью, милосердие возмездием, прощения наказанием; эта чисто духовная система, которая сначала пренебрегала всеми наиболее необходимыми материальными деталями омовения, диететикой и даже формулами и положениями молитвы, никогда не смогла бы прижиться у чувственного и страстного населения Востока. Из-за своего дальнейшего влияния на инстинкты,

привязанности и предубеждения евреев эта реформация не имела ни расширения, ни продолжения. Церемониальный закон Моисея, приспособленный к праздному и незанятому народу в умеренном климате и изобильной стране с его изощренной и отнимающей много времени системой молитв и очищений, фестивалей и процессий, поначалу, правда, был не отменен, а утвержден. Но для нужд вселенной требовалась простая и гораздо более католическая система. Среди вдохновенных последователей Основателя христианства нашелся один, способный выполнить эту задачу. Смелой рукой Павел, Апостол язычников, разорвал узы, связывающие христианство с иудаизмом. Его усилия увенчались успехом. Он предложил великой семье людей Церковь с Божеством во главе и религию, основанную на особых принципах. Он оставил моральный кодекс христианства нетронутым в его красоте. Но он отменил гражданский и уголовный закон Моисея. И он смело покончил с давними обычаями и предписаниями в отношении пищи и рациона питания, которые в древности использовались как средство отделения израильтян от окружающих их рас. В обрезании больше не было необходимости, хотя его божественный Учитель подчинился этому обряду; различие между чистыми и нечистыми существами, одно из оплотов иудаизма, было разрушено; и, наконец, по мере того, как неофиты начали умножаться, язычник был поднят до уровня еврея.

Последний шаг, предпринятый суровым Апостолом, предполагает возможность того, что он решил полностью отделить реформатскую религию от Иудеи. Сам римлянин, а потому хорошо знакомый с этой правящей расой и убежденный в их физическом и психическом превосходстве над азиатской семьей, он добился переезда в Рим и там энергично продолжил пропагандистскую работу. Он умер мученической смертью, но не напрасно была пролита его кровь. Из зерна веры, посеянного им в маленькой темнице под Капитолием, выросло прекрасное дерево, в уютной тени которого нашла покой половина цивилизованного мира. Со временем ответвления распространились среди благородных варваров Севера, а затем начали выходить на мировую арену. Христианство, которое в Иудее и только на Востоке было бы верой нескольких отшельников и провидцев, приобрело в Европе глубину и горячность народной веры, которая вскоре сокрушила все сопротивление. Неудивительно, что при таком развитии событий христианин различает перст Божий!

Когда великие умы исчезли со сцены, их преемники на Востоке внесли другие, менее оправданные изменения. Христианство на Востоке было окружено самыми нечистыми влияниями. Широта его верований и отсутствие церемониала позволили ему подвергнуться воздействию теургических воплощений буддистов, демиургических теорий восточных и западных гностиков, Триады брахманов, дуализма персов, фарисейской доктрины о первом Сыне Всевышнего — Осирисе в новой форме — вместе с метафизикой эбионитов, спекулянтов и других сект греческого или, скорее, египетского происхождения. От Геркулесова пролива до побережья Короманделя она была разделена на легион ересей и расколов. Сирия и Аравия, похоже, были главным центром внимания. Церковь была сбита с толку холодностью своих детей, а Религия Любви была опозорена злобой и ненавистью, преследованиями и кровопролитием.

Тем не менее реформатская религия процветала — а какие догматы этого не делают? — под влиянием умеренных преследований. Однако, когда при правлении Константина солнце процветания в полной мере осветило любимую веру, аскетический энтузиазм, мрачные идеи

уединения, безбрачия и самосожжения, а также осуждение богатства и трудолюбия, высказанное религиозной галлюцинацией, фактически ядовитыми идеями ессейской школы, незаметно распространились по всему телу христианства. Повсюду на Востоке эти практики требуют подавления, а не поощрения. Там, где лик Природы весел и беззаботен, чтобы произвести впечатление на человечество, мрак и ужас в Мире Духа противопоставляются славе и блеску чувственных сцен. Это оплот демонопоклонства и колдовства фетисов, отвратительного язычества индусов, суеверного безумия гебров и ужасного сабаизма древних мексиканцев. Все они идеально подходят для гениальности людей, климата и окружающего пейзажа.

Таким образом, в Сирии и Египте христианство пришло в упадок. Оно скатилось к разновидности идолопоклонства. Вершины абсурда достигли столпники, которые считали, что у человечества нет более благородной цели, чем жить и умереть на капителе колонны. Таким образом, нации были ослаблены. Умерщвление плоти и религиозные покаяния вскоре приводят к вырождению расы, особенно в странах с жарким климатом, где умеренное потворство комфорту, роскоши и удовольствиям жизни укрепляет тело, а вместе с ним и разум человека. Основатели христианства пренебрегли требованием ежедневной молитвы в установленное время и церемониальной чистоты, которая находится рядом с благочестием. Они забыли о диетических указаниях и рецептах, столь необходимых на Востоке, и разрешили употребление алкогольных напитков вместе с нечистым и нездоровым мясом, таким как свинина и крольчатина. Человеческое телосложение пострадало от их непредусмотрительности. Таким образом, в то время как христианство набирало численность и силу, некоторые некогда густонаселенные и процветающие страны — например, Египет — пришли в упадок и опустелись до самых глубин деградации. Именно человеческая раса возвышает веру пропорционально моральному и материальному совершенству человека. С другой стороны, вера не в состоянии возвысить деградировавшую расу. Армяне и абиссинцы мало что почерпнули из особых добродетелей христианства. Уступая умом и телом туркам и арабам, они выродились в полуидолопоклонство, одновременно смешное и презренное. Что касается морального поведения, современный путешественник (Керзон, *Армения*) имел смелость открыто заявить, что в Турции не существует и десятой части преступлений, ежегодно совершаемых в христианском мире. Сектанты любят ссылаться в пользу своей реформации на превосходство протестантских кантонов Швейцарии над католическими. Они забывают, что первые принадлежат к выносливым и трудолюбивым народам Севера, а вторые по климату и населению являются ленивыми южанами.

Вернуться на восток. Примерно в шестом веке своей эры христианский мир громко призвал к реформам. Когда дела шли хуже некуда, Мухаммед впервые появился на сцене жизни. Здесь предлагается кратко коснуться моментов, в которых философствующая и образованная Европа еще не проявила должной справедливости по отношению к достоинствам и ценности Эль-ислама. Западные нации так долго учили смотреть на насильственную пропаганду Мухаммеда как на вероучение, враждебное лично им, они были так глубоко оскорблены нетерпимым деизмом и монотеизмом этой схемы и, наконец, так озлоблены своими жестокими войнами и смертельными столкновениями с мусульманами, что определенные ложные взгляды долгое время были и все еще остаются частью или, скорее, сутью предмета. И хотя в наши современные дни все это не помешало проявиться более мудрому и более католическому духу исследования и суждения, тем не менее, даже в трудах тех, кто больше всего гордится искренностью и свободой от предрассудков, ни капли плохой старой закваски не оскорбляет

вкус. Люди теперь, это правда, не боятся обвинения в “превращении в турка”[216]— выражение, с тех пор ставшее обычным и сочетавшееся старыми авторами (Бертон, *Анатомия меланхолии*) с “предательством отца, принца и страны, оставлением религии и отречением от Бога”. В Европе также не сохранилась прежняя злобная ненависть к основателю и символ веры для апостолов и последователей Эль-ислама. Тем не менее, следует повторить, что Спасительной Вере еще не было позволено занять подобающее ей место среди религий мира. И современные люди скорее заняты философствованием и выявлением недостатков и лжи, чем поиском истины, достоинств и красот религии, которая на протяжении тринадцати веков была светом и “жизненным руководством” пятой части человечества (Карлайл, *Поклонение героям*).

Эти четыре вкратце представляют собой наиболее популярные ошибки современности на тему Эль-ислама:

Во-первых, она определяется как вера, основанная на восприятии, и поэтому приспособлена только к той части человечества, чьи умы, все еще неразвитые и некультурные, не созрели для религии спринципами. Это отчасти верно в отношении искаженной, неистинной для чистых веры; в какой-то степени это применимо к догматам турок и персов, но не к догматам первых мусульман и современных ваххабитов. Дух религии, ее чувства и эстетика были переданы поэтам Эль-Ислама, и они достойно выполнили свою задачу. Не будет преувеличением утверждать, что почти каждое знаменитое среди мусульман метрическое сочинение является прямо или косвенно религиозным. Даже распущенные анакреоны Персии и Индии, Хафиз и Джафар и Заталли, скрывают свою грубость под покровом мистического *двойного согласия*.

Но даже в своих чисто духовных песнях и гимнах поэты Эль-ислама не демонстрируют той бедности изобретательности и ребячества воображения, которые отличают религиозных рифмоплетов христианства. В великой и благородной литературе Англии, например, есть только одна поэма, основанная на откровении, — “*Потерянный рай*”. Кто может оторваться от ее прочтения без убеждения, что великолепный гений настолько сковал себя своей темой, что многие исполнители баллад произвели на читателя более поэтическое воздействие? Кто без отвращения смотрит на диалоги Отца и Сына, в которых подробно обсуждается кальвинистское сектантство? И какой христианин, считающий свою Святую Троицу священной тайной Духа, находящейся за пределами материального разума и не противоречащей ему, не покраснел бы, видя, как его Божественность таким образом унижается в глазах сурового мусульманина-деистика?

Коран - единственный стандарт божественной Истины, повсеместно признаваемый исламом, — состоит из трех частей: исторических и легендарных знаний, моральных и психических принципов и материалов для свободного и разрозненного свода законов. И здесь можно заметить, что, возможно, за исключением Пятикнижия, которое, как мы видели, требовало своей традиции, ни одного кодекса, воплощенного в священных писаниях какой-либо расы, не было достаточно, чтобы управлять им. Какой христианской нацией когда-либо правили по христианскому закону? Даже ее кодексы являются либо ее собственным изобретением, либо заимствованы из древних обычаев, либо переведены с языческого законодательства. Ни одна божественная система, еще не провозглашенная человечеству, не удовлетворяла гражданских и уголовных потребностей будущих и более цивилизованных поколений. Так было и с Кораном. Заповеди Спасительной Веры не были достаточно твердыми и определенными для

чувственного и объективного духа Востока. В религии, как и в политике, везде, где общественное мнение распущено и бессильно, закон представляет собой и должен представлять собой совокупность строгих предписаний, направленных на то, чтобы предусмотреть все непредвиденные обстоятельства. Такие кодексы не могут иметь отношения к принципам и духу; они должны быть извлечены — теми немногими, кто в них нуждается, — из хорошо организованной системы практических предписаний. Таким образом, мусульманин в древнейшие века стремился восполнить недостатки завещанного ему кодекса. Средство было под рукой. Высказывания покойного Пророка были все еще свежи в умах его жен и ближайших потомков, его сподвижников и первых преемников. Все они приложили максимум усилий для выполнения благочестивой задачи. Самые ранние традиции имели разумное и полезное значение. В настоящее время самые тривиальные предписания и самые ребяческие практики были либо подделаны, либо запомнились так называемым святым, которые сделали это собрание делом своей жизни. Таким образом, с течением времени и постепенно появилась та громоздкая масса традиционных знаний, широко известных как Ахади, или Высказывания, и Суннат, или Деяния Пророка.

Таковыми искусствами были тонкие практики и глупые легенды, привитые схоластикой к примитивным летописям и законам Эль-ислама. В этой вере почти каждый догмат или практика, против которых философ мог бы возразить, восходят к Суннату и хадисам; Коран полностью свободен от них. Среди прочего, на них, и только на них, следует возложить вину за недостаток, заключающийся в том, что система становится в высшей степени восприимчивой. Мухаммед, как и все другие восточные законодатели, приспособил свои постановления к гению своего народа, обращаясь к ним как к полумодернизированным людям. Школы низводили своих мусульман до интеллектуального уровня младенцев и молокососов.

Однако, что касается этих суннатов и ахади, следует иметь в виду, что они являются чисто сектантскими. Четыре так называемые ортодоксальные школы придерживаются одной традиции. Основные ереси, такие как шииты и байзави, имеют свои собственные признанные собрания, откуда были тщательно удалены все эманации нечистых, то есть из других источников. Но Эль-Ислам существовал и может существовать независимо от них. Если бы ваххабитам, этим пуританам или, скорее, реформаторам Спасительной Веры, удалось вернуть арабам их простую примитивную веру, мало что из ахади и сунната осталось бы, чтобы вводить в заблуждение и оскорблять человечество.

Во-вторых, люди возражают, что Спасительная Вера основана на чистой чувственности. Трудно понять, как эта самая ошибочная оценка могла быть сформирована, за исключением самого грубого невежества. Возможно, таким образом был сделан порочный вывод: поскольку Рай мусульманина полон чувств, следовательно, в этом мире нет предела его чувственности. Но в Эль-Джаннате, или Небесном Саде, много особняков; невежественный и дикий, голодный и чувственный бедавин отведаст мяса птиц, будет жить в золотом доме, командовать любым количеством жен-ангелов и пить нектары Кафура и Зингибия. Но, как в христианстве, так и в исламе, ни глаз не видел, ни ухо не слышало, ни воображение не представляло духовных радостей тех, кто в мирской жизни подготовил себя к небесному будущему. Популярное заблуждение о том, что мусульманский пророк отказал женщинам в бессмертии души и, следовательно, низвел их до простых инструментов мужского комфорта и страстей, также могло иметь тенденцию представлять Эль-ислам как систему чувств. Возможно, опять же, моногамные расы Северного климата — поскольку моногамия, полигамия и многомужество являются

географическими особенностями — были шокированы разрешением жениться на четырех женах и содержать неопределенное количество наложниц, упустив из виду при характеристике постановлений Мухаммеда строгие ограничения, установленные в них для роскоши и удовольствий. Мусульманин не может взять себе ни одной супруги, если только не в состоянии заключить с ней соглашение, содержать, одевать и удовлетворять ее. Он должен действовать с самой строгой беспристрастностью по отношению ко всему семейству и строго избегать проявления неоправданного предпочтения. Ему разрешено иметь четырех жен с целью увеличения его племени. Мужчина в жарком и изнуряющем климате, рано достигающий зрелости и вскоре теряющий силы, которыми его соблазняют злоупотреблять как моральные, так и физические факторы, никогда бы не создал большую семью, будучи мужем только одной жены. Подобно Патриархам, у него должны быть служанки. Подобно евреям, ему должно быть разрешено многоженство и право на развод. Они, запрещенные ессеями-аскетами, необходимы для увеличения численности человечества на Востоке, и ни одна религия не может освятить таинство, которое, прямо противореча первому закону, данному Творцом своим созданиям (Бытие), имеет тенденцию сдерживать тот естественный прирост населения, который является основой всего прогресса и цивилизации.

Оставляя в стороне эти соображения как слишком поверхностные для обсуждения, можем ли мы назвать чувственной ту веру, которая запрещает человеку смотреть на статую или картину? Который осуждает даже самое умеренное употребление алкогольных напитков и, действительно, не уверен в отношении кофе и табака? Который не допускает даже самой безобидной азартной игры или мастерства? Который строго запрещает музыку, танцы и даже поэзию и художественные произведения на любые темы, кроме строго религиозных? Прежде всего, что лишает мужчину прелестей женского общества, делая греховным взгляд на непокрытое лицо незнакомой женщины? Религия, приверженцы которой должны молиться пять раз в день в любое время года, в радости и в горе, в болезни и здравии? Система, которая требует регулярной раздачи милостыни и запрещает любые проценты с денег тем, кто хотел бы спастись? Чей ежегодный пост часто становится одним из самых суровых испытаний, которым может подвергнуться человек? Для кого хотя бы раз в жизни обязательно дальше паломничество со всеми его испытаниями и невзгодами? Чей Пророк воскликнул, подобно Основателю христианства, [Арабский: [قرأخري](#)! Аль-факру фахари][217] (Бедность - моя гордость), и кто учил своих последователей, что людей губят две вещи: “много богатства и много слов”?

Те, кто лучше всех знает Эль-ислам, вместо того чтобы обвинять его в чувственности, сетуют на его аскетическую закуску. Они сожалеют о том, что люди облачают эти прекрасные сцены преисподней в траурные тона; “мир - тюрьма мусульманина, могила - его оплот, а Рай - цель его путешествия”. Но иначе и быть не могло. Аскетизм и безбрачие - обычное явление в жарком южном климате, где человек, по-видимому, подвержен своего рода религиозной мономании. Брахман-домохозяин, выполнив свой долг перед человечеством, став мужем и отцом семейства, должен по закону Меню покинуть мир и закончить жизнь саньясином среди зверей джунглей. Нет религии более монашеской, чем буддизм; и все же она атеистична. Таким образом, приверженцы этой организованной системы эгоизма, этой обширной схемы прибылей и убытков, сведенной к регулярности, лишены всякой надежды на смерть и, тем не менее, ведут самую безбедную и неестественную из жизней. “Мир ничего не знает о своих величайших людях” справедливо не с одной точки зрения. Для мусульманина время - всего лишь точка в безграничной вечности, жизнь - всего лишь шаг от утробы к могиле. Он переходит

из этого мира непосредственно в другой, но не в новое существование; каждый его аспект и обстоятельство так же знакомы его уму, как рутина земного существования. У него нет великой тайны, которую нужно узнать. В Долине Смерти для него нет тени;^[218] никакая тьма неуверенности и сомнений не ужасает его воображение. Так случилось, что, хотя Мухаммед прямо и неоднократно заявлял: “В Эль-исламе нет монашества”, немногие схемы привели к более систематическому или жесткому аскетизму. Еще до его смерти начало появляться монашество; и теперь мусульманский мир наводнен суфиями и каландарами, факирами и дерваишами, сантонами и отшельниками.

Третья ошибка заключается в том, что Основатель Спасительной Веры начал свое служение как энтузиаст, а закончил как самозванец. Такова усовершенствованная современная мода обращения с “лжесвидетельными махометами” наших предков. Мы менее грубы и догматичны, чем они, хотя вряд ли более милосердны или философичны. Признанными доказательствами “навязывания”, по-видимому, являются:

Во-первых, удобный внешний вид аята, или вдохновенных стихотворений. Но какая была бы от них польза, если бы они не нисходили, когда требовалось разрешить трудность или передать наставление? Сомневаемся ли мы в Книгах Моисея, потому что Откровение основано точно на том же принципе? И кто станет отрицать, что энтузиазм привел бы к их большему результату, чем мошенничество? Общее правило состоит в том, что для того, чтобы хорошо обманывать других, мы должны сначала обмануть самих себя. Тот, в кого хотят верить другие, должен полностью верить в себя. Вероятно ли, что такие люди, как Абубекр и Умар, стали бы жертвами простого мошенничества, столь очевидного для каждого мелкого летописца и компилятора в наши дни? Ни они, ни Мухаммед даже в свой смертный час, похоже, не сомневались в его вдохновении. Последними словами Пророка были: “Молитва! Молитва!” И, по словам шиитов, за несколько минут до того, как испустить дух, он попросил чернильницу и ручку, чтобы написать имя своего преемника. Это сцена на смертном одре лицемера или самозванца?

Во-вторых, ниспослание вдохновения Архангелом Гавриилом и частые видения небес и небесных существ, записанные мусульманским пророком. Не прибегая к какому-либо другому объяснению, разве случаи подобного рода не зафиксированы в истории человечества постоянно? И, допуская, что такие видения чисто субъективны, должны ли мы обвинять в мошенничестве всех, кто им подвержен? Как часто Основатель христианства являлся людям с высоким воображением Южной Европы? Как часто Мухаммед и Али удостаивали ревностных мусульман “призывом”? Врачи и люди науки объясняли эти, казалось бы, чудесные явления естественными причинами. Почему же тогда, если только не в силу простого предубеждения, мы должны считать одно и то же обманом у одного человека и все же относиться к этому с почтением у другого? Кто вообще отважился решить, что такое *modus inspirandi* или божественный аффлатус на самом деле? Самая древняя теория, по-видимому, заключается в том, что ангелы ([греч. αγγελοι: angeloi]) использовались в качестве посланников между Богом и человеком; и, таким образом, мусульмане, чьи догматы в этом пункте идентичны иудеям, ставят ангельское начало ниже человеческой природы.

В-третьих, переход от мирного языка к воинственному, от искусства красноречия и убеждения к пропаганде огня и стали. Но разве Основатель христианства не провозгласил: “Я пришел принести не мир, но меч” (Мф., х. 34)? И разве Моисей не побрезговал вложить плотское оружие

в руки своего народа? Великий Законодатель Израиля санкционировал хладнокровное убийство женщин и малолетних пленников. Даже царей рубили на куски перед Господом. Эти зверства были строго запрещены Мухаммедом. Даже насильственный прозелитизм не был разрешен. Протеже Эль-Ислама платил небольшой подушный налог, и ему разрешалось исповедовать свою веру и поклоняться своему Богу в соответствии с предписаниями его закона. Более того, если бы Пророк создал новый орден, чтобы распространить свой план с помощью меча, несомненно, он не был таким мелким самозванцем, чтобы оставить после себя те мирные откровения, которые так легко могли быть брошены в огонь. Нет; этот человек искренне верил, подобно Моисею, что голос Аллаха говорит внутри него.

Четвертая ошибка заключается в том, что Мухаммед, будучи не в состоянии отменить некоторые суеверные обряды и обычаи древних арабов-язычников, включил их в свой план и таким образом умилиствовал многих, кто раньше избегал его. Мы видели, что то же самое можно было бы возразить Моисею. Но Мухаммед, несомненно, мог поверить в осквернение святых мест Аллаха язычниками и восстановить их в их чистых первоначальных целях. Таким образом, Кааба, этот Пантеон идолопоклонников, был передан Эль-Исламу как дом, построенный Авраамом и Измаилом. И какой антиквар настолько умен, чтобы заявить, что Друг Божий не посещал Мекку и не закладывал там фундамент мечети и жилища? [219] Гигантские гробницы Адама и Евы в Мекке и Джидде были в древности местами литолатрии. И все же, не могли ли многочисленные арабские христиане, в религию которых Мухаммед верил до того, как старое устройство было отменено новой схемой, иметь традиции, касающиеся встречи наших прародителей на горе Арафат и их захоронения в Святой Земле? В то время Мекка была освящена не менее чем пятью религиями. Гебры основали там Святилище Сатурна. Индуисты сделали его резиденцией третьего лица своей триады. Арабы-язычники воздвигли там гигантский Пантеон. Евреи почитали его, потому что, как рассказывает Ибн Шайбат, Моисей и Аарон совершали туда паломничества; когда знаменитый Тобба принял иудаизм, он украсил дом великолепным занавесом. И, наконец, христиане, по мнению некоторых авторов, добились доступа в Каабу для изображений Богородицы с Младенцем. Колонисты и эмигранты охотно связывают замечательные события и казусы своей религии и истории со странными предметами, почитаемыми в чужих странах. Мусульмане в Синде, например, силой захватили большинство священных мест индуистов; часто также и монотеисты, и политеисты поклоняются в одном и том же святилище. Первоначальная Йони становится даасой, или отпечатком ноги Хазрата Али; а священный аллигатор индусов почитается как творение мусульманского святого. Таким образом, на Цейлоне обитель Будды стала Пиком Адама. Описание Святой Марии и Святого Младенца, отдыхающих в тени платана Гелиополиса в старых апокрифических евангелиях, явно заимствовано из древнеегипетского символа - Исиды с Гором на коленях, сидящей под иеросикаминоном. В соответствии с традициями, существовавшими в то время среди арабских христиан, нет веских оснований обвинять Мухаммеда в мошенничестве.

Чтобы причислить Спасительную Веру к религиям мира, необходимо кратко рассказать о том, что ее основатель сделал для человечества. Юноша благородного происхождения, но неудачливый, как и Пророк из Назарета, он, подобно еврейскому Законодателю Моисею, укрепился в путешествиях, уединении и медитации. Джебель Хира была его горой Хорив. Но, хотя его окружали образованные евреи и христиане, его образование было ущербным; и хотя, будучи настоящим арабом, он мыслил твердо и ясно и был совершенным мастером красноречия, у него не было ни одного из тех знаний, которые считаются сверхъестественными среди варварского народа. Его честность принесла ему в юности фамилию Эль-Амин, или

Надежный, а благородные качества позволили ему жениться на богатой вдове, на службе у которой он жил наемником.

После долгих размышлений, разгневанный абсурдным фанатизмом евреев, суевериями сирийских и арабских христиан и ужасным идолопоклонством своих неверующих соотечественников, к тому же энтузиаст — а какая великая душа не была энтузиастом? — он решил исправить те злоупотребления, которые делали откровение презренным для ученых и пагубным для простолюдинов. Он представился как человек, вдохновленный группой своих родственников и соплеменников. Этот шаг оказался неудачным, за исключением того, что он принес ему прозелита, стоящего тысячи сабель, в лице Али, сына Абу Талиба. С необычной смесью благоразумия и энергии он выполнял свою задачу до тех пор, пока не преодолел ненависть, насмешки и преследование таких людей, как Абубекр, Умар и Усман. Изгнанный жестокостью своих врагов, он бежал из своего родного города — удивительный контраст с яростью и нетерпением его расы. Но после долгого пути кротости и долготерпения в деле обращения в свою веру его дух, подобно духу Моисея, высоко поднялся против насилия и угнетения, и в конце концов — поскольку он был арабом — отменив свои мирные заповеди, он воззвал к Богу Битв в своей борьбе за правое дело. Герои и могучие люди, такие как Хамза Халид и Амру эль Айс, встали под его знамена, и его личная доблесть и высокие качества партизана вскоре привели его к богатству. После нескольких лет изгнания он вернулся в качестве посетителя в стены своего родного города, откуда бежал, преследуемый и объявленный вне закона. И он прожил достаточно долго, чтобы стать свидетелем великолепного успеха своих ранних проектов.

Уничтожив всякую веру в местного или личного Бога, он провозгласил своим арабам Единого Всевышнего, то в выражениях столь ужасных, какие только мог вынести человек, то в словах столь возвышенных и величественных, что они навсегда запали в сердце его последователей. Он собственноручно разбил вдребезги изображения Каабы и стал свидетелем полного исчезновения гигантского идолопоклонства — дела, которого самого по себе достаточно, чтобы увековечить память одного реформатора. Он сказал о Божестве: “Он не ограничен узами пространства или пределами времени; у него нет формы, которая требовала бы первого, от которого он свободен; и что бы ни касалось его, тебе приходит в голову, что он противоположен”. Он проповедовал Аллаха, Бога непостижимого, всемогущего, всеблагого, духовного и вечного.

Он возродил древнейшую схему мозаицизма и первозданную простоту христианства, сделав каждого мужчину священником и патриархом своего собственного дома. Предшествующие религии пытались возвысить человеческую природу над самой собой и, как и следовало ожидать, принижали объект своих усилий. Он прививал достоинство человека вместо того, чтобы постоянно проповедовать человеческую деградацию, он уважал смертную природу, и поэтому он воплотил свой план в высшей степени практично, с чем-то вроде более высокого полета. Он покончил с кровосмесительным браком с вдовой отца; он отменил Вад эль Банат, или смертоносное бесчеловечное обращение с детьми женского пола. Он исправил распущенность и безнравственность того времени, объявив пьянство и азартные игры уголовно наказуемыми преступлениями и запретив скромным женщинам появляться на публике в непокрытом виде. Наконец, не говоря уже о других великих и благих делах, провозглашением модифицированного фатализма — сильно заблуждаются те, кто путает его с абсолютным Предопределением, — он попытался обуздать ту тенденцию к самоуничижению, которую он не

мог полностью изгнать из привязанностей своих соотечественников. Он умер не как энтузиаст или самозванец, а как человек, верный принципам и обычаям своей жизни; и он завещал миру Закон и Веру, в которые человечество не верило более твердо и пылко, и широкое распространение которых — действительно, более широкое, чем любого другого вероучения, — само по себе достаточно, чтобы доказать его внешнюю ценность для человеческой семьи. Так много сделал Мухаммед для своих ближних.

Можем ли мы удивляться, что Арабский пророк, оказавшийся, несмотря на превратности судьбы, времени и места, настолько опередившим свой век, таким одиноким существом среди фанатиков, суеверных и униженных, наивно считал себя Посланником Аллаха и избранным орудием возрождения человека? Учитывая пылкий темперамент араба, его высокий уровень почитания и то, что он различал божественную руку в каждой человеческой работе и изменении, можем ли мы удивляться, что он приписывал огонь своей души и сильную работу своего разума чему—то сверхъестественному - вдохновению или откровению? Знаменитый мистик Мансур эль Халладж был забросан камнями толпой за использование слов “Я есмь Истина” (*то есть* Господь). Но его суфийское братство все еще объясняет очевидную непочтительность этого высказывания и верит, что он был, как было сказано о Спинозе, человеком, опьяненным Богом.

Таким образом, миссия Мухаммеда заключалась исключительно в реформировании. Он считал, что четыре эпохи предшествовали его собственной и что его целью было восстановить их первозданную чистоту. Но адамическая система устарела из-за схемы Ноаха; а это произошло из-за Моисея, который, в свою очередь, прекратив свое существование, оставил все свои полномочия и прерогативы христианству; таким образом, и последнее устройство в полноте времени было заменено откровениями Эль-ислама, Спасительной Веры. Все прошлое теперь изжито и отменено. Все будущее будет просто обманом; ибо он был последней из религий, он был Душой Пророков. Он обвинял евреев и христиан во всеобщей испорченности, в духовной смерти, и с жаром проповедовал им новую веру, учение о жизни. Он открыто обвинил их в том, что они изменили и переделали свои священные писания.^[220] Это обвинение также не может быть опровергнуто. Сейчас, как и тогда, невозможно выяснить, что написал Моисей или что было написано для него книжником Ездрой и другими составителями. Разница в стиле и языке, частые переходы от первого лица к третьему и, наконец, рассказ о смерти и погребении Законодателя убедительно доказывают, что у Пятикнижия в его нынешнем виде было более одного автора. Вероятно, первоначальный проект был лаконичным и укороченным.

Даже в Коране было мало нового. За исключением некоторых легенд, добавления некоторых правил, касающихся ежедневных молитв и очищения имущества, с несколькими постановлениями, такими как Дият, или кровавые деньги, запрещенные Пятикнижием (Нумб. xxxv. и Втор. xix.), но ставшие необходимыми в силу состояния арабского общества, и некоторыми диетическими изменениями — верблюд, например, и лошадь были признаны чистой пищей, — Коран можно было бы практически извлечь из моисеевых и раввинских писаний, евангелистов и апокрифистов христианской эпохи. В нем также мало что заслуживает похвалы, за исключением его пламенного и повелительного красноречия. Как свод законов он в высшей степени несовершенен. Тот, кто смог бы написать такой труд, мог бы написать гораздо лучше. Мухаммед, однако, полагался в успехе своей миссии на гораздо более высокие требования, чем любая книга.

Мухаммед не претендовал на пророчества или чудеса. Он называл себя Эль Расулом и Эль Набби, вестником благой вести от Аллаха адамитам. Он не давал своего имени новой системе верований; его таинства были обозначены в мессе как Эль Ислам, Спасение или Спасаящая вера. Его ночное путешествие на небеса, ставшее предметом стольких порочащих заявлений, было либо видением, либо сном. Раскол луны, история, столь чудовищно рассказанная его потомками, основывается не на чем ином, как на строке из Корана, которую можно было бы правильно перевести: “Придет час [Суда], и луна расколется на части”. Вероятно, эта нелепость была выдумкой последователей, которые решили оспорить в пользу своего законодателя повеление Иисуса Навина над воинством небесным. Говорят, что невежественный афганец хвастался, что его Пир, или духовный пастырь, знаменитый поэт Абд эль-Кахман, имел обыкновение совершать ночные путешествия, подобно Мухаммеду, в Рай, и жестоко избил святого человека, когда тот, обвиненный в нечестии, опроверг это непочтительное утверждение. Такого Мухаддиса, или передающего высказывания Пророка, как Абу Хурайра, Отец Котенка, можно справедливо заподозрить в подобной подделке, если судить о нем по его признанным трудам. Мухаммед тем более презирал притязания на чудодейственные силы, которые, как те, кто знает восточные земли, принадлежат каждому мелкому святому и деревенскому сантону. “Самый экстраординарный из обычных людей”, историк Хьюм, пришел к выводу, что, поскольку он сам никогда не видел чуда, никто другой никогда не видел чуда. Восточный путешественник не поверит в чудеса по противоположной причине — потому что он видел их так много.

Быстрое и обширное распространение ислама, рассматриваемое правоверными как замечательный пример божественной помощи, следует объяснять без вмешательства Божества. Арабы хлынули из своего великого центра, пока все избыточное население не было истощено. Повсюду они выступали как освободители рабов, особенно в Турции и Персии, где искусственное и чрезмерно утонченное состояние общества породило тиранических деспотов, бесчисленную и ненасытную знать и ограбленный и избалованный народ. Еще одно обстоятельство благоприятствовало росту “Религии Небес и Земли”. Независимо от того, считаем ли мы арабов аборигенами их родной природы, или, согласно современной теории, мы выводим их из высокогорий Эфиопии, несомненно, что их большой успех был достигнут среди родственного народа, говорящего на родственных языках. Действительно, с древнейших времен Аравия направила несколько обширных потоков эмиграции. По сути, являясь азиатской формой веры, Эль-ислам не мог продвинуться дальше барьеров, противопоставленных ему географией. Не имея Святого Павла, которого можно было бы модифицировать, изменить это, Спасительная Вера разбилась о скалу новой расы.

Но это я утверждаю ради Эль Ислама.

Повторяющаяся цель, пронизывающая мир, главным образом проявляется в более высоком уважении, с которым человек относится к человеку. Давид поставил его немногим ниже ангелов. Христианство, система аскетизма, подтвердило эту оценку: мы падшие существа, падшие не по нашей собственной вине; приговоренные к вечной смерти, а не по нашим собственным недостаткам; искупленные Божественным Существом, а не по нашим собственным заслугам. Эль-ислам, напротив, поднял человека из этого униженного статуса и со здравым смыслом, который характеризует это вероучение, вдохновил и возвысил его на ступени творения, научив его достоинству человеческой природы. Таким образом, современный

спиритуализм наносит удар христианству, в то время как Эль-ислам способен противостоять ему.

Но, как бы Эль-ислам ни процветал среди родственных рас, в других местах он потерпел неудачу. В Китае не было никакой пропагандистской силы. На юге Испании вера сохранялась долгое время; однако ее буква и дух были почти утрачены. Зегри и Абенсеррахи были европейскими рыцарями, а не восточными. И когда северный народ был вытеснен вперед, одного разрушительного поражения было достаточно, чтобы установить для него границы, которые он никогда не пытался пересечь. В Венгрии и Австрии снова, с удесытеренной мощью, ему не удалось закрепиться; и когда “Святая Русь” стала достаточно сплоченной, чтобы быть могущественной, Эль-Ислам был выброшен, как труп.

Опять же, что примирило древнего мусульманина и расположило к нему современных, так это его благородная простота. У верующего сравнительно мало или вообще ничего нет, чтобы заплатить за свою моральную и духовную потребность - религию. У него нет десятины и мало сборов. Его культовые сооружения построены и поддерживаются на религиозные средства, тщательно охраняемые законом и обычаями. Мухаммед Али, это правда, конфисковал “Вакф”, оставленный многим мечетям и гробницам Каира. Он также, следуя примеру Турции, заменил в Мекке и Эль-Медине ежегодные пенсии продуктами с их древних обширных церковных земель. Но он проводил эти меры среди египтян, расы людей, чья вялость и апатия требуют постоянных побуждений сражаться за веру; в Кабуле и Бухаре самые смелые и могущественные грабители вряд ли отважились бы на такое святотатство. Более того, мусульманин, исповедующий ислам, не имеет священства; те, в чьи обязанности входит проповедовать и молиться людям, не являются церковниками; они временно получают от вахилия, или смотрителя мечети, несколько пиастров в месяц; но все должны жить каким-то честным светским призванием. Даже султан, Защитник Веры, Представитель халифов и Наместник Аллаха на земле, не брезгует ремеслом, изготавливая и продавая зубочистки. Наконец, мусульманин не крещен; он обрезан цирюльником; он может жениться на себе по причине отклонения от общепринятого обычая; и любой мирянин-единоверец может искупать его, похоронить и помолиться над ним.

В Европе принято считать, что Эль-ислам находится в упадке; и старые предрассудки, унаследованные от крестовых походов, как правило, делают это утверждение популярным. Оно основано на недостаточных основаниях. С такой же точностью мусульманин мог бы предсказать нынешнее падение христианства из-за ересей и расколов, которые отвлекают Церковь от широкого распространения дальновидных сведенборгианцев и мелкого самозванного мормонизма.^[221] Турция и Египет могут демонстрировать следы широтионизма, как это сделали Франция и Германия; однако ни один мусульманский народ еще не отважился отменить Эль-ислам законом. Но Аравия и Афганистан все еще стоят твердо, как и в первые века веры. В целом можно отметить, что в восточных религиях пропаганда и миссионерство Запада имели тенденцию укреплять и подтверждать догматы, против которых они были направлены. Таким образом, индуизм, дав христианству нескольких отверженных, окопался за твердыней ведантизма; ученые - чистые деисты, невежественные - чистые идолопоклонники. Буддизм остается нетронутым, и сама природа его энциклопедических догматов делает его неприступным. Даже секта Гебров укрепилась за счет полемических аргументов и претендует на то, чтобы соперничать со своими антагонистами в спорной теологии. Несмотря на могучую силу, брошенную против этого, обращенных в христианство парсов можно пересчитать по пальцам одного человека. Эти религии также не поддаются принуждению. Законы Мену,

Зороастра и Мухаммеда все еще имеют оплоты, которые нелегко разрушить. И если христианство, как оно часто угрожало, когда-нибудь встретится со Спасительной Верой в смертельной схватке, а Крест сразится с Полумесяцем в последнем из крестовых походов, мусульманский ятаган, каким бы ржавым он ни был от ржавчины веков, окажется хорошим металлом, из которого он был выкован вначале.

Предположим, однако, что Эль-ислам будет уничтожен цивилизацией, подорван медленными действиями смыкающихся вокруг него христианских держав или одряхлеет от старости, каков будет результат? Некоторое обновление по существу того же, формально иного; некоторое возрождение ее вечного принципа, монотеизма, замаскированного под свежее облачение тех внешних случайностей, которые составляют религию. Такова всегда была история мировых вероучений. Во все времена

выныривая из бури,

Первобытная вера возвышает ее изменчивую форму,

Поднимается из своей погребальной кучи на крыльях пламени,

И парит, и сияет другой и такой же.

КОНЕЦ.

СНОСКИ:

[211] Существование Бога не является “общей и почти универсальной верой человечества”. Истина о том, что Бог есть, обычно демонстрируется таким образом:

1. Физический аргумент, в котором следствия и события прослеживаются до причин, пока не будет найдена Первопричина, беспричинная.
2. Аргумент, основанный на конечных причинах и замысле, бесчисленные свидетельства которого в физическом и ментальном мирах указывают на Великого Оригинального Дизайнера.
3. Моральный аргумент, основанный на врожденном чувстве долга и ответственности.
4. Исторический спор и консенсус человечества.

[212] Идея о том, что человек является составным существом, состоящим частично из духа и частично из материи, таинственным образом связанными друг с другом, действующими и реагирующими друг на друга, является неокосмической мечтой. Дикари, как и философы, считают разум свойством материи.

[213] [Глава i. 46.]

[214] Второзаконие ix. 9. Этот срок составлял сорок дней и ночей. Среди мусульман это стало признанным периодом изоляции для тех, кто проходит посвящение в мистические и магические практики. Однако это прямо противоречит духу и букве ислама.

[215] Один современный философ имел обыкновение говорить: “А что касается того христианства, которое таково, согласно моде современных философов и пантеистов, без личного Бога, без бессмертия, без индивидуальности человека, без исторической веры — это может быть очень остроумная и тонкая философия, но это вообще не христианство” (Нибур).

[216] Шекспир, *Гамлет*, Акт III., сцена ii.

[217] *[Программа, которую вы используете для отображения арабского языка, может изменять порядок слов на противоположный. При чтении справа налево первое слово —* القرآن*.-Переписчик.]*

[218] ”Я думаю, - сказал капитан Уайатт, “ краснокожие индейцы умирают лучше белых; возможно, потому, что меньше боятся будущего”. Остроумная догадка!

[219] Некоторые географы отождествляют Массу, город и замок седьмого сына Измаила (Быт. xxv. 14), с Меккой.

[220] Мухаммед, вероятно, мало задумывался, насколько более прямое обвинение должно быть выдвинуто против его собственных откровений. Аяты, или вдохновенные стихи, были набросаны без порядка и времени иероглифами муснада, которые не допускали ”точек над гласными", на пальмовых листьях, бараньих лопатках и подобных диких заменителях бумаги. В таком состоянии их бросили в ящик и передали на хранение Хафсе, одной из “Матерей мусульман”. После смерти Пророка они были выведены из своего укрытия в состоянии беспорядка, что объясняет их нынешнее замешательство. Издание Аята было впервые опубликовано Абубекром, который назвал его “Коран”, или "То, что должно быть прочитано". Эта работа была полна ошибок. Второй выпуск был из рук Усмана, одно из современных названий которого - “Переписчик Корана”. Однако его подданные предали его смерти, хотя он окружил себя валом священных писаний, за то, что он нечестиво вмешивался в процесс вдохновения. Наконец, Али Халиф, который был большим ученым, чем большинство арабов, который писал стихи, приводил пословицы и, по некоторым данным, усовершенствовал силлабарий, изобретя точки над гласными, вспомнил все остальные и издал свой собственный. Шиитский раскол по сей день заявляет, что целый джуз, или раздел, которых в Коране сейчас насчитывается тридцать, был опущен и уничтожен враждебными Али халифами, как это было при восхвалении его. Некоторые отрывки из утраченного откровения действительно цитируются в их богословских трудах. Это правда, что ничто в священных писаниях мусульман, ни одна йота или заглавие, не может быть изменено, добавлено или опущено. Как и евреи, они пронумеровали и записали каждую букву и гласную точку. К сожалению, они предприняли этот мудрый шаг слишком поздно; как гласит восточная пословица, после того, как лошадь была украдена, они обратились к недоузду и подковам.

[221] [В своей книге "*Город святых*", написанной после его визита в Солт-Лейк-Сити и опубликованной в 1861 году, Бертон придерживается иного взгляда на мормонизм.]

НАПЕЧАТАНО
ХЕЙЗЕЛЛОМ, УОТСОНОМ И ВАЙНИ, LD.,
ЛОНДОН И ЭЙЛСБЕРИ.

ПРИМЕЧАНИЕ ПЕРЕПИСЧИКА

В оригинальной книге сохранены архаичные, устаревшие и непоследовательные варианты написания. Явных орфографических ошибок обнаружено не было. В текст не было внесено никаких изменений, за следующими исключениями:

- некоторые сноски, добавленные для комментариев по поводу транслитераций,
- для слов арабского алфавита (включая арабский, персидский, синдхи и т.д.) Или девангари (санскрит, хинди и т.д.) Я включил транслитерацию, если таковой еще не было в тексте,
- все сноски перенесены в конец главы,
- СОДЕРЖАНИЕ, ПРЕДИСЛОВИЕ, УКАЗАТЕЛЬ и ПРИМЕЧАНИЕ ПЕРЕПИСЧИКА добавлены к оглавлению, а также
- добавил это примечание.

Обложка была изготовлена компанией transcriber с использованием изображений из книги и настоящим находится в общественном достоянии.
